

Литературный

АЛЬМАНАХ

2009

СЫКТЫРВОКАР

**Администрация МО ГО "Сыктывкар"
Управление культуры администрации МО ГО
"Сыктывкар"**

СЫКТЫВКАР

литературный альманах

*Повести
Рассказы
Стихи
Очерки
Статьи*

Сыктывкар

**Издательство ООО «Полиграф-Сервис»
2009**

84 (2Рос=Рус) 6

С 95

**Проект доктора филологических наук
Владимира Николаевича Демина**

С 95 СЫКТЫВКАР: Литературный альманах / Составители А.В. Канев, А.Е. Бернштейн, А.А. Иевлев, Л.Г. Ханаева, А.Г. Попов. – Сыктывкар: Издательство ООО «Полиграф-Сервис», 2009. – 280 с.

ISBN 5-7555-0788-0

84 (2Рос=Рус)

6

Редактор-составитель А.В. Канев

Общественная редколлегия

Виктор Шевцов

Альберт Бернштейн

Галина Нечаева

Виктор Демидов

Андрей Канев

Алексей Иевлев

Митрофан Курочкин

Людмила Ханаева

Андрей Попов

*Авторы благодарят за финансовую поддержку проекта
Управление культуры администрации МО ГО «Сыктывкар» и лично главу администрации МО ГО «Сыктывкар» Романа Валерьевича Зенищева.*

ISBN 5-7555-0788-0

© А.В. Канев, составление, 2009

© А.А. Иевлев, составление, 2009

© А.Е. Бернштейн, составление, 2009

© Л.Г. Ханаева, составление, 2009

© А.Г. Попов, составление, 2009

© Управление культуры админ. МО ГО «Сыктывкар», 2009

© Издательство ООО «Полиграф-Сервис», 2009

Оглавление

«Сыктывкар» - десятый юбилейный	2
Надежда МИРОШНИЧЕНКО. На 300-летие сибирской губернии	9
Владимир ТИМИН. Если в ширь дорога вечна... (стихи) в переводе с коми А. Суворова, А. Попова.....	11
Владимир СИЛКИН. Скоро, скоро заметет... (стихи).....	13
Андрей ПОПОВ. Как я стал рядовым запаса (рассказ)	15
Александр НЕКРАСОВ. Дождь (стихи).....	20
Владимир ПОДЛУЗСКИЙ. Мельница (стихи).....	22
Григорий Спичак. Глаза человека (рассказ).....	25
Анатолий ИЛЛАРИОНОВ. О доме (стихи)	28
Тамара ЛОМБИНА. Мертвая невеста (рассказ).....	30
Юрий ИОНОВ. Кто сказал, что Север – только край оленей (стихи) .	34
Алена ЕЛЬЦОВА. Тихо падают листья... (стихи) в переводе с коми Н. Бибяевой.....	35
Александр УЛЬЯНОВ. Было бабье лето (рассказ)	36
Валерий ВЬЮХИН. Созвучность (стихи)	44
Альберт БЕРНШТЕЙН. Портупей-прапорщик из Алгасова (повесть)	46
Николай ГЕРАСИМОВ. Новый сезон (стихи).....	89
Любовь ГАЛОЯН. Тепло родного очага (рассказ)	91
Олег ЧУПРОВ. Я березовым венником... (стихи)	94
Иван БЕЛЫХ. Восточная дорога (рассказ).....	96
Александр КЛЕЙН. Кого ни вспомню, - нет давно... (стихи)	100
Алексей КАРПОВ. Эх, какое тогда было время... (стихи)	101
Евгений СУВОРОВ. Сердце сжималось от боли (повесть).....	104
Мария КУЗЬМИНА. О вечном (стихи)	128
Владимир ОЛОФИНСКИЙ. (Он не дергал судьбу за хвост... (стихи)	130
Сергей ЖУРАВЛЁВ. «Ветер времени отсеет сор от зёрен...» или об авторе негромких песен о стороне озёр лебединых (очерк).....	132
Александр ЛОБАНОВ. Русь, как прежде... (стихи)	139
Валентин ОХАПКИН. Записки учителя (очерк)	141
Митрофан КУРОЧКИН. Бег налегке (стихи).....	149
Виктор ДЕМИДОВ. Вездеход в тундре (стихи)	152
Николай ТЕРЕНТЬЕВ. И помаhal мне лапой на прощанье (рассказ)	153
Евгений ГОРЧАКОВ. Сюжет для последней строчки... (стихи).....	154
Мария КОЧЕДЫКОВА. В волшебном лесу (сказка)	156
Алексей ИЕВЛЕВ. Концерт. (стихи)	160

Александр ПАРНАЧЁВ. О недоварившихся носках и ещё кое о чём (<i>рассказ</i>)	162
Сергей СОКОЛОВ. Давай прочтем с тобой, что не написано... (<i>стихи</i>)	164
Тамара КУРОЧКИНА. Доброта (<i>рассказ</i>)	165
Валерий МАКСИМОВ. Шахтерам Воркуты и Инты (<i>стихи</i>).....	172
Андрей БОБРОВ. Опускается ночь на безлюдный перрон... (<i>стихи</i>)	173
Николай МАЛЬЦЕВ. Человек родился! (<i>рассказ</i>).....	173
Валентин ТКАЧЁВ. Будет и горько и колко... (<i>стихи</i>)	177
Роман КОЖУХАРОВ. Судьба, раскачивая качели... (<i>стихи</i>).....	178
Сергей ЧЕРНОЛЕВ. И зреет злак под ледяной коростой... (<i>стихи</i>)..	179
Александр СУВОРОВ. Вера в эпоху потребления (<i>стихи</i>)	180
Сергей КОКОРИН. Муза (<i>стихи</i>)	182
Валентин ГРИНЕР. Знойное лето 54-го (<i>повесть</i>)	183
Нина ОБРЕЗКОВА. Цвета твоих глаз сошью себе платье... (<i>стихи</i>)	203
Екатерина ИЗЮМСКАЯ. О Тришечке (<i>побасенка</i>).....	205
Владимир ЦИВУНИН. Трава под окнами всё гуще... (<i>стихи</i>)	206
Валентин ЛЫЧКОВСКИЙ. Как Егор Николаевич в плен попал (<i>рассказ</i>).....	207
Анатолий ВОТЯКОВ. Степаныч (<i>рассказ</i>).....	210
Ирина ВЕЛИЧКО. Фиалки не с Монмартра (<i>очерк</i>).....	213
Валентин ЗЛОБИН. Незримая рука ваша (<i>очерк</i>)	216

Литературное объединение СГУ (руководитель А. Попов)

Владимир УСТЮГОВ. Я в доме твоём ночевал (<i>стихи</i>)	220
Александр СЕЛЯКОВ. Бочку закрой! (<i>рассказ</i>)	220
Елена КЕППЛИН. Воздух вылеплен из снега... (<i>стихи</i>)	223
Татьяна РИВЧАК. Формула цвета (<i>эссе</i>).....	224
Александра ПАРШУКОВА. Поле (<i>стихи</i>)	225
Клавдия КОСТРОМИНА. Странички из дневника (<i>мысли</i>)	226
Максим САМАРИН. Не твое, не мое – а печалится... (<i>стихи</i>)	226

Литературное объединение при еженедельнике "НЭП"

(руководители Н. Бывалина, Е. Карпов)

Евгений КАРПОВ. Как давно мы не виделись... (<i>стихи</i>)	227
Эльнара ФЕЙЗУЛЛАЕВА. Мало кто вслед кричал... (<i>стихи</i>).....	228
Татьяна ПАШИНСКАЯ. Нежность (<i>стихи</i>).....	229
Надежда БЫВАЛИНА. Я в глаза твои посмотрю... (<i>стихи</i>).....	230

Литературное объединение Эжвинских поэтов и писателей "У камелька" (руководитель - Л. Ханаева)

Людмила ХАНАЕВА. Сгущается бесшумно тень ночная... (стихи) .	230
Людмила ЧЕБЫКИНА. Сумеешь ли хороший мой... (стихи).....	231
Игорь ХУДОЛЕЙ. Ты для меня была в тот вечер... (стихи).....	231
Наталья ЗОНОВА. В лимонном свете тишина... (стихи).....	232
Олег РОЧЕВ. Мой стих отрекся от меня... (стихи)	233
Маргарита ПРИЛУЦКАЯ. Нас бросает по свету... (стихи)	233
Екатерина ФИЛИПЧЕНКО. Вглядываясь в жизнь подслеповато... (стихи)	234

Литературное объединение "ЛИСТ" Национально-культурного центра СГПК им. И.А. Куратова (руководитель А. Канева)

Анастасия БЕЛЯЕВА. Благородное спокойствие (стихи).....	235
Юрий КОНАКОВ. Опустевшим пляжем... (стихи)	236
Лана ШЛЫЧКОВА. Не долюбила, не успела... (стихи).....	238
Владимир АЛЕКСАНДРОВ. Куда летят эти птицы... (стихи)	239
Виктория БАЖУКОВА. Погоня (стихи)	239
Андрей КАНЕВ. «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА РЕСПУБЛИКИ.....	240
КОМИ В 2008 ГОДУ» (рецензия).....	240

«СЫКТЫВКАР» - ДЕСЯТЫЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ

Нынешний выпуск литературного альманаха «Сыктывкар», именно под этим названием, является десятым и юбилейным. Хочется отметить, что ежегодно это литературно-художественное издание выходит в свет с 1994 года, с 2000 под названием «Сыктывкар». На его страницах нашли отражение своего творчества многие авторы, как столицы республики, так и её районов и городов. Сыктывкар всегда славился своими талантливыми людьми... Не последнее место в культурной жизни города занимало и занимает литературное творчество, которое реалистично отражало и отражает нашу сегодняшнюю жизнь.

Потребность в появлении литературного сборника, который стал бы трибуной для пишущих талантливых поэтов и писателей разного возраста в нашем многонациональном городе, республике диктовалась требованием самой жизни.

В 1994 году город Сыктывкар отмечал 620-летие коми («Стефановской») письменности и в связи с этим в свет выходит первый поэтический сборник, посвященный этому юбилею - «Звезда забытого завета». В том же 1994 г. выходит новый сборник, но уже рассказов - «Авария», в котором впервые был напечатан рассказ В.Журавлева-Печерского «Выхожу на связь» - рукопись на которой остановилась рука писателя. Впоследствии рассказ доработал и подготовил к изданию сын писателя С. Журавлев.

Каждый ежегодный сборник в последствии, составляемый с любовью редакционной коллегией (М.И. Курочкин, А.А. Иевлев, И.И. Белых, А.В. Ульянов, А.Е. Бернштейн, В.А. Шевцов, В.М. Полещиков, А.Г. Попов, В. И. Демидов), имел свое название: "На изломе" (1995), "Берега" (1996), "Открытая дверь" (1997), "Выбор" (1999). С 2000 года с легкой руки доктора филологических наук, профессора В.Н. Демина, тогда руководителя созданного им культурологического общества «Сыктывкар», сборники стали называться: литературный альманах "Сыктывкар" (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008).

В городских альманахах впервые увидели свет пьесы драматургов Л.Б. Терентьевой, С.В. Журавлева, И.Н. Величко и других. В нем печатали свои стихи такие известные в республике и за ее пределами поэты как С. Попов, Н. Мирошниченко, В. Силкин, О. Чупров, А. Алшутов, А. Ванеев, А. Клейн, В. Тимин, В. Вьюхин, В. Кушманов, А. Иевлев, Г. Спичак, А. Расторгуев, А. Суворов, В. Демидов, В. Кушнер, Н. Тюрнин, Андр. Попов, прозаики В. Гринер, В. Напалков, А. Улья-

нов, И. Белых, В. Блинов, Т. Ломбина, Е. Габова, В. Сумароков, А. Бернштейн, А. Парначёв и другие. С каждым выпуском увеличивается количество авторов, желающих показать свое творчество на страницах ежегодного альманаха. В последние годы он стал настоящей трибуной для молодых, пробующих себя в литературе.

И с каждым выпуском альманах приобретал все более весомое значение для развития литературного процесса в г. Сыктывкаре и Республике Коми. О чем говорят многочисленные отклики о нем в республиканских печатных средствах массовой информации. В этих книгах впервые вышли в свет произведения около двухсот авторов, как молодых, так и известных в республике.

Литературный альманах «Сыктывкар» зарекомендовал себя как интересное неординарное издание. На его страницах нашли «свою нишу» такие литературные объединения, как «ЛИСТ» (СВПК им. А.И. Куратова – руководитель А. Канев) и «У комелька» (Эжва – руководитель Л. Ханаева), литературное объединение Сыктывкарского государственного университета (руководитель – А. Попов, а теперь и литературное объединение при еженедельнике «НЭП» (руководители Н. Бывалина, Е. Карпов).

В нем печатались публицистика, критика, статьи по литературоведению и краеведению таких известных в республике ученых, как доктора филологических наук В. Демин, Л. Гурленова, А. Власов, доктор геолого-минералогических наук Н. Юшкин, кандидат педагогических наук Л. Гаврилина, кандидат искусствоведения А. Клейн, кандидат филологических наук М. Плеханова, кандидат исторических наук Н. Сурков, кандидат геолого-минералогических наук А. Иевлев, литературоведы Р. Куклина и О. Заяватдинова, историки литературы В. Полещиков, Анат. Попов, М. Курочкин.

Непосредственное участие в составлении литературного альманаха «Сыктывкар» с 2008 года принимает Союз писателей Республики Коми, произведения профессиональных писателей, стали неким ориентиром для молодых авторов.

Все литераторы, публикующие свои произведения в альманахе «Сыктывкар», разные по своим художественным устремлениям и вкусам. Но их вместе объединяет наша действительность, сходные социальные условия существования и сегодня, можно с полной уверенностью сказать, что альманах востребован читательской аудиторией, необходим писателям как «старого», так и «нового» поколений.

Редколлегия

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

НА 300-ЛЕТИЕ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

*Аркадию Елфимову, воссоздателю и
защитнику русской истории и культуры*

По вертикали, Елфимов, по вертикали
Русские люди строят судьбу веками.
Как повелось от Владимира: выше – лучше –
Так нас и манят вверх небеса и кручи.

Мужеству русских пою я сегодня славу!
Слева – Кучум, а Ермак – он навеки справа.
Мыс тот Чувашский – из нашей победы соткан.
Что, казаки, а слабо - из ладей – слободку?

Что, казаки, а слабо – слободу – в столицу?
А для чего же тогда нам сама жар-птица?
А для чего, казаки, нам тогда дорога,
Если не в гору, не ввысь, не к царю, не к Богу?!

Сколько уж силы собралось в той богатырской
Русской губернии! Звали ее Сибирской!
Слава Сибирской губернии! Русским слава!
Слева – Кучум. А Ермак он навеки – справа!

По вертикали, Елфимов, по вертикали
Ангелы нынче всю ночь над землей взлетали.
Над Абалаком, Искером – святое войско.
Ангел их Белый позвал к себе - страж Тобольска.

Даже Конек-горбунок проскакал по круче,
Чтоб подивиться такой красоте могучей.
Кто-то сказал, что сегодня, мол, много снега.
Ремезов только с надеждой глядел на небо.

Ремезов славный, твои отыскались карты.
Как тебе в городе? Да и, вообще-то, как ты?!
Слава Сибирской губернии! Русским – слава!

Слева – Кучум. А Ермак – он навеки – справа.

Что ж ты, Тобольск,
о столичной судьбе не помнишь?!
Красная площадь твоя, как молитва в полночь.
Храмы твои – это веры твоей оплечья.
Стольный Тобольск – ты – бессмертие человеچه.

По вертикали, Елфимов, по вертикали
Поле истории русской перепахали.
Русское сердце за Русь не устанет биться.
Все повторится, Елфимов.
Будет Тобольск столицей.

* * *

А где-то здесь я обронила слово.
И было лень поднять его с земли.
И вот взошел репейник бестолковый
И стал вздыхать зачем-то о любви.

Он то подола моего касался,
То душу ранил, этакая дрянь!
И так ко мне, колючий, привязался,
Что я в сердцах прикрикнула: «Отстань!»

А он терпел. И, думая об этом,
Я вспомнила, конечно, не всерьез,
Что где-то здесь, где нет сегодня света,
Я пролила озера чистых слез.

И где-то здесь я обронила слово
И было лень поднять его с земли.
И вот взошел репейник бестолковый.
И стал вздыхать зачем-то о любви.

* * *

Это не стихи, когда - стихи.
А стихи, когда твоя страна
В рост встает на краешке строки.
И теряет отправку война.

Это не стихи, когда – стихи.
А стихи, когда на сердце боль
Так изводит душу за грехи,
Что писать иль вешаться изволь.

Это не стихи, когда – стихи.
А стихи, когда, от счастья пьян,
Розами считаешь лопухи
И пуховым облаком бурьян.

Вот мы и не свидимся с тобой.
Было или не было, как знать.
Это не стихи, когда – любовь.
Вот пройдет, тогда начнем писать.

Владимир ТИМИН

* * *

Если шириь дорога вечна,
Значит, вглубь такой же путь.
Даже в клетку бесконечно
Проникать нам, точно в суть.

Если рай кому-то светит,
Значит, ад кого-то ждет.
Только странно, что на свете
Время вовсе не идет.

Нет в пространстве циферблатов.
Не нужны часы ему.
Нет расцветов и закатов,
Дней, столетий... Ни к чему!

Ни минувших, ни грядущих
Нет мгновений. Всё – теперь.
Может, время для идущих –
К Богу потайная дверь?

Перевод с коми Александра Суворова.

* * *

Жить учил я отца – лез из кожи,
Повторял за уроком урок.
От греха самоомнения, Боже,
Почему Ты не предостерег?

Словно знал что-то больше отца я...
Словно ведал начала начал...
Мне молчанием лишь отвечая,
Тайны жизни отец открывал.

НЕ БЕЗ ЮМОРА

Чудо – жизнь! Но я не знаю,
Для чего я выбран ей.
И спешат к какому раю
Человек и муравей?

Терпишь творческие муки,
Чтоб оставить людям свет.
Дети вырастут и внуки.
Стаж накоплен...
И привет!

Облака плывут без смысла.
Скучно снова, господа!
Никогда бы не родился,
То б не умер никогда.

Может, прошлого значенья
Завтра – только звук пустой...
Для чего свое вращенье
Ускоряет шар земной?!

Перевод с коми Андрея Попова

* * *

Андрею Каневу

Скоро, скоро заметёт
Скоро,
Чистым снегом зарастёт
Город.

Буду мёрзнущих кормить
Уток,
Будет мало, чтобы жить,
Суток.

Перед пулей не дрожал
Клятой,
Никому не задолжал
Злата.

Может, близких я любил
Мало,
Но ведь сыном добрым был,
Мама.

Что ж хоронят-то меня
Рано?!
Я копчёный от огня,
В ранах.

Я ещё вернусь в родной
Город.
Скоро снег пойдёт стеной,
Скоро...

* * *

Занедужил декабрь, занедужил,
И над парком собрал облака.
Проступают глазастые лужи
И глядят на людей свысока.

Снега нет. Это что ж за причина?
Ведь рукою подать до весны.
И сторонятся женщин мужчины,
Тех, в которых они влюблены.

Всё не так в декабре, непривычно
С непокрытой ходить головой
В суете беспросветной столичной
И встречать тебя на «Беговой».

Снег придёт, переделает город,
От мороза душа запоёт.
Снег придёт, я не знаю как скоро,
Только он непременно придёт.

* * *

Встал, а осень под окном,
Хоть и не было намёка.
В летнем модуле моём
От дождя намокли окна.

Все дороги развезло,
И на них танцуют листья.
Я не знал, что в этот год
Эту землю буду грызть я.

Через час начнётся бой,
Будет дождь за ворот литься.
Что начертано судьбой,
То, наверное, случится.

Может быть, возьму в прицел
Я того, кто в друга целил.
Я в боях остался цел,
А мы столько соли съели.

Выходили из огня,
Выходили на «растяжки».
Друг в горах спасал меня,
Друг поил меня из фляжки.

Не спасла его броня,
Не помог житейский опыт...
Долго ж целится в меня,
Хмурый снайпер из окопа.

Андрей ПОПОВ

КАК Я СТАЛ РЯДОВЫМ ЗАПАСА (рассказ)

*...Я многого не видел в жизни.
Но ни кому-нибудь назло
я не служил своей Отчизне,
а просто мне не повезло...*

Б.Рыжий

* * *

Время, когда я мечтал стать космонавтом или маршалом бронетанковых войск, как-то быстро закончилось. В школе нас еще продолжали патриотически воспитывать, и мы с одноклассниками участвовали в различных конкурсах строевой песни, слушали на классных часах речи серьезных старших лейтенантов о том, как прекрасна служба в армии, но верили этому с трудом. Точнее, просто не обращали на эти беседы никакого внимания. Автомат Калашникова разобрать и собрать – это было интересно! Нас даже как-то сводили в казарму и угостили солдатской кашей, чем окончательно отбили всякую охоту жить два года в неуютном помещении и питаться невкусной крупой.

В школьном туалете, где мы собирались покурить и пообщаться, очень часто можно было услышать истории про армейскую иерархию – «щеглов», «черпаков», «помазков», «лимонов», «дедов», «дембелей». Фантастические рассказы изобиливали натуралистическими подробностями: как изощряются «деды», закаляя характер молодого бойца.

- Могут даже трахнуть, если сильно «понравишься».

- Как это трахнуть? А офицеры?

- Натурально! Офицеры только помогут. Кончат по полной программе.

Выходило, говоря языком, обремененным моим сегодняшним образом, что жизнь солдата – это ежедневная инициация не всегда с успешным результатом.

Ко всему и родители любили повторять: «Будешь так учиться, никуда не поступишь. И тогда у тебя одна дорога – в армию! Там тебя научат жизни!». Если бы они слышали, что говорится в нашем школьном туалете, они были бы поосторожней в своих пожеланиях. К концу десятого класса слово «армия» вызывало у меня настоящий ужас, душа холодела, сознание отказывалось верить в возможность двухлетней службы, срок которой неумолимо приближался.

Мой товарищ, который был старше меня на два года, получил повестку и закатил широкомасштабные проводы. Мы пили два дня и две ночи, обмывали каждый состриженный с его головы волос, на третий день с трудом подошли к военкомату, разбрасывая по дороге, словно салют, пробки от распитых бутылок и даже пытались петь оптимистичные песни: «Не плачь девчонка...», «Идет солдат по городу...», «Дан приказ ему на Запад...», «След кровавый стелется по сырой траве...».

Большинство других призывников были примерно в таком же состоянии. Они уже не боялись «дедов», сложностей боевой и физической подготовки, нарядов вне очереди и нападений условного противника. Правда, некоторых тошнило, но совсем не от страха, а от жажды поскорее встретить свое солдатское будущее. Офицеры с огромным трудом посадили их в вагон, окна которого постоянно открывались, и очередная стриженная голова орала на весь перрон: «Танька! Я тебя люблю! Ты меня ждать будешь?!». Нетрезвая Танька отвечала, что, конечно, будет. Через две недели мой товарищ прислал мне письмо, оно было коротким и состояло из одной фразы: «Это конец!». Только вместо «конец» друг употребил матерное слово. Зря такое не напишешь.

* * *

Получить отсрочку от воинской службы можно было, поступив в высшее учебное заведение. Учиться я не любил, но что оставалось делать? Так я оказался в Сыктывкарском государственном университете. Годы учебы пролетели как сон. На первые пары мне не удавалось проснуться, на последних – одолевали усталость и различные потребности плоти. Такого студента не отчислили по счастливой случайности. На четвертом курсе как-то увидел, что в кинотеатр «Парма» провели взвод юных солдат на просмотр нового художественного фильма «Подранки», в нем эпизодическую роль играл мой знакомый – вместе с ним занимались в театральной студии. У меня как раз закончились деньги, и на билет не хватало. Моя душа вынуждена была думать о возвышенном на лекции по исторической грамматике, томясь от плюсквамперфектов и аористов. Помню, пронеслась мысль: «Уже отслужил бы дважды». Но ничего в жизни своей менять не стал.

Неожиданно подошло распределение. В советское время выпускник ВУЗа получал обязательное направление на работу, вопрос об его трудоустройстве решала специальная комиссия, которую в СыктГУ, естественно, возглавлял ректор. Когда очередь дошла до меня, выбор был не велик. Либо сельская школа, либо преподавание для заключенных. Неожиданно в ситуацию властно вмешалась ректор Валентина Александровна Витязева. Посмотрев в мои глаза, в которых в это время отсутствовало всякое чувство перспективы, она вдруг сказала: «Вам надо идти в армию! Это для вас будет полезнее». Человек она мудрый и душевно щедрый, но разговоров в школьных туалетах никогда не слышала.

Я, конечно, очень обрадовался широкому жесту ректора и поехал в село Русановка Троицко-Печорского района. Точнее полетел в Троицко-Печорск на странном самолете, который все называли «кукурузник». Странность его особенно сказалась при посадке. Раз шесть, наверное, он пытался сесть, да в последний момент сильный боковой ветер снова подбрасывал его вверх, и он начинал повторять маневр. Пассажиры деловито, возможно, даже привычно достали гигиенические пакеты и принялись блевать. Мне сказали, чтоб я не строил из себя интеллигента, взял пакет и жил, как все. Я ничего не ответил, только подумал, что жизнь, кажется, удалась. В это время «кукурузник» к моему удивлению приземлился.

В районном отделе народного образования выразили радость по поводу прибытия молодого специалиста (они еще меня не знали, так бы не радовались), оформили трудовую книжку и объяснили, на каком катере завтра смогу добраться до Русановки.

Кто-то пошутил, а, может, и не пошутил, что это последний в учебном году катер – обратной дороги нет. Фраза была лишней. Юмор я не понял. И когда в гостинице «Кедр», не оказалось мест, пришлось всю ночь просидеть в холодном зале перед регистратурой, отгоняя наглых и крупных троицко-печорских комаров, я принял неожиданное решение – ректор зря не посоветует, надо идти в армию. Сел на автобус и укатил в Ухту.

* * *

В расхожей шутке говорится: «октябрь – это месяц, когда заканчивают косить сено и начинают косить от армии». Повестку я получил не то чтобы с нетерпением, но с пониманием. Многие советуют не обращать на эту «бумажку» внимания, если не расписывался в ее получении, и не торопиться идти в военкомат на комиссию – пусть ищут.

Так учил меня и двоюродный брат Анатолий, житель Ленинграда, ныне Санкт-Петербурга. Забыл сказать, что прежде, чем стать студентом СыктГУ, я год отучился в университете северной российской столицы на факультете

журналистики. Местный воздух, как и Пушкину, оказался мне вреден, но несколько бесценных жизненных уроков я успел получить.

Мой брат Анатолий активно уклонялся от службы в армии, знал, как испортить любой анализ, в мочу, например, надо было просто плюнуть. Во время очередного призыва он лег в психиатрическую больницу, которая находилась рядом с Александро-Невской лаврой, я носил ему передачи и слушал его философские монологи о вреде коммунизма, о сохранении индивидуальности и советы, как вести себя с военными врачами и психиатрами. Его друзья познакомили меня с поэзией Андрея Белого и Иосифа Бродского, с песнями Бориса Гребенщикова. Я знал наизусть только «Стихи о советском паспорте», а из оппозиционной литературы уличный вариант «У Лукоморья», в котором кот рублил на мясо, а золотую цепь несли в ломбард. Когда я скромно попытался озвучить свои знания, на меня взглянули как на сумасшедшего, хотя психически больным врачи все-таки признали Анатолия. Он получил военный билет и продолжил сохранение своей индивидуальности: стал активистом секты сыроедов, увлекался восточными религиями, участвовал в парадах сексуальных меньшинств (увидел его по телевизору, ничего подобного от него не ожидал, впрочем, люди меняются), эмигрировал в США, откуда его со скандалом выгнали, ныне живет в Великобритании, потому что там, как он сказал, монархический строй, который соответствует его душевным потребностям.

Когда я получил повестку, то решил поступить честно – от армии не «косить», это сразу возвысило меня в моих собственных глазах над двоюродным братом, которому не нравились «Стихи о советском паспорте». Однако медицинская комиссия нашла у меня близорукость – минус шесть с половиной диоптрий. Видимо, сказались годы в общежитии, чтение запрещенной литературы и экономия на витаминах. Врачи направили меня на обследование в офтальмологическое отделение, по их замыслу за две недели зрение у меня должно было улучшиться до минус шести диоптрий, что уже позволяло попасть в стройбат. Честность моя поколебалась.

Этому способствовал еще один эпизод. На комиссию пришел мужчина, которому до непризывного возраста 27 лет оставалось несколько месяцев. На что он надеялся?! Его без сомнений отправили служить. Он переживал, словно его посылали в штрафной батальон. Даже один из офицеров военкомата сказал, что он идиот. В самом деле, не сумел «отлежаться» каких-то пару месяцев. Честность подвела. Другой случай заставил меня задуматься уже об относительности моих ценностей. Юный отец двух детей орал на весь военкомат, что он не нуждается в освобождении от армии, он хочет выполнить свой долг перед Родиной и даже собирается остаться на сверхсрочную службу. С помощью милиции его вернули в семью.

В офтальмологическом отделении я, естественно, попал в палату №6.

Со мной лежал такой же призывник, как и я, только со значительно большим опытом – его клали на обследование уже в седьмой раз, дважды его даже до сборного республиканского пункта в Княжпогосте довозили, но зрение от этого не восстанавливалось. Юношу, с каждым годом взрослеющего, возвращали домой. Все-таки он носил имя Николай, что в переводе означает победитель, однако и врачи, в свою очередь, не сдавались.

Еще одним колоритным пациентом был инвалид лет пятидесяти, к которому все обращались Леонидыч, ему в шахте лебедкой отрезало ногу, и у него постоянно возникали проблемы с глазным давлением. Несчастный случай с ним произошел недавно, и он порой забывал, что у него нет ноги, особенно с утра, когда хотел встать с койки. Выпив, инвалид мог даже назвать себя «Мерсьевым», но чувствовалось, что сильно переживал происшедшее. Нас с Николаем он величал «пушечное мясо», любил повторять, что по нам Афган плачет и что нас надо пинками гнать в армию. В шестой палате лечилось еще двое блатных, об этом мы догадались по отношению к ним персонала больницы, но вели они себя незаносчиво и дружелюбно. Славными ребятами оказались, пили, как все. Вечером после отбоя палата доставала алкогольные напитки и начинала активно лечиться народными способами. Застолье сопровождалось анекдотами и занимательными историями про женщин, половину, думаю, ввали, но все равно было весело.

Планы врачей об улучшении моего зрения сорвались. Атропин сделал мои зрачки широкими, как тарелки, но фокусировать дальние предметы они отказывались, возможно, такую строптивую линию поведения выбрали под влиянием ночных ликероводочных процедур. Меня проверяли на самых новейших лазерных аппаратах, но ни один мой глаз не дрогнул - за мной стояла шестая палата.

Врач от военного комиссариата, женщина с властным мужским характером расстроилась и раздраженно спросила, добавляя голосу максимальной жесткости: «Вы хотите пойти в армию?!».

Здесь мне пригодился опыт двоюродного брата Анатолия, который учил, что на подобные вопросы нельзя отвечать прямо: да или нет. Любой прямой ответ может привести к эскалации лечения. Скажешь «нет» - и тебя будут «процедурить», пока ты не скажешь «да». Твоему «да» просто не поверят и сочтут его издевательством, последствия чего непредсказуемы. Поэтому я потупился, это естественное смущение я усиленно тренировал в палате, и сказал: «Если надо пойду, хотя я недавно женился...». Вариант Анатолия «Рад послужить Родине, но только в военное время» оказался мне менее удачным. Я же не в психушке обследовался. Женщина, напоминавшая Дзержинского, ничего не ответила и энергично что-то стала писать в моей медицинской карте.

«Белый билет» вручали торжественно вместе с группой товарищей, которые не попали в ряды Советской Армии из-за криминального прошлого, я среди них был «глазным» исключением. Военком полковник, до сих пор помню его фамилию, Чикаленко смотрел на всех одинаково, как на уголовников, ему нас было искренне жаль, и он старался найти слова утешения: «Вы не расстраиваетесь, что вам не удалось пройти армейскую службу, не надо из-за этого ставить крест на своей судьбе, считать себя неполноценным членом общества. Если кто-то будет унижительно называть вас «белобилетниками», а несознательные девушки станут отказывать вам в общении по причине вашей непригодности к армии, вам необходимо найти силы для полнокровной и честной жизни. Вы еще пригодитесь на стройках народного хозяйства и самоотверженным трудом докажете, что можете приносить пользу стране. Я верю вас!». Его сын потом сдавал мне формальную логику, и даже сдал, и я не стал просить передать его отцу, что на торжественном вручении военного билета я совсем не расстроился.

Сразу после окончания моих отношений с армией мной как не поехавшим по распределению заинтересовалась прокуратура, но это уже другая история.

Александр НЕКРАСОВ

ДОЖДЬ

Льёт дождь
После грома.
Намокло крыльцо.
Мне гроздя черёмух
Целуют лицо.

И дышит
Поляна,
Пар вьётся над ней...
А дождь всё упрямей,
А дождь всё сильней.

И музыка
Льётся,
И воздух так свеж...
И хочется – солнца,
И новых надежд.

* * *

Я написал стихов немало,
Четыре тома предо мной.
В них мной воспета нежно мама,
В них – солнце моется росой.

В них красота полей и пашен,
Снегов безбрежных, ярких звёзд,
И лебединый взмах ромашек,
Роса – светлее детских слёз.

Я счастлив тем, что в нашем доме,
В котором вместе все живём,
Пою я песнь любви по коми
И добрым русским языком.

Два языка – два океана!
Я в них купаюсь каждый день.
Не потому ли, словно зная,
Огонь души поёт во мне.

Не хвастовства всё это ради
Сказал об этом вам, друзья!
Двух языков сиянье радуг
Во мне живут, как кровь моя.

Как за жар-птицей мчался к цели!
И вот она в моей руке:
Стихи Есенина запели
На чудном коми языке.

Водой в песок уходят силы.
Но наше счастье – не мираж!
Коль остаётся для России
Труд благородный сердца наш.

НА БЕРЕГУ

Стою на берегу речушки.
Бежит и пенится вода.

Её я пью из синей кружки,
Она вкусна, как никогда.

Всё потому – весной всё дышит,
Из почек рвутся лепестки.
И солнце радостное выше,
Звон золотой звенит с реки.

День утонул в цветах и листьях,
И дремлет, разомлев, земля.
И слышу звон я не синицы,
А песнь любви у журавля.

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

МЕЛЬНИЦА

Поля, поля и не изменница
Судьба кресту и песнопению.
Видна уже на горке мельница
Вполне святому поколению.

Хлеба, хлеба, сплошные витязи,
Стоят и машут мне шеломами.
Неужто снова зерна вызрели
Промеж деревнями бездомными.

Какие русые и русские,
Приятное оторопление.
Земля, пропитанная чувствами,
И есть великая империя.

А вы как думали, потешились
Над нами – всё и переменится.
На семигории Отечества
Себя раскручивает мельница.

Возы, возы скрипят губернии
В страду набухшую уездами.
Мы были красными и белыми

Над всеми высями и безднами.

Но все-таки великороссами!
Словечко многим не понравится.
Поля, поля звенят колосьями
Без всякой лишней агитации.

Зовёт, зовёт на горке мельница
Свозить мешки долготерпения.
На под я брошу больше мелочи,
Чтоб русской выпеклась империя!

ПИСЬМО МАМЕ

Ты говоришь – замучила трава
В саду у нас, где отцветают груши.
А я, садовая такая голова,
На Севере бесплодном бью баклуши.

Лихие только ищут тут невест,
Когда последний грянет возраст брачный.
То ли в меня упёрся божий перст,
То ль просто я такой уж неудачник.

Пишу себе неслыханную вещь
О русском дне нерусского обмана.
Здесь лето всё энцефалитный клещ
Ждёт жертву неудачного романа.

Хотя я вроде счастлив на все сто;
Скорей всего, лишь по семейной части.
Ведь на златой лирический престол
Тут лезут все, как девицы на кастинг.

Ты, мама, не поймёшь; стихи как сыпь,
И эти поэтические дрязги.
Но знай, что будет знаменитым сын
Стоять не в Сыктывкаре тут, а в Брянске,

Где ранняя зелёная трава,

Которую пытаешься – косою.
Ах, я, садовая такая голова,
Не попаду никак в наш дом весною.

Когда цветут отцовские глечки,
Кувшинчики осенние на груше.
И моют слёзы мамины очки,
Похожие на здешние горбуши.

ПРИЧУДЫ

Село колодезной России,
Как ни крути, золотое дно.
Иван – дурак тут и разини
Ушко проходят и рядом.

Стучи, и отпрутятся двери
Причуд крестьянского двора;
С особой метой ударений
Непревзойдённого пера.

Поймёт ли кто, что шалопаи –
У нас лишь шапочный прикид.
Недаром жизнь на заднем плане,
Не то что царская, кипит!

Какая может быть хвороба
И неотложные дела.
Ещё глазастая зазноба
Раз семь иль сколь не родила.

Разинь разинутый характер –
Зудит до внуков век, а то
И до пра – пра, поженихаться б,
Покуда звякает ведро.

Чего придумывать изюмы,
Когда крыжовник на корню.
Все неразумные разумны,
В свою попавши колею.

Избенки, избы и хоромы
С такой отчаянной красой –
России всей аэродромы
Со взлётной силою босой.

Налажен быт, чего же боле –
Желать себе и стороне;
С её колодезной любовью
И родниками в глубине.

В соку Иваны и разини,
И Марья вовсе не стара.
Пока водицу пьёт Россия
Из сине – красного ведра.

Григорий Спичак

ГЛАЗА ЧЕЛОВЕКА **(рассказ)**

Когда слышишь музыку молдаван и видишь их зажигательные танцы, кажется, что нет веселее и беззаботнее народа на земле. «Это потому, что у молдаванина в жилах кровь течет пополам с вином», – шутят сами молдаване. Здесь любят праздники, любят красивую цветастую одежду, шумные гулянья и парады.

И мало кто понял, почему закончился мир и полилась она – эта веселая кровь. Так бывает, когда начинают убивать друг друга братья и соседи.

Как о проклятии, высшей точке безумия гражданской войны, мне рассказывали в Приднестровье, как во время выпускного вечера в июне 1992 года погиб под минометным и пулеметным огнем целый класс одной из школ. Это произошло в городе Бендеры на поле для игры в ручной мяч, столь популярной в тех местах. Один раз в году оно ненадолго становилось танцплощадкой.

Покромсанные осколками девочки в белых платьях, запутанные в сетях ограждения, истекая кровью, кричали только одно: «Почему? За что? Разве они не видят – мы в белом...» Выжила, говорят, только одна, с выбитыми взрывной волной глазами.

* * *

Но это было в июне, а в марте того года, когда начиналась война, люди стремились на площади, друг к другу, чтобы быть на виду. Очень скоро митинги стали совмещаться с похоронами. Впрочем, похороны становились местом клятв, построений и смотров. Бесконечные слухи, рассказы о зверствах над пленными, байки. Все это в форме и по сути было похоже на коллективный психоз. Подозрительность и жизнь по строгой схеме «свой – чужой» озлобляли людей.

* * *

Бывший работник Днестровской рыбинспекции Владимир Ефремов, шутя, говорил о себе так: «Я – формула Приднестровья. Во мне много крови течет: мать – молдаванка, отец – русский, он всю жизнь на Украине прожил, его мать – украинка». Патриотом Приднестровья Володя был до крайности, до фанатизма. Возможно, поэтому он оказался в контрразведке, а еще, наверное, потому, что языками – молдавским, украинским и русским – владел в совершенстве.

Он – Владимир Ефремов – взрывал мосты через Днестр, помогал в эшелонировании обороны городов, занимался нейтральным (невооруженным) молдавским населением на территории Приднестровья. Ни днем, ни ночью покоя не было. Но Володя делал свое дело с упоением и, как сам признавался, ощущал историческую миссию в этой работе. Мои попытки поговорить с ним о том, что закончится война, наступит «похмелье», что жизнь соткана на самом деле из простого труда и простых забот, были бесполезны. Чтобы не привлечь внимания контрразведки, приходилось сдерживаться, недолго было попасть под обвинение в «разложении духа». «Победим, а потом разберемся», – примерно такой была логика у всех бойцов.

Идеализм «холодной головы и чистых рук» у Володи начал пропадать тогда, когда стало очевидно – не только противник зверствует, пытается, убивает пленных... Военная машина работала. А работала она совсем не так, как позже напишут в книжках. Володя с рыжей шевелюрой и добродушным лицом стал чернеть на глазах.

* * *

Ранним-ранним утром в конце марта 1992 года группа бойцов построилась в станице Дубовская, чтобы через поля, сокращая расстояние, выйти на Дубоссары. Дело в том, что утренний заморозок покрыл пашню коркой смерзшейся земли. По этой корке можно было пройти, пока не выглянуло солнце. И нужно было успеть до рассвета, а не то пришлось бы чапать по чернозему, увязая в грязи (или еще хуже – добираться кружным проселком около 20 километров). В группе нас было примерно 15-20 человек. Обеспечив в тылу

наблюдательные посты и своего рода «гнезда первичной обороны» (слово «блокпост» появится в лексиконе военных только после Чечни), мы рассыпались по полю цепью, с интервалом в двадцать-тридцать шагов друг от друга.

Светало. Предстояло перейти холм-сопочку с какими-то двумя сельхозпостройками, далее – еще поля, поля, и уже совсем близко от Дубоссар мы вышли бы на проселочную дорогу. Цепью успели пройти по полю совсем немного, может быть, до полукилометра, когда с крыши одной из построек на холме ударил по нам пулемет. С пульей в животе упал казак на правом фланге.

Растерявшись, мы просто легли, хотя лежать было бессмысленно. И уже через полминуты, сообразив, что деваться некуда, отряд из всех стволов ударил по этой злополучной крыше. Пулемет замолчал. Оставив на поле двоих раненых, мы побежали из всех сил к строениям. Казалось, если выскочим на холм, то окажемся почти в безопасности – все лучше, чем на открытой равнине умирать. И еще нам хотелось, чтобы противник не успел уйти. «Противником» оказался парень лет тридцати. Он был ранен и упал с крыши. Больше никого не было. Этот дурак (колхозник, наверное) был просто в шоке от первого в своей жизни огневого контакта. Мы с левого фланга цепи добежали до него позже, но на расстоянии видели, как Володя Ефремов тыкал стволом автомата ему в лицо и кричал:

«Кто еще? Ты один?!.. Дурак!!» Ну и мат, конечно, стоял коромыслом...

Мы его расстреляли бы на подходе, еще издали, если бы не Ефремов, приставивший ствол к носу колхозника. Володя орал, орал. Все ждали выстрела. Но Ефремов не выстрелил...

Казак агрессивно, на психе, требовали отдать пленного им. Поведение командира они восприняли как временную слабость. Голова молдаванина отлетела через пять секунд...

* * *

Спустя пять лет, в 1997 году, я вновь побывал в Приднестровье. Обходил боевых друзей, зашел и к Володе Ефремову. Уже после того случая под Дубовской он получил контузию, минно-разрывное ранение, и оказался в запасе. Жил Володя в мой приезд на хуторке, в саманной хатке, крытой камышом, где после войны появились иконы. Держал много птиц – гусей, уток, индюков, кур. Вспоминали мы с ним, конечно, войну и убитых ребят. Это все осталось с нами. У Володи даже собака была – раненная пулей фронтовичка.

Вспоминали и разговоры о том, что будет мир и наступит «похмелье». Оказывается, он отлично помнит мои монологи на эту тему. Помянули мы и того парня – молдаванина, сбитого вместе с пулеметом с крыши.

– Как я его не застрелил? – спрашивает Володя, удивляется сам себе, и у него, я замечаю, дрожат губы. – Глаза... Как вспомню его глаза, так внутри все

жжет. Он же, колхозник этот долбаный, все ведь в секунду понял. Небось, вся жизнь перед глазами прошла. Разве ж военный человек выберет такую глупую позицию, с которой и отступить некуда? Сопляк... А глаза... Глаза, брат, страшнее оружия. Через глаза душа кричит...

Лицо у Ефремова было теперь жестким, и шевелюра его уже не рыжая. Седая. А люди в Приднестровье перестали собираться на площадях и митингах. Если нужно, они снова возьмутся за оружие. Но мысль об этом уже не заставляет кровь бежать быстрее. Народ понес скорби, и, кажется, многие из вчерашних солдат обнаружили в душе чувство вины.

Перед кем? Бог знает... Не говорят.

На праздники теперь у храма Параскевы Пятницы в Дубоссарах люди не помещаются даже в церковную ограду.

Анатолий ИЛЛАРИОНОВ

О ДОМЕ

Срубил избушку плотник,
Умелец и мастак.
Живет в лесу охотник,
А на реке – рыбацк.

Живут они, не тужат,
Как могут, так живут,
Родному делу служат,
А не баклуши бьют.

А далеко в столице,
Уже не первый год,
Похоже, не тупицы,
Радеют за народ.

У них блага и банки,
Всегда глаза горят,
Они шагают в дамки
И в пешках не сидят.

Пускай себе шагают,
Не жаль, но дело в том,
В пути пусть не встречают

Затерянный наш дом.

Который строил плотник
И не жалел гвоздей,
И где живет охотник
С собакою своей.

* * *

А зима идет на убыль
И дела не так плохи,
И обветренные губы,
Шепчут новые стихи.

Да и жить намного проще,
Облака на юг бегут.
И березовые рощи
Песни русские поют.

* * *

Скрипит суровая зима,
Как жизни проза.
Игра холодного ума
И жар мороза.

Гуляет звездная пурга
В душе скитальца.
Умчался поезд на юга,
А я остался.

* * *

Снег встряхивают елки,
Светлеет небосвод
И под сосною волки
Заводят хоровод.

В глуши гордыня глуше,
В глуши грустней слова.
Здесь охраняет душу
То филин,
То сова.

* * *

То знаменья,
То сомненья,
Лет прошедших череда.
Мы приходим на мгновенье,
А уходим навсегда.

Тамара ЛОМБИНА

МЕРТВАЯ НЕВЕСТА
(рассказ)

Я никак не мог понять, почему бабку Варю все зовут мертвой невестой. А спросить все минутка не созревала. Ведь про такую страсть так сразу-то, с наскоку, небось, и не расскажешь. Да и не хотелось скороговоркой.

А нынче как раз такой вечер и есть: чай раздухманился на всю избу. Бабоньки сами, как дети малые, тени своей ужасаются. Самый раз про мертвую невесту и послушать бы баечку.

Думалось мне, что, может быть, потому она, бабка Варька, мертвая невеста, что уж очень медлительная, но чует мое сердце, была за этим еще и тайна какая-то, да такая, от которой мурашки по спине.

Знал я, нельзя вот так прямо взять да и брякнуть, мол, бабка Варя, а почему это тебя зовут мертвой невестой... Тут пододец нужен, издалека как-то надо.

Вот и смекнул: как она веретено уронит, спрыгну с печки да подниму ей веретено, а потом и скажу: «Баб Варь, а ты замужем была?»

Может, она и проговорится...

Ждать было недолго, ближе к ночи все чаще стали ронять натруженные руки бабушкиных товаров то спицу, то веретенце. Дождался и я своего момента. Как на крыльях, слетел с печи. Хвать веретено, да и спрашиваю у бабы Вари:

– Баб Варь, а ты тоже невестой была?

Бабушка просто даже растерялась...

– Милок, дак все мы тутa бывшие невесты. А сейчас, почитай, невесты без места,– засмеялась она неожиданно по-девичоночи громко...

Мне и всем стало ясно: все, потечет сейчас еще один ручеек рассказа. Зашевелились чуток, поразмяли руки-ноги бабушки и ласково закивали мне и товарочке, мол, молодец, милоч,– это мне, а ей, мол, давай, не тяни, расска-

звывая, чай, весь вечер промолчала, пора тебе отработать хозяйский чай-сахар.

– Да, вот теперь-то уж и не поверить, что были мы легкие да складные, как песня. Инда вспомню, каждая из нас песня, и каждая по своему мотиву, со своими словами, а теперича кажется мне наша прошлая жизнь одной общей песней. И теперь уж без вас-то вроде бы и у меня нет своей мелодии в памяти.

Старухи завздохали, зашевелились, но уже стали нетерпеливо покашливать, начинай, мол, не тяни.

– Была ли я замужем? Ой, была, дитячко, была...

Но лучше я расскажу тебе одну бывальщину, не на ночь бы ее сказывать, а то ведь, пострел, и не уснешь...

Была у нас одна семья. Очень хорошая, правильная семья, все ладно, да складно... Честь по чести. Девки подрастают, замуж выходят не порченные, парни женятся, да не позорят мать-отца, живут трезво, своим умом... Вот при-спела пора младшую замуж отдавать...

Хорошая девка была Феня, очень даже справная... Все у нее ладилось, и жених к ней присватался хороший, Васька Смирнов.

Осень тогда была как по заказу, в самый раз для свадьбы. Тихая, теплая, дородная. Тут тебе и овочи, тут тебе и яблоки... А деревья принарядились, как молодухи на базар, глаза разбегаются, не знаешь, то ли на рябину смотреть, то ли калиной любоваться...

Уже Василий сватов заслал, невесте и платье купили, и венок с фатой готов. Осталось только картошку просушить да в закрома сложить, и – за свадебку.

Назначили свадьбу чин по чину на Покров.

А свадьба в деревне это вам не то, что теперь. Это – праздник для всех, и для старых, и для малых, и для тех, кто еще себе половинку свою не нашел... Тут уж не только невеста наряд свой приготовила, но и старухи из сундуков шали стали доставать, проветривать, а кто и новый платочек прикупил.

У Фенькиной семьи, само собой, переполох... Поскребыша замуж отдают. А семья крепкая, зажиточная – всех удивить хочется: и своих, и дальних.

И уж чем гордилась семья, так это пирогами. У них по породе все бабы и девки такие пироги пекли, что тебе царевна-лебедь. Слово, что ли, какое знают. Так во рту и тают. Как на духу, поднималось тесто, хоть сырым ешь. Уж как напекут, то на всю деревню запах. Отец Феклы очень был форсистый мужик... Даже при своей прижимистости на форс не жалел, пекли так, чтобы всякому мальцу, что на дух пирога прибежит, хоть кусок доставался.

Вот уж перед свадьбой Фекла замесила столько теста, что и не одну деревню можно было накормить. У всех забот накануне – мужики столы сколачивают, бабы холодец, компот варят, огурчики, помидорчики из бочек достают,

да и подарок надобно толковый подобрать, чтобы молодой семье на начало жизни был кстати.

Невеста уже и наряд свой примерила, и перед зеркалом покрутилась. Ой, и хороша! Это просто ужась какая-то, до чего правильная невеста. Можно яблок на стол не ставить, у ей щеки, как яблоки. А уж косы... теперича и вовсе такие перевелись: как на голове корзиночкой закрутила – ну чисто царица в золотой короне. Мать, хоть и бегаёт, суетится, но нет-нет да слезу и смахнет. Вроде бы и причины нет, но так уж и бывает, что такая чистая красота всегда слезу на глаз нагоняет, может, чтобы не ослепнуть, а может, чтобы не слазить, как знать...

– Тесто затеяли в самой огромной деже, на пекарне взяли для такого случая, Фенюшка едва справлялась, чтобы промесить его как следует. Угомонились позднехонько-о-о, – продолжала свой рассказ баба Варя, и что-то такое послышалось в ее голосе, что у меня мурашки забегали по всему телу.

Утром рано-ранехонько встала мать, зашла к дочке в светелочку, и... все село разбудил ее вой. Как же выла бедная мать!.. Да как же ей было и не плакать?.. Перед дежей с тестом лежала мертвая ее кровиночка, ее деточка, ее красавица, ее солнышко, ее счастье, ее поскребышек. Все так же чисто и живо было лицо, еще не потеряли румянец щеки, но ее губы не скажут матушке и батюшке: «Здравствуйте мои родимые», не улыбнутся жениху, не пропойт песни...

Осмотрели ее бело тело, но нигде ни точки, ни царапочки. Лежит, как живая, да то-то и оно, что неживая...

Словно солнце померкло над деревней, даже собаки перестали перебрехиваться. Петухи утром и вечером не кричали своей живой песни. Пришлось всем прятать нарядные платки, красивые платья.

С соседних сел народ приходил попрощаться с Фенюшкой, посмотреть на нее в последний раз...

Отец, хоть и прошел всю войну и всякое видел, но и он, не сдерживаясь, плакал. Верный пес Рыжик тихо сидел подле гроба и, слава Богу, не выл, а все норовил встать на задние лапы и лизнуть свою молодую хозяйку в щеку. Фенюшка лежала в фате, в подвенечном платье. Даже щеки ее не побледнели... Красота ее ничуть не убывала, от этого еще больше было родным и близким, от этого еще горше плакали они и убивались...

Но это еще не все испытания, которые уготовил тот день. Пришел час, и запрягли Сивка в лучшую телегу. Ох уж и убрали-разубрали эту печальную повозку цветами. Мать так причитала и голосила, что тебе плакальщица. Видно, от ее воя Рыжик и сошел с ума. Как начал он кусать невозмутимого Сивка за ноги, тот и понесся во весь опор. Да с такой скоростью, какой от него уж давно никто не ждал.

Матерь Божья, да прямехонько к оврагу полетел обезумевший Сивко вместе с повозкой. Вот тебе беда, да и еще беда.

Односельчане от неожиданности пристыли к месту. Мать с отцом остолбенели. А повозка уже и у оврага, вот уж и не видно стало безумного коня, и телега с горемычной Фенюшкой канула... Только теперь стали оживать, двигаться односельчане, а жених с отцом и еще несколько молодых мужиков бросились на помощь мертвой невесте. Овраг был темный, поросший орешником. Первым подбежал к печальной повозке отец, вот и остальные мужики подтянулись. И в эту минуту даже самые смелые едва не скончались от представшей им картины: Феклуша дернулась, по ней пошли корчи, одна рука ее поднялась, потом вторая... Перекосилось лицо, и... она вдруг села.

Феня с ужасом оглядела свое ложе, неловко, как кукла заводная, сошла с телеги и протянула руки к отцу:

– Тятенька, что это такое?– указала она рукой на оставленный ею гроб. Но отец в ужасе, крестясь, стал отступать от мертвой невесты.– Батюшка,– бросилась Феклуша к отцу родному. А тот все крестится, мол, чур меня, чур. Бедняжечка – в слезы. Как она заплакала, так всем и легче стало, будет ли мертвая невеста плакать. Ясно, как день, чего ж ей плакать, коль она не ожила. Тут уж и мать, не гляди что полная, прибежала. Детю свою стала обнимать. Кровинишку свою стала целовать. А жених, вовсе обалделый, эдак в сторонке стоит и икает, икает. Ну да, потом и до него дошло. Жива его кралечка, жива. Слава Богу.

Это уж потом только разобрались, в чем дело. Ночью Феклуша стала пробовать тесто на вкус, да и не заметила, как вместе с тестом колечко-то с пальчика снялось, а она, горемычная, его, как накусила, так с перепугу и проглотила. Встало оно поперек горлышка, и замерла она почти бездыханна. Но видать, каким-то чудом воздух чуточку попадал, вот она и не померла, а замерла, как бы заснула... А от тряски, да от падения колечко и выпало.

– Не,– как-то засомневался я...– так не бывает, баба Варя, чтобы оживали мертвые.

Баба Варя опять молодо и звонко засмеялась:

– А как же не бывает, милоч, коли я перед тобой. Покель еще живая.

– Ага, вот и неправда,– поймал я на слове бабульку.– А тебя как зовут?

– Да вот так теперь и зовут. Уговорили меня родители принять новое имя, чтобы словно и не было в моей жизни эдакой страсти никогда. Так-то я в осьмнадцать годочков из Фени в Варю превратилась.

– Вот почему тебя мертвой невестой называют,– догадался я.

– Это кто же это меня так называет?– грозно спросила крошечная баба Варя. Но все товарки опустили глаза и усердно закрутили веретенами и застучали спицами.

Ночью приснилась мне моя соседка Надька со сбитыми коленками и веснушчатым носом. К чему бы это?

Юрий ИОНОВ

* * *

Кто сказал, что Север – только край оленей,
Черная от гнуса мрачная тайга,
Что, засыпав крыши северных селений,
Всё заполонили мертвые снега?
Кто сказал, что люди, хоть и не дрожали,
Выстужены были холодом насквозь,
Что инстинктом жили, мерли и рожали,
А любить, страдая, им не довелось?
Кто сказал, что Север беден, мол, на женщин,
А красавиц броских и роскошных дев
Нет тут, дескать, вовсе, а не то что – меньше?
...Почему ж все чаще, быстро охладев
К прелестям природы где-нибудь на юге,
Затоскую глухо - не по тем лесам,
Не по жгучей стуже, не по хлесткой вьюге, -
По согревшим в стужу огненным глазам.
Становлюсь я мрачен, становлюсь рассеян.
Шутит мой приятель: дескать, чей-то сглаз.
Ну, а я обратно заспешу на Север,
Коль в России целой нет подобных глаз.

* * *

В степном краю наш отчий дом
Снесли (он Меккой был доньне).
Взамен просторный возвели
Теперь хозяева иные.
Одно старинное бревно
Расщеплено, торчит, как кости.
Да прах родителей давно
Лежит на стареньком погосте.
Вот только к ним и доберусь,
У изголовья погорюю
И снова – поперёк, сквозь Русь –

Билет на Север свой беру я.
Вдруг мысль придет в вагоне мне,
Что посчастливилось: работа
И родина – в одной стране;
Иначе б выпала забота –
Чтоб на могилы посмотреть, -
Круг бюрократов невозможный
Пройти, а вслед преодолеть
Ещё границы и таможни.

Алена ЕЛЬЦОВА

* * *

Тихо падают листья –
Роскошь летнего дня.
Словно золотом чистым
Жизнь дарила меня.

По осенней природе
Дождь стучит проливной,
И, сочувствуя вроде,
Плачет вместе со мной.

А когда ниоткуда
Ляжет снег пеленой,
Как черемуха, буду
Белоснежно-седой.

Все торопим мгновенья,
Чтоб судьба удалась...
То ли листик осенний,
То ли жизнь пронеслась.

Перевод с коми Н. Бибяевой

БЫЛО БАБЬЕ ЛЕТО
(рассказ)

Сойдя с трапа самолета, Иван не стал даже бродить по райцентру: так душа рвалась домой – в Кривой Ручей. Он забросил легкий рюкзак за спину и спустился к Эжве. У переправы будто его и ждали. Через минуту-другую паром уже скользил по реке, неловко развернувшись боком. К крутому берегу он подошел словно нехотя, канаты цепко прижали его к бревенчатому причалу.

Толпа с шумом хлынула на песчаную дорогу и пестро закачалась по направлению к селу, расположенному на крутом берегу. Иван пошел дальше, правее, где уже убранные поля упирались в тугую грудь золотистой пармы.

За спиной Иван услышал натужный гул грузовой машины. Он, не оглядываясь, сошел с дороги на разбитую гусеничными тракторами обочину. Машина фыркала и тяжело стонала на крутом подъеме, долго и трудно брала очередную высоту. Когда грузовик обогнал Ивана, он заметил в кузове какие-то мешки, видимо с мукой, а может с отрубями.

Словно задохнувшись, грузовичок остановился, из кабинки выглянул плотный мужчина средних лет, с плоским, как весло, и добрым лицом.

– До Кривого Ручья? – крикнул он Ивану. Тот утвердительно кивнул головой.

– Залазь в кузов, тут у меня женщина, – объяснил шофер.

– Спасибо, езжай! – махнул рукой Иван. – Я как-нибудь пешком, ноги размять хочу.

– Ну как знаешь, – шофер остался недовольный отказом. – Шагай, коль тебе надо, – буркнул он и хлопнул дверью кабины.

Машина чихнула черной гарью, дернулась с места и тоже с каким-то недовольным видом исчезла за поворотом.

«Еще и ворчит», – усмехнулся про себя Иван. Что ему оставшийся десяток километров, когда он этими ногами полсвета обошел. Даже если бы кабина была пустая, он бы не сел в машину, так что зря ты, друг, обиделся. Идет Иван, улыбается, дышит полной грудью осенним, настоящим на травах воздухом. Легко у него на сердце и радостно, как будто он только что вышел после бани и поднимается на крыльцо родного дома.

Долгих шесть лет не был Иван в родных краях. Уехал сдуру счастья искать на чужой стороне и промотался целых шесть лет. В молодости всякое бывает: думаешь, что чем дальше уедешь, тем толще масло на хлеб нама-

жешь да денег в чулок побольше положишь, а то и мешками на плотах привезешь. И кто его тогда надоумил уехать, черт его знает! Шесть лет пробродил на стороне, а как будто целый век не был в родных краях. Сейчас возвращается – денег не везет не то что мешок, карманы-то и те пустые. Вот тебе и хлеб с маслом...

Давно понял Иван – все нужно своим горбом добывать. Не раз прижимала его жизнь своими жесткими и порой неласковыми руками. Прижмет, подержит и отпустит. Опять прижмет, поиграет и отпустит. Устал Иван от таких нелегких игр. Не могла забыть его душа родную сторону: Вычегду-реку, парму, которая простирается до самого горизонта. Не забыла душа, не остыла. С самолета как сошел, готов был упасть на родную землю, обнять ее, прощения просить. Слезы на глаза наворачивались. Расскажи сейчас кому-нибудь, что от счастья плакал, – не поверят, а то и засмеют. Но кто бродил по чужой стороне, кого помяла жизнь в своих грубых руках, кто хлебнул лиха вдалеке от родины, тот поймет Ивана. Тот знает, как захватывает дух при приближении к родному дому. Была бы дорога в родное село из города, он пешком бы потопал. Была бы шуга на реке, он бы ползком, как собака, полз через Вычегду до родной деревни.

Иван взглянул вправо, на реку, представил себя ползущим и засмеялся. Прибавил шаг, вслушиваясь в замирающий гул грузовика. Убранные поля уже остались позади, и осенний лес принял в свои объятия счастливого путника.

Стоял благодатный сентябрь. Голубое небо, не слишком привычное для этих северных мест, сегодня бездонно. Забредет на него как бы случайно белое облачко, а через минуту-другую потеряется. Осеннее ласковое солнце нехотя клонится к западу, оставляя тепло земле, полям, лесам.

Воздух чистый и светлый, из тайги слабый ветерок доносит запахи сухих трав, грибов, ягод. В густых зарослях ивы журчат лесные ручьи. Возле них уже прохладно. Звенит ручей, поет одному ему известную лесную песню, как бы приглашает путников – попейте моей вкусной холодной воды.

Спокойно и величественно стоят деревья в своей прекрасной осенней красе. Красными угольками горит рябина, шелестит пожелтевшими листьями березка, пламенеет осина. Радуются они последнему солнцу, радуются своей зрелой красоте.

Примечает Иван, что много шишек в этом году на лапках елей. Значит, много будет в лесу зверей и птиц, не подадутся они в теплые да чужие края.

Торжествует парма, а Ивану кажется, что она ради него такая величественная и красивая, его так встречает. Бабье лето отдыхает на Севере, отдыхает тайга, голубое небо, остывающее солнце.

Отдыхает душой и Иван. Полной грудью вдыхает в себя запах тайги, даже голова кружится. Идет Иван по лесной дороге, и чем дальше, тем быстрее шаг. Идет, а в голове странные мысли вертятся. Короткая все-таки человеческая жизнь, думает Иван, вот как это бабье лето. Появится человек на белом свете, не успеет понять, что к чему, а уже конец. Блеснет, как эта золотая осень, а дальше, глядишь, зима подступает и твоя жизнь, Богом данная, уже кончилась.

«Тьфу ты», – сказал про себя Иван. И что прицепилась мысль такая невеселая. Ему радоваться надо – домой идет. Отгоняет эту мысль, а она отлетит, покрутится недолго где-то на задворках сознания и опять томит душу. Да, думает Иван, гони не гони, а идет жизнь. Тридцать ему исполнилось, много кажется, а ума так и не нажил. Ни жены, ни детей, ни дома, ни гнезда и в кармане, вдобавок ко всем бедам, пусто. В рюкзаке только одежда да гостинцы лежат. Матери – кофту теплую везет, сестре – сапоги на рынке по случаю купил. Импортные, красивые. Вот только впору ли будут. В общем, мелочи всякие...

Видать, не сумел он свою дорогу в жизни найти, твердо на нее ступить. Бросался из стороны в сторону, никакой работой не гнушался. Даже на строительстве БАМа себя попробовал, да не прикипел к нему. После еще бродил по стране, разных людей встречал. Увольнялся с работы, устраивался, опять увольнялся, бывало, и жил где попало. Нигде не прижился, нигде свое гнездо не свил. Не зря его мать говорила: своя земля – мать, а чужая – тетка...

Недаром и подался он после столь длинного скитания в родные края. Когда уже все перепробовал и окончательно понял, что ничего у него не получается, не везет ему, решил вернуться. И сразу легко так стало на душе, будто камень свалился.

Километра три шел он быстро, упругим шагом, даже жарко стало, пот прошиб, хоть рубашку выжимай. Пришлось убавить шаг, а потом и вовсе подумал: а что себя мучить, гнать до седьмого пота – дома ведь, считай, радоваться надо, наслаждаться. Свернул с лесной дороги в березовую рощицу, сел на лужайку. Рука привычно скользнула в карман за сигаретой, но тут же замерла. Так чисто, так светло и свежо было вокруг, что даже курить не хотелось. Пахло брусничными листьями. Иван прилег, прижался к земле, благо его здесь никто не видел, закрыл глаза, и словно время остановилось. Никто его не тревожил, и он, казалось, слышал мягкие шаги бабьего лета.

Ветерок вновь принес запахи сухого сена. Как знаком и дорог был Ивану этот запах. И сам не поймет: то ли наяву, то ли снится. Идут они к озеру сено

косить – Иван, сестра Оля и мать. Отца уже тогда не было в живых, рано он умер после тяжелой болезни.

Поэтому Ивану как мужчине доверено идти впереди. Шагает Иван на косьбу, крепко держит косы-горбуши, завернутые в старенькие платки. А сон так и баюкает мальчишку, глаза сами закрываются, будто на лодке плывет, так и качает его из стороны в сторону. Полежать бы возле изгороди в зеленой траве, ну хоть одну минутку.

Вздыхает тяжело Иван, ежится от утренней прохлады. Сзади Оля идет хихикает:

– Не спи на ходу, шагай быстрее, мужичок! Сон ночью досмотришь!

Иван прибавляет шаг, чтобы отцепиться от сестриных насмешек. А тут и мать включается:

– Шагай-шагай, сынок, а то роса упадет, косить тяжело будет, мужичок ты наш бедненький!

И смеются обе на весь лес. Им шутки, а Иван сердится. Все дальше убегает он от матери с сестрой, а на повороте вдруг стремительно прыгает в заросли, прячется за деревьями. Идут мать с Олей, о чем-то разговаривают, про Ивана-то и забудут, а он внезапно подкрадется сзади, как прыгнет из кустов да крикнет, а то и заревет как медведь. Мать с сестрой от неожиданности да с перепугу присядут к земле, замечутся, не знают, в какую сторону бежать. А Иван, знай, хохочет – отомстил так отомстил. Оля кинется на брата, хочет за волосы схватить разбойника, а он как сиганет по дороге – только пятки мелькают да косы-горбуши по спине молотят.

Целый день косили у озера. Иван один покос заканчивает, мать уже другой начинает. Оля вроде и девчонка, а тоже не отстает, без передышки влево-вправо машет. Посмотрит на брата, усмехается, скосит глаза понимающе на мать – мал еще наш мужичок, отстает. Разозлится Иван, плюнет на ладони и догоняет сестру.

– Шик-шик-шик! – звенят косы.

Иван чувствует, как задубели руки, онемели плечи, наконец, коса-горбуша сама падает на землю. Выпрямиться хочет мальчишка, да не может. Такое ощущение, что по спине врезали чем-то тяжелым и тупым. «Откуда у матери с сестрой только силы берутся», – думает Иван с удивлением. Еще и болтать умудряются!

Но устанут и мать с сестренкой, присядут отдохнуть, мать подойдет к Ивану, глянет, сколько он накосил. И вместо того чтобы ругать, похвалит еще – смотри, мол, Оля, вон сколько наш Ванюшка накосил, скоро нас догонять будет.

Перекусят они наскоро, наточит мать Иванову косу, и опять втроем затылок в затылок шагают они по разнотравью среди комарья и оводов.

– Шарс-шарс-шарс, – говорят между собой острые косы.

Мокнет от пота у Ивана рубашка, снять бы, да насмерть заест комарье. Ссыхаются губы от жажды, темнеет в глазах. Но Иван бросит взгляд на мать и сестру, подивится их выносливости и дальше продолжает косьбу. Разве можно в такой жаркий день бездельничать, когда дома ждет еще одна живая душа – корова Луна, кормилица всей семьи.

Возвращаются домой поздно вечером, идут тихо, не спеша. У Ивана пальцы рук еле разгибаются, на ладонях волдыри выскочили.

– Устал, сыночек? – спросит мать. Обнимет Ивана за плечи, прижмет к себе – у того будто и усталости не бывало.

– Не устал, – упрямо мотает он головой. – По мне так еще хоть десять покосов пройду.

Насчет десяти покосов – это он слишком хватил. И сестра, и мать видят, что он еле ноги тащит. Перемигиваются только, чтобы Ваню не обидеть. А он и не обижается, сам над собой смеется вместе с сестрой и матерью. Смеются они втроем добрым, хорошим смехом, от которого бодростью наливается тело, успокаивается душа.

Тихо, казалось, было во всем мире. Иван очнулся от воспоминаний, открыл глаза. Ни матери, ни сестры нет, сидит он на лужайке, отдыхает, шепчутся над головой золотистые березки. А перед ним дорога, тракторами разбитая. В одну сторону пойдешь – в райцентр попадешь, вниз пойдешь – в Кривой Ручей упруешься, значит, в Иванову деревню. А после Кривого Ручья – ничего нет, в смысле дороги нет. Одна парма без конца и без края. Там дальше одна жуть. Зоны там, лагеря. Лес зеки валят...

Встал Иван, отряхнулся. Хватит валяться, немного осталось до родного села. Хоть и не сообщил он о том, что едет домой, но успеют до ночи еще баню затопить. Ох и попарится он с венчиком от всей души! А после бани выйдет на улицу, сядет возле дома и прислушается к деревенской жизни. Где-то корова мычит, колокольчик звенит, где-то собака залаяла, ребятишки не набегаются никак, матери их не докричатся. Дома, одним словом.

Отдохнул Иван на лужайке, сил прибавилось, быстрее дальше зашагал. Лесная дорога неровная: то песок, то лужи да грязь, то галька, то листья шуршат под ногами.

Идет Иван по лесной дороге. Среднего роста, широкий в плечах, темноволосяй. Взгляд крупных глаз внимательный и сердечный. Правду говорят, что по глазам можно узнать человека. Если взглядеться сейчас в его глаза, не-

сложно угадать: возвращается блудный сын домой, одинокий путник, так и не нашедший счастья в чужих краях.

Сосновый бор стал редеть, цветастые осинки вперемежку с березками повели вниз. Еще одна скалистая горка, отметил про себя Иван, а оттуда до Кривого Ручья рукой подать.

Дорога, искалеченная тракторами, повернула влево, и за кронами высоких елей показалось Длинное болото. Почему Длинное? А кто его знает. Мать еще в детстве Ивану рассказывала, что этому болоту конца-края не видать. На нем всей деревней клюкву собирали. Одним концом Длинное болото упирается в дорогу, по которой возвращается домой Иван, а другого конца и не видать. Вот потому и Длинное. Люди издавна ходили через край болота, не сворачивая. Места здесь вообще-то опасные, болотистые, идешь – качаешься. Но человек, как известно, существо упорное. Натаскали люди бревен, сделали твердый настил через край болота, да и ездят себе и ходят.

Ивану кажется, что каждое бревнышко знакомо, хотя и не было его долго дома. Прошел он по настилу, поднялся на горку, и опять его сосны окружили.

Бабье лето чувствовалось во всем: в настоящем на травах лесном воздухе, в золотистом наряде деревьев, в паутине, медленно плывущей на закате солнца.

Вздыхнул Иван полной грудью, хотел улыбнуться всему окружающему, но вдруг какое-то неясное тревожное чувство охватило его. Он бессознательно оглянулся и увидел людей. Он так и не понял, что было сначала – то ли он увидел их, то ли почувствовал опасность. «Тьфу-тьфу», – усмехнулся Иван про себя. Так его мать делала, когда хотела отогнать какую-либо беду, и он на пороге отчего дома вспомнил это. Грибы, наверное, собирают наши, деревенские, предположил он, отгоняя тревогу.

Вроде не из робкого десятка, а забеспокоился. «Трусишь, парень», – стыдил Иван сам себя. С чего бы это? Жизнь всякие ситуации подстраивала, и ничего, выходил с честью, а тут и вовсе нечего бояться – ведь считай, что уже дома. Иван опять усмехнулся и решительно двинулся вперед. При приближении Ивану стало ясно, что его тревога небезосновательна. Двое мужчин стояли у высокой сосны и, переговариваясь, смотрели в его сторону. Ни корзин, ни ружей за спинами – значит, не грибники, не охотники. Темные лошадки...

Иван чуть сбавил шаг, перекинул рюкзак с одного плеча на другой, внутренне приготовился, хотя не верилось во что-либо плохое почти на пороге родного дома. А впрочем... Парма есть парма. С ней шутки плохи. Особенно в этих краях. С детства помнит Иван, как людей пугали беглыми заключенными. И не напрасно. Здесь, на Севере, всяких людей полно, не исключение и бег-

лые зеки. Особенно крутились они возле Кривого Ручья летом и осенью. Лагерь находился в полусотне километров от деревни, там уже не один год заключенные лес валяли. Нет-нет, да удерут, хотя и колючая проволока повсюду. А куда бежать без паспорта, одежды и денег! Вот и шарят по округе. Однажды, лет семь назад, двое прибежали в соседний лесной поселок за водкой, мол, в карты проиграли. Дорвались до спиртного, несколько дней пьянствовали со здешними мужиками-лесниками. Пили – веселились, проснулись – прослезились: ни денег, ни водки. Со слезами на глазах, чуть ли не на коленях выпрашивали они водку по поселку. Назад пути нам нет, говорили, все равно жизни лишат. Сжалились мужики над ними, загрузили спиртным.

Весть о беглых быстро распространилась по деревне. Их фото вывешивали возле сельповского магазина, откуда-то появлялись солдаты в Кривом Ручье. Всех поднимали на ноги на поиски беглых. В такие дни деревенские запирались на все запоры. Женщин и девчонок в лес плетью не загонишь, хотя и грибная пора. Крутятся рядом, а зайти боятся. Был и такой случай. Как-то осенью пошел в тайгу Ласей Миш. Как ушел, так до сих пор и ходит где-то. Искали всей деревней, да ничего не нашли – ни корзины, ни костей. Как сквозь землю провалился. А охотник смелый был, ловкий. Не из тех, которые из пармы не возвращаются. За свой короткий век не одного медведя свалил, всю парму вдоль и поперек исходил, и охотничьих избушек у него было несколько. Туда, говорят, в сторону лагеря, ушел, силки на рябчика ставить. Прошло несколько дней, и беглых начали искать. Может, двуногих медведей Ласей Миш встретил, кто его знает.

Совсем близко от Ивана странные путники. Один, высокий, черный, в фуфайке, без шапки, молча стоит на повороте дороги, будто любит осенним лесом. Второй крутится вокруг, курит, поглядывает на Ивана и вполголоса бросает фразы своему напарнику. Маленький, верткий, неприятный какой-то. Разные люди, а что-то неуловимое делает их похожими.

Иван незаметно скосил глаза влево. Точно, вот и третий появился, сзади, за его спиной. Этого и следовало ожидать. Грош цена была бы Ивану, если бы он не почувствовал третьего. Недаром же столько лет по свету шлялся. С такой расстановкой сил он хорошо знаком. Ивану стало даже как-то не вовремя весело. Даже хмыкнул не таясь. Вот тебе ирония судьбы, или с легким паром! Неужели судьба столько лет берегла его от напастей, чтобы у родного дома достать? Зачем? С жизнью распрощаться он мог более достойно. На людях, говорят, и смерть красна. На БАМе, например, он едва ушел от нее. Но ушел ведь! А тут от бродяг каких-то! «А сам-то ты кто!» – подумалось Ивану о себе в третьем лице.

До незнакомцев осталось шагов десять. Тот, что помоложе, вертлявый, шагнул Ивану навстречу. Небритый, папирасой дымит, желваками играет. На публику, дядя, работаешь?!

– Куды путь держим? – небрежно спросил вертлявый, презрительно скользнув по Ивану, и лишь доли секунды его взгляд задержался на рюкзаке, что тут же отметил Иван.

– В Кривой Ручей иду, – как-то уж очень по-домашнему ответил Иван. Драться ему не хотелось, тем более одному против троих, да еще обозленных зеков. – Сто лет дома не был. Решил мать навестить, сестренку...

– Сейчас откуда? – резко спросил второй, высокий.

– С БАМа, – коротко ответил Иван. И в эту же секунду понял, что совершил непростительную ошибку.

– С БАМа – это хорошо, – засмеялся вертлявый.

– С БАМа – это очень хорошо, – процедил высокий, насмешливо глядя мимо Ивана на третьего.

– Коли так, разговор у нас с тобой должен состояться, – хмыкнул вертлявый и уверенно схватился за ремни Иванова рюкзака.

Иван увидел, как враждебно-торжествующе блеснули глаза высокого. «Где БАМ – там и деньги», – мелькнуло в голове у Ивана.

– Ошиблись вы, ребята! – весело крикнул он и, чуть развернувшись, ухнул тяжелым кулаком вертлявого.

Тот не ожидал такого продолжения разговора, да и ослабел, наверное, в неволе, сразу рухнул на дорогу.

– Вы ошиблись, ребята, – громко повторил Иван и уклонился от удара высокого. И тут же ребром ладони резко, наотмашь саданул высокого по шее. Тот упал как подрубленный.

А третьего Иван проморгал. Доли секунды не хватило, чтобы обезопасить себя и прикрыть спину – самое уязвимое место у человека. Острая боль пронзила Ивана. В душе он был поэт. Эта фраза, как ни странно, мелькнула в его сознании. И было такое впечатление, что эта боль не его боль, а чья-то чужая и он просто сочувствует тому бедолаге, которому воткнули финку в бок. «Потерпи, дружище, потерпи», – уговаривал того несчастного Иван, медленно поворачиваясь вокруг своей, точнее, его боли. Третий, видимо, был новичок в таких делах. Он ударил ножом Ивана и испугался. Глаза были полны ужаса и страха. Молодой совсем, пацан. Тоже к матери, наверное, бежать собрался.

– Что же ты, парень, в спину-то меня? – улыбаясь, побелевшими губами прошептал Иван. Тот попятился назад, беспомощно икнул и резко бросился в тайгу.

Иван почти не чувствовал боли. Тяжело пошатываясь, он направился к родной деревне. Шаг... второй... третий... Почему, интересно, заключенных привозят именно сюда, на его родину? А пацан-то совсем молодой, лет восемнадцать... И ножом, наверно, ударил в первый раз... Четвертый... Пятый... Иван поднял голову и глянул на чистое небо. Что-то резко качнуло его, потом сбило с ног. Он упал руками вперед, к родному дому, словно закрыв собой родную деревню от беглых людей.

День был тихий, теплый, бабье лето дремало на Севере.

Валерий ВЬЮХИН

СОЗВУЧНОСТЬ

Луна, словно лыковый лапоть.
Заброшенный на небеса.
Как тянет смеяться и плакать,
И с неба ловить голоса.

Как хочется, душу пришпоря,
Подняться в небесную синь,
Чтоб вольно парить на просторе,
Гусей не дразня и гусынь.

Как хочется раскрепощенья
Измученных чувств и души,
Не слышать ничьи поученья,
Как не были б те хороши.

Как хочется мира и лада,
Созвучности мыслей и слов,
Спокойного, ясного взгляда,
Пронзительно-честных стихов.

Но так не бывает, пожалуй,
Иные удачи не в счет...
Судьбу, словно плот обветшалый,
По самой стремнине несет.

НЕКТО

Этот тип с желтизною залысин
Окружающим мало знаком.
Он упрям, молчалив, независим,
С непрактичным, но трезвым умом.

Век двадцатый с тяжелой одышкой
И его придавил, словно пресс.
Был он тихим и скромным мальчишкой,
В запрещенные игры не лез.

Он годами в душе, словно в тигле,
Плавил жизни сырой матерьял.
Что иные минутой постигли,
Он мучительно долго искал.

Он по воле дурацких условий
Унизительно медленно рос,
Но имея характер воловий
Мог тянуть перегруженный воз.

Налегал без надрыва и всхлипа,
Как объезженный веком Пегас.
Бог лепил из него прототипа
Вероятно кому-то из нас.

БЫЛОЕ

Когда воскреснет все бывшее,
Сияя, как иконостас,
В лицо безмерно дорогое
Смотрю не отрывая глаз.

Все память ясно сохранила,
Как под магическим стеклом,
Что возвышало и пьянило,
И продувало сквозняком.

Что в нас вошло, как дрожь по кронам,

Пронзило судьбы, как лучом.
Былое дивным камертоном
Звучит в присутствии твоём.

Альберт БЕРНШТЕЙН

**ПОРТУПЕЙ-ПРАПОРЩИК(1)¹
ИЗ АЛГАСОВА(2)
(повесть)**

*...И сильнее, чем прадед и дед
Я люблю свою малую родину.
Потому, что большой уже нет.*

Н. Зиновьев

*Несусь я вновь путями скоростными
В страну мечты, где нас отныне нет.
И от которой лишь осталось имя
Да навсегда просроченный билет.*

А. Дементьев

... И чем старше я становлюсь (теперь на восьмом десятке можно сказать – старее), тем всё чаще снится мне один и тот же сон. Точнее сказать, и не сон это вовсе, а скорее виденье, потому, что вижу я его как раз в те короткие мгновенья засыпания, когда глубокий сон ещё не наступил, но вот-вот наступит.

И видится мне между сном и явью...

Я совсем ещё маленький, лет пять мне, не более, укладываюсь спать. Зову маму:

- Мам, иди попрощаться. И одеяло мне подоткни.

Она подходит и со всех сторон подтыкает одеяло, делая из него кокон, внутри которого я. (Не знаю, было это игрой или действительно в доме было холодно, а кокон из одеяла лучше сохранял тепло. Может быть, это было и то и другое одновременно).

¹ Портупей-Прапорщик - в русской армии звание унтер-офицера рангом выше подпрапорщика, отмеченного за боевые заслуги офицерским темляком (петля из ремня или орденской ленты, носимая на эфесе шпаги, сабли, шашки или палаша). Это звание мог получить не только дворянин, но и простолюдин.

² Алгасово - старинное большое село в Тамбовской губернии, Моршанского уезда на реке Вокше (приток Цны)

Потом она наклоняется ко мне, касаясь губами щеки, её волосы падают мне на лицо и приятно щекочут. Мне так покойно и радостно. И я, чтобы продлить счастливые мгновения, тянусь к ней, приподнимая голову. От этого полусонного движения вздрагиваю и просыпаюсь. Просыпаюсь взрослым. И ещё долго лежу без сна неподвижно, стараясь не спугнуть ощущение материнской ласки, вдруг прилетевшее из далёкого прошлого, преодолев расстояние в шесть с половиной десятилетий.

А память прокручивает, словно в документальном фильме, разные эпизоды детства, смонтированные выборочно и с нарушением хронологии. И я общаюсь, разговариваю с близкими мне людьми, которых уже нет на земле, как с живыми. Нет, ни как с живыми, а с живыми. Потому, что они живут в моей памяти, пока буду жить и помнить их я сам.

... С наступлением сумерек у нас с моим двоюродным братом Валюшкой начинается ожидание деда. Только с его приходом, когда уже становится совсем темно, зажигают лампу. Тогда в избе становится светлее, хотя какой уж там свет от одной керосинки, и бабушка начинает собирать на стол. На ужин, как правило, всегда одно и то же: картошка, хлеб, чай. Часто к картошке она ещё ставит на стол миску квашеной капусты. Ужинаем вшестером: дед с бабушкой и матерью бабушки, я с Валюшкой и мама. Часто мамы за ужином нет: она завуч в большой школе, и ей приходится задерживаться вечерами. И ещё у неё какие-то партийные дела. Про них она дома никогда не рассказывает: деду и бабушке эти дела не нравятся, терпят, но молчат.

Кроме нас в доме жила тётя Маня, вдова брата бабушки, с двумя дочерьми Симой и Валею, лет на восемь и на пять старше меня. Столовались они отдельно. И только по большим праздникам за столом собирались все девять человек.

Для нас с Валюшкой вечера – самые приятные часы. Потому, что зажгли лампу, и в избе светло. Потому, что скоро ужин, а есть уже хочется. Просить хлеба у бабушки боязно – может дать по кусочку, а может ответить не очень понятно, но обидно:

- Дам хлебца, а зад – слепится.

Вот и приходится ждать ужина. Таких поговорок у бабушки было много, и напороться на одну из них было очень просто.

А самое главное, чего мы ждём вечером, наступает после ужина. Дед ложится на свою кровать отдохнуть после ужина, и мы с Валюшкой тотчас забираемся к нему. Младший брат сам залезть на кровать не может, и приходится мне помогать ему, подсаживать.

- Деда, рассказывай сказку.

- Да я вам уже все порассказал.

- А давай ещё рассказывай.

- Да какую же?
- Про прапорщика.
- Снова, что-ли? С начала?
- С начала, с начала...

Этот разговор, как ритуальная игра, как вступление к сказке повторяется каждый вечер.

- Ну ладно, слушайте.
- И начинается сказка.

* * *

"В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Царь со своей Царицей. И была у них дочь Царевна, такая красавица-раскрасавица, что ни словом сказать, ни пером описать. А звали её Настя – отцу с матерью счастье.

Большой царский дворец в стольном городе стоял в большом царском саду на берегу большой реки. Такой большой, что в самый ясный день другой берег еле-еле видать было".

- Как наша Тяновка?

- Что ты. Наша Тяновка по сравнению с ней ручеек. А та в сто раз больше. Или даже в тысячу раз больше. А река та впадала в большое море. И море то не как наша Гусинка, а в тысячу тысяч раз больше. И впадало то море в океан.

И вот в какой-то из дней пристал неподалёку от дворца корабль чужеземный. Видно, припасы на корабле кончились или какая другая нужда у них приключилась. Поставили матросы по приказу капитана сходни и вместе с капитаном сошли на берег. Все сошли. А корабль привязали к деревьям канатами. Это такая толстая верёвка в руку толщиной".

- А как капитана звали?

- А звали его Прынц. Потому, что он был, как потом оказалось, сыном какого-то заморского короля.

- Прынц?

- Да, точно – Прынц.

- "Так вот, сошли, значит, все на берег вместе со своим капитаном. Стали по трактирам ходить, да вино пить. Одним словом, загуляли. А на беду Царевна Настя в ту пору по саду гуляла. А её няньки да мамки, что за ней присматривали, поотстали. Видит она: корабль стоит красивый. И никого на корабле не видно. "Дай, - думает Настя, - полюбопытствую, как там у них на корабле устроено". Только взошла она на корабль, как откуда ни возьмись, налетел вихрь. Паруса сами собой распустились, канаты, что корабль у берега держали, натянулись и порвались. То ли канаты были плохие, то ли матросы плохо закрепили их. Короче, корабль оторвался от берега и поплыл себе. Кричала Настя, звала на помощь, но никто её не услышал. И уплыла она с кораблём

неведомо куда. Потому, что река эта впадала в море, а море – в безбрежный океан.

Как узнал об этом Царь, то всех мамок, да нянек, что за ней присматривали, сильно наказал, приказал кнутами их выпороть за то, что Настю не доглядели. Да только этим несчастьем не поможешь

Велел он привести к себе этого капитана, которого звали Принцем, и говорит ему: "Вот я даю тебе свой лучший корабль со своей командой, чтоб твоих пьяных матросов и близко не было. И найдите мне мою дочь. Найдёте, всех озолочу, а её за тебя замуж отдам. А не найдёте – всем вам несдобровать". Снарядили корабль, значит, и поплыли.

Плывут, плывут день, другой. Плывут, плывут..."

Хр-р-р, хр-р-р...

- Дедуся, дедуся, не спи...

- Ой, неужели заснул... Ну, давайте завтра продолжим.

Мы с Валюшкой знали, что дед только притворяется, поскольку такая концовка нашей вечерней сказки повторялась каждый день. Мы с братом шли спать, а дед вставал, и у него снова начиналась работа уже дома.

* * *

Дед мой по матери, Степан Федорович Коновалов, был знатным и единственным на селе модельным портным. Село было большим, в то военное время оно считалось районным центром, и всякого начальства районного масштаба в нём было предостаточно. В основном оно, это начальство со своими семьями, и были его основными заказчиками. Едва ли в те тяжелейшие годы кто-либо из простых сельчан могли позволить себе заказать обнову. В селе голодали и помирали семьями. И я не мог не слышать отголоски этой беды в нашей относительно благополучной избе.

Степан Федорович получил по тем времена хорошее образование. Он закончил школу в селе, и после этого учился в Москве на курсах у знаменитого в свое время закройщика Лурье (теперь бы его назвали на иностранный лад кутюрье). У деда была неплохая библиотека, к сожалению, не сохранившаяся во время войны.

И главное: начитавшись произведений и статей Льва Николаевича Толстого, он стал ярким его поклонником, последователем его учения о непротивлении злу насилеиём. Это едва не стоило ему жизни: когда его призвали на Первую мировую войну, он отказался брать в руки оружие. По этой, или какой другой причине он попал в плен. Но после окончания войны вернулся домой целым и невредимым.

Бабушка Анна Дмитриевна, что очень удивительно, в отличие от деда была совсем неграмотной. Она знала только одну букву "К", начальную букву

своей фамилии. Так она сама не раз говорила. Не знаю, знала ли она начальную букву своей девичьей фамилии: была она в девичестве Назаровой. Моя прабабушка Мария Ивановна Назарова тоже была неграмотная и единственная в семье богомольная. В углу комнаты, которая была кухней, столовой, гостиной, прихожей и спальней одновременно, висело с десятка закопчённых икон. И Мария Ивановна, с трудом становясь на колени, отбивала перед образами поклоны.

Как истинный толстовец дед придерживался вегетарианской диеты. Но во время войны это делать было ему просто: мясные блюда редко бывали на нашем столе. Если же всё-таки удавалось сварить какой-нибудь суп с мясной косточкой, то бабушка отливала часть приготовленного супа в отдельную кастрюлю, заправляла это капустой или свёклой, и подавала это деду как вегетарианское блюдо. Причём, об этом обмане все домашние знали. Все, кроме деда.

У деда с бабушкой было четверо детей. Моя мама Анна родилась ещё до Первой мировой. А после возвращения деда из плена у них родились ещё две дочери, Валентина и Александра, и сын Владимир, младший и самый любимый.

Володю я видел всего один раз. Осень сорок первого, когда нас с мамой эвакуировали из Липецкой области в село Алгасово, Володю уже призвали в действующую армию. Каким-то образом ему удалось на пару дней в разгар военных сражений вырваться домой. Я помню, как он молодой, красивый, в военной форме, сидел во главе стола. А все домочадцы с любовью, гордостью и тревогой смотрели на него и слушали его рассказы. Пред уходом он взял меня на руки и подбросил под самый потолок.

А вскоре пришла первая похоронка. Точнее, вначале пришло письмо от товарища Володи, с которым он вместе лежал в госпитале с горестной вестью: Володя умер от тяжёлого ранения. Когда бабушке прочитали это письмо, она закричала, запричитала и упала с лавки под стол. Единственного, любимого сына Володи не стало...

Через час об этом знало всё село, и в избу заходили и заходили ближние и дальние соседки, стояли у порога, уголками платков утирали слёзы. Многие из них уже получали похоронки, некоторые – не по одной. Горе было общим. Вслед за письмом из госпиталя пришла официальная похоронка. Вместе с ней было сообщение, что Володя посмертно награждён орденом Красной Звезды, и его можно получить в военкомате. Помню, что за орденом никто не пошёл.

Вскоре ещё одна страшная беда пришла в семью – смерть Валентины. В апреле сорок второго сестра мамы Валентина родила сына. Его должны были назвать и, кажется, уже называли Эдуардом. (Тогда в ходу были такие имена: Альберт, Эдуард, Артур и им подобные). На шестой день после родов Вален-

тина умерла от заражения крови, и по настоянию бабушки Эдуарда переименовали в Валентина. Так появился у меня двоюродный брат Валюшка. Его судьба была неординарной. Он стал воспитанником дедушки и бабушки. Закончил алгасовскую школу, поступил в МГИМО, стал экономистом-международником. Много лет прослужил в Иране и Афганистане, свободно говорил на фарси. Стал кандидатом экономических наук, возглавлял отдел в одном из институтов в Москве. Своих детей в честь деда и бабушки он назвал Степаном и Анной. Два года назад его не стало.

С появлением на свет Валюшки связан ещё один страшный эпизод, врезавшийся навсегда в мою память. На второй или третий день после его рождения мы всей семьей пошли в районную больницу, где лежала роженица, чтобы проведать её. Больница была расположена в лесочке километрах в двух от села, к ней вела просёлочная дорога. И на подходе к больнице с обеих сторон дороги безмолвно сидели и лежали страшные человекообразные существа. Одни были похожи на скелеты, обтянутые кожей. Другие были с опухшими до такой степени лицами, что не было видно глаз. Они сидели и лежали совершенно безучастные ко всему, и трудно было поверить, что это живые люди. Я испугался, начал от страха кричать и отказался дальше идти. Дед взял меня на руки, я спрятал свое лицо на его плече, чтобы не видеть этого ужаса. Тогда я не знал и не мог знать, что вижу местные последствия голода в стране, от которого погибли миллионы людей во время войны за сотни километров от линий фронтов.

Однажды мама пришла домой позже обычного, отказалась от ужина и молча сидела у стола.

- Что с тобой? Не захворала ли? – спросила бабушка.

- Ходили сегодня по поручению райкома по домам, где есть недоимки по налогам.

- Ну и что?

- Бедность, голод. Страшно смотреть. Зашли в одну семью, у которой долг по мясopоставке. А там две голодные старухи и четверо детей – мал мала меньше. На мужа похоронка полгода назад пришла. Спрашиваем про недоимки. А та, что помоложе, суёт нам в руки ребёнка младшего: вот, говорит, возьмите в счёт мясopоставки, всё равно кормить нечем, - мама заплакала и закрыла лицо руками. – Мы просто убежали из этого дома.

Я долго не мог заснуть: неужели детей сдают на мясо. Было страшно.

Валентину похоронили на сельском кладбище, в той же могиле, где несколькими годами раньше была погребена её сестра Александра, умершая от туберкулёза.

* * *

- Так на чём мы остановились вчера? - спрашивал дед на следующий вечер.

- Принц поплыл на корабле...Поплыл, поплыл, - это мы с Валюшкой подсказываем деду. Таков ритуал продолжения вечерней сказки.

- "Ну, так вот, плывут, они плывут. А навстречу им лодка, а в ней человек какой-то. "Эй, - кричат они ему с корабля, - кто такой и куда путь держишь?" А тот отвечает: "Я – Портупей Прапорщик, домой с войны возвращаюсь. А вы кто такие?" "А мы плывём Царевну Настю искать, - отвечают ему с корабля. – Кто её найдёт, тот её в жёны возьмёт." "Возьмите и меня с собой. Я тоже счастья попытаю". Кинули ему с корабля лестницу верёвочную, он забрался по ней на корабль. А лодку его привязали к кораблю – не бросать же её в море, вдруг пригодится. Ну и поплыли дальше".

- А как звали Портупея Прапорщика?

- Да так все и звали: Портупей Прапорщик. Может быть, у него и было какое имя, но его звали именно так.

- А куда он плыл в лодке?

- Да как куда? В Алгасово домой он и плыл. Он тут раньше жил, пока его на войну не взяли. Слушайте дальше, не перебивайте.

- "Плывут они дальше, день, другой, неделю. Долго ли коротко, ли плыли они – никто там времени не считал. Вдруг видят – остров посреди океана. А на острове лес такой дремучий, что ни земли, ни неба не видно. А перед лесом избушка неказистая о четырёх углах, странная какая-то. Вошли в неё все с опаской. Снаружи она маленькой виделась, а внутри оказалась такой просторной, что вся команда там свободно разместилась. "Видно, корабль с Царевной Настей ветрами и течениями к этому острову прибило, - говорит Принц. – Будем её тут искать".

Наутро вся команда вместе с Принцем и Портупей Прапорщиком отправилась в лес Царевну искать, а заодно и поохотится, припасы пополнить. А одного матроса оставили еду готовить. Он печку затопил, из корабельных припасов еды наготовил. И ждёт команду.

Вдруг – стук, гром, застучало, загремело всё кругом. Дверь с шумом распахнулась, и входит Не Мал Человек – Под Потолок Ростом. Такой большой, что еле-еле в дверь протиснулся. "Кто это в мой дом без спросу вломился, на моей печи готовит харчи, а меня к столу не зовёт". Матрос испугался, в угол забился, дрожит от страха. Потом осмелел немного и говорит: "Не для тебя я варил-жарил. Мне команду кормить надо. А ты иди, откуда пришёл". "Ах, ты так меня в моей избе встречаешь", - закричал Не Мал Человек и как стукнет кулаком матроса, тот и улетел без памяти в угол. Кулак-то у него был с разме-

ром с телячьей головой. Потом он все съел одним глотком, что матрос на всю команду приготовил, и был таков. Ищи-свищи ветра в поле.

Вечером команда вернулась из лесу, а еды-то нет. Матрос лежит на полатях, стонет. "Что же ты, такой-сякой, лежишь-почиваешь, а нас голодными оставил", – ругается Принц. "Да я то ли застудился, то ли угорел, вот у меня голова и гудит – раскалывается, как пустой чугунок", - оправдывается матрос. А про то, что с ним приключилось, помалкивает, не признается. Опасается, что на другой день никто не захочет кашеварить.

Перекусили матросы простыми припасами и спать легли, не сытые, не голодные, а так себе – серединка наполовинку.

На другой день опять вся команда вместе с Принцем и Портупей Прапорщиком пошла в лес Царевну Настю искать, а на дежурстве другого матроса оставили. И с ним точь в точь такая же история приключилась. И опять вся команда полуголодная спать легла.

На третий день Портупей Прапорщик говорит Принцу: "Что-то неладное тут случается в наше отсутствие. Давай-ка я сегодня останусь кашеварить. Посмотрю, что к чему. А там дальше видно будет".

Ушли все в лес Царевну Настю искать, а Портупей Прапорщик остался обед-ужин готовить. Печь растопил, борщ наваристый из дичи сварил, кашу с зайчатиной приготовил. И даже питьё какое-то из лесных ягод сообразил. Благо, что и ягод, и дичи, и зверья в лесу было видимо-невидимо.

Вдруг стук, гром, застучало-загремело всё кругом. Дверь с шумом распахнулась так, что даже стены задрожали. И входит Не Мал Человек - Под Потолок Ростом. Еле-еле в дверь протиснулся. "Кто незваный в мой дом забрался, на моей печи готовит харчи, а к столу меня не зовёт?" – кричит он.

"А Портупей прапорщик отвечает ему... отвечает ему..."

Хр-р-р, Хр-р-р...

Всё, это был сигнал, что и на сегодня сказка закончилась. И нам с братом спать пора.

* * *

Мы-то с братом спать отправлялись, а на кухне, что была отделена от основной части дома дощатой перегородкой без двери, продолжалась работа. Мама при свете керосинки готовилась к урокам, бабушка стряпала, а дед портняжил. Днём он работал закройщиком в мастерской, которая с утра до ночи шила военную форму для армии. А вечером и ночью выполнял частные заказы, что и давало семье жить по сельским меркам вполне удовлетворительно. Начальство, которое дед обшивал, расплачивалось, как правило, не деньгами, а продуктами: мукой, маслом, капустой. Один раз, я это помню, как исключительный случай, кто-то из заказчиков расплатился половиной туши

овцы. Этого подарка судьбы хватило нам надолго, даже шкура этого животного пошла в пищу. Делая студень из костей, бабушка добавляла туда кусочки шкуры, очищенной особым способом от шерсти. Правда, студень получался почти чёрного цвета, а в доме долго стоял запах палёной шерсти. Картошка у нас была своя, и это нас в основном и спасало от голода.

Дед кроил и шил ночами. Для этого лампа снималась с крючка под потолком и ставилась на стол, и дед делал свою тонкую работу почти вплотную к источнику света. Во рту у него торчало одновременно несколько булавок, которыми он скреплял детали до наметки, и неизменная самокрутка из газеты с самосадом. Часто дед напевал во время работы. У него были две любимые песни, из которых я запомнил только первые строчки. Одна песня начиналась словами: "Двенадцать часиков пробило, Ланцов задумал убежать..."; вторая: "И по винтику, по кирпичику разобрали кирпичный завод..." Кто такой Ланцов и зачем надо было разбирать кирпичный завод, я не знаю до сих пор. Как, впрочем, не знаю, зачем разобрали и уничтожили тысячи заводов в стране совсем недавно уже в наше время.

Однажды беда снова пришла в наш дом. Моего отца – Бернштейна Ефима Львовича – призвали в армию в 1939 году. Он успел принять какое-то участие в финской компании, затем в сорок первом оказался в самом пекле первых дней войны. После выхода из окружения его направили в одну из частей на переформирование. Однако, затем его, как уже имеющего некоторый опыт военных действий и, кроме того, высшее образование, назначили в группу военных специалистов в Челябинск для приёмки танков на заводе. Отец неоднократно обращался с рапортами руководству о направлении его на фронт. И однажды его просьба была удовлетворена. По дороге на фронт он на два дня заехал в Алгасово. Я хорошо помню его короткую побывку. Мама пошла провожать его до большака, где отец должен был поймать попутку до Моршанска, а далее добираться по железной дороге. Она долго не возвращалась, уже наступила ночь и неожиданно началась пурга. Все в доме уже начали беспокоиться. По слухам были случаи нападения волков на людей. Вернулась мама уже к полуночи, занесённая снегом и зарёванная. Все понимали, что такое провожать близкого человека на войну.

Некоторое время от отца приходили короткие письма, и мама в нескольких словах передавала всем его приветы и сообщения. Потом ожидание этих писем стало напрасным: их больше не было. Мама пыталась делать запросы, но ответов не получала.

Зимой в конце сорок третьего у нашего дома остановились райкомовские сани, что ничего хорошего не предвещало. Из саней поднялась мама, двое её попутчиков поддерживали её под руки. Её ввели в дом, и она буквально рух-

нула на ту же лавку, на которой полтора года назад убивалась от горя бабушка.

Оказалось, что на один из запросов мамы ответ пришёл на районный военкомат: "Ваш муж внесён в списки пропавших без вести". Неопределённость формулировки несла не менее трагический смысл, чем похоронка. Практически некто из тех, о ком такую весть приносили почтальоны жителям села, не объявился и не вернулся. Сколько их, пропавших без вести, осталось в воронках от бомб и снарядов, в запаханых гусеницами танков окопах, в безымянных могилах. Неопределённость ещё более усугубляла потерю близкого человека. Эту повестку маме доставили в школу. Затем почти без чувств её привезли домой в райкомовских санях. Такая честь была ей оказана, поскольку она была ещё и членом бюро райкома.

И снова в нашу избу стали собираться соседи, чтобы выразить семье сочувствие. Мы с Валюшкой оказались в центре внимания:

- Теперь в вашем доме двое сироток, один без матери, другой – без отца. Как-то жить им, бедненьким придётся... - горестно говорили приходившие и кончиками платков утирали глаза, вспоминая и свои потери.

Мы едва ли понимали смысл происходящего, польщённые вниманием мы гордо сидели на спинке кровати деда и бабушки. В этот день мы свою вечернюю сказку не получили, и нас раньше обычного отправили спать. Потом жизнь для нас вошла в обычную колею. И только мама почти перестала разговаривать и начала, как дедушка, курить. Только дедушка сворачивал свою самокрутку по форме похожую на карандаш, а мамина самокрутка называлась "козьею ножкой" и казалась мне красивой.

* * *

А сказка продолжалась.

"... Портупей Прапорщик оробел вначале, а потом собрался с духом и говорит: "Неправда ваша, мил человек. Давно тебя жду, садись за стол – желанным гостем будешь. Отведай наших солдатских харчей, каши с маслом и наваристых щей. Еда немудреная, зато сытная и здоровая. И я с тобой откушаю".

Сели они за стол, а Портупей Прапорщик и говорит: "Еда – она еда и есть. А вот если бы сюда на стол ещё и пару штоффов хорошей настойки, то еда наша уже была бы не просто едой, но и закуской". "Правду ты говоришь, - отвечает ему Не Мал Человек, – Так тому и быть". Потом как стукнет кулаком по столу, Портупей Прапорщик аж вздрогнул. Кулак то у того был размером с телячью голову. И сразу на столе появились вина заморские, на вкус разные и на цвет приятные. Стали они вино пить, да похваливать друг другу питьё и закуску. Портупей Прапорщик только делает вид, что вино пьёт, а сам его не-

заметно из своей чарки под стол выливает, а гостю своему побольше подливает. Он уже понял, что Не Мал Человек – злой колдун, и от него всякой напасти ожидать можно. И будет лучше, если от него как-то избавиться.

Вот так они час-другой пировали, пока Не Мал Человек от выпитого и заснул, потом со скамьи на пол свалился. Портупей Прапорщик выхватил свою саблю с темляком и отрубил ему голову. Потом пошарил у него в карманах и нашёл связку из трёх ключей. Один ключ большой, второй среднего размера, а третий ключ совсем маленький. Стал он в доме искать замочную скважину, куда бы эти ключи подошли и никак найти не может. Искал, искал, искал, искал..."

Хр-р-р, Хр-р-р...

Всё. Дед опять притворился, что заснул. Значит, на сегодня сказке конец, и нам с Валюшкой пора спать.

* * *

У нашей бабушки всегда были наготове множество прибауток и поговорок, далеко не всегда безобидных для собеседников.

Вот несколько примеров диалогов с ней.

Собираюсь погулять. Не могу найти калоши Валюшки.

- Бабушка, а где калоши?

- Ищи, как хлеб ищешь.

Калоши оказались в печурке, сушились.

- Возьми с собой Валюшку. Только не обижайте его, - говорит мне бабушка.

- Ладно, - отвечаю.

- От ладана чертидохнут. Смотри мне там.

- Нагулялся? – спрашивает она, когда возвращаюсь с улицы.

- Ну да, - отвечаю, и тут же следует её реакция.

- Нуда хуже чесотки.

Другой пример. Ужинаем. Взрослые едят картошку прямо со сковороды, нам с Валюшкой накладывают еду в тарелки. Все едят ложками. Если у меня или у Валюшки кусочек картошки свалился на стол, следует строгое замечание бабушки:

- Поросёнок не съест, пока не вываляет.

А если кто-то из нас нечаянно заденет и опрокинет кружку для чая, то услышит от бабушки:

- Пошёл чёрт по бочкам.

Какой чёрт, по каким бочкам? Непонятно. Если в чём-то не послушать бабушку, она строго отчитает:

- Тебе на голове хоть кол теши, а ты всё свое гнёшь.

В детском возрасте я считал, что "кол теши" – это одно слово и означает оно что-то вроде "колтуна на голове".

Если чья-то просьба или поступок бабушке не нравились, она это комментировала так:

- Новое дело – поп с гармонью.

Укладывая совсем маленького Валюшку спать после кормления, она часто приговаривала:

- Отчего телок гладок – поел и на бок.

Если Валюшка после кормления из бутылки с соской начинал, как говорил в селе, гулять или пачкать пелёнки, то бабушка тут же приговаривала:

- Серёдка съта и краешки играют...

Могла бабушка и ругнуться при случае, если каша в чугушке пригорела или ненароком руку у печи обожгла:

- В лоб твою мать...

Строга была Анна Дмитриевна, все её слушались. И дед в первую очередь.

В церковь бабушка не ходила и дома не молилась. Однажды бабушка соседски зашла в дом к попу, его дом стоял на этой же улице за сухим оврагом. Рассказывая об увиденном, она возмущалась и ругалась последними словами:

- Народ с голоду пухнет, а попадья крашеными яйцами собаку кормит. Они эти яйца, что на Пасху собрали, сами сожрать не могут. Так они в бочке засолили их прямо в скорлупе и теперь ими собаку кормят. То-то они забором двухметровым отгородились от людского глаза.

Однажды бабушка заставила мою маму пойти к гадалке, что никак не соответствовало положению мамы в селе. Она была завучем в большой районной школе, её не раз избирали членом бюро райкома партии, она была партийным секретарём в школе.

Но вначале пришла Победа.

В одно прекрасное майское утро чуть свет (мы ещё все спали) к нам прибежала подруга мамы Настя.

- Нюра, вставайте. Победа! Война кончилась.

И снова слёзы. С войны уже не придут ни дядя Володя, ни мой отец.

В школе отменили занятия, в десять утра на площади перед школой состоялся митинг. Трибуна – кузов полуторки, на трибуне всё районное начальство. Я уже знал в лицо первого секретаря райкома Акулова и начальника милиции (или КГБ) Очакова, противного человечка очень маленького роста.

Кто-то что-то говорил с импровизированной трибуны, а потом Очаков стал салютовать из пистолета. Это было самым интересным для меня. Мальчишки находили после митинга пустые гильзы и очень гордились этими находками.

И вот, спустя несколько дней после митинга, бабушка стала уговаривать маму пойти к гадалке и узнать о судьбе отца:

- Нюра, давай пойдём к Матрене. Все говорят, что она правду говорит. Что нагадает, всё сбывается. (Должен пояснить, что поскольку в доме были две Анны, моя мама и бабушка, звали их по разному: мою маму Нюрой, а бабушку Анютой).

- Не могу я идти к Матрене. Меня потом на собрании разбирать будут.

- Нюра, никто не узнает. Я с ней договорюсь.

- Как никто не узнает, если она у меня в школе техничкой работает.

И всё же бабушка настояла на своём, и мы втроём в воскресный день пошли в соседнее село, где жила Матрёна. Я помню, что Матрёна для гадания по кругу разложила на столе соль, хлеб, ещё какие-то предметы. В середине этого круга поставила свечку и зажгла её. Потом взяла в руку иголку с ниткой и держала её на вытянутой руке над свечой. Иголка на нитке раскачивалась, и Матрена что-то бормотала, молитву или заговор.

Мне показалось всё это скучным, и я ушёл на улицу. По дороге домой из разговора мамы с бабушкой я понял, что Матрёна нагадала нам, что мой отец жив и через 10 дней мы получим от него весточку. Если это произойдёт, то бабушка пообещала Матрёне сказочное подношение по меркам военного времени: бутылку водки и кольцо колбасы.

Мама к гаданию отнеслась скептически, хотя, конечно, ей очень хотелось бы поверить предсказанию.

- Мама, а где ты возьмёшь водку и колбасу, если вдруг письмо действительно придёт? - иронизировала мама.

Я никогда в Алгасове колбасы не видел и не очень представлял, что это такое.

Бабушка рассердилась:

- Не твое дело. Всё с себя сниму и продам, голая ходить буду, а Матрёну отблагодарю, если письмо придёт от Ефима.

Письмо не пришло ни на десятый, ни на пятнадцатый. А потом вдруг произошло чудо. Самое настоящее чудо. Как-то утром недели через две или три после гадания бабушка растапливала печь и не могла найти спички. Ни в печурке, где они всегда лежали, ни на подоконнике их не было. Она и рогаши с чапальниками переставляла из угла в угол, и в подпечь заглянула.

Она стала искать в карманах фартуков, их у бабушки было два. И вдруг вскрикнула.

- Ой, старая я, совсем обеспамятовала. Ты знаешь, Нюра, дня три тому почтарка Надя мимо меня проходила, когда я на огороде лук полола и сунула мне в карман письмо. У меня руки грязные были, в земле. Посмотри, что там.

И дает маме треугольник письма. Мама взяла письмо в руки, застонала и... потеряла сознание. Адрес на письме был написан рукой отца.

Не сомневаюсь, что бабушка нашла для Матрёны и бутылку водки, и кольцо колбасы. Но голой она не ходила.

...Осенью сорок пятого я пошёл в первый класс.

* * *

- Что там дальше-то с Портупей Прапорщиком? На чём мы остановились?
- Ключи, три ключа он нашёл, - подсказываем мы деду.

- "Ну так вот, искал он искал замочную скважину - ну никак найти не может. Вдруг заметил в одной стене дырочку. Только он большой ключ туда вставил, как перед ним прямо из стены открылась потайная дверь. Вошёл он в эту дверь и ахнул от изумления: много чего богатого в той комнате было. Ковры золотом и серебром тканые, одежды всякие плюсовым бархатом отделанные да драгоценными камнями украшенные. Посуда разная такой тонкой работы, что вся сквозь себя просвечивает и цветными картинками размалёвана. А картинки да узоры, как живые, цветом всё время играют. Шапки соболиные да бобровые атласом изнутри подбитые. А на стенах висят сабли, мечи, клинки с узорами такой замысловатости, что и в руки взять боязно.

Заметил портупей Прапорщик на одной стене ещё одну поменьше дырочку. Вставил он в неё ключ среднего размера, и передним прямо из стены открылась ещё одна дверь. Вошёл он во вторую комнату и онемел от удивления: ещё больше богатств в этой комнате хранилось. Стояли там сундуки медью окованные, полные золота, серебра и камней драгоценных.

Зоркий глаз был у Портупей Прапорщика, и заметил он в одной стене совсем маленькую дырочку. Хотел он в эту дырочку маленький ключ вставить, да сомнения его одолели: вдруг за третьей дверью что-то такое окажется, что и предвидеть нельзя. "Может быть, в этой комнате ничего нет и совсем пустая она, - размышляет он. - А может в ней что-то страшное. Вдруг там смерть моя затаилась. От злого колдуна Не Мал Человека всего ожидать можно. Надо быть ко всему готовым". Вернулся он назад в жилую комнату, где недавно с Не Мал Человеком пировал, достал из своего походного ранца форму парадную и облачился в неё. И снова к той последней замочной скважине. Перекрестился он и вставил в неё маленький ключик. Заиграла откуда-то волшебная музыка, и дверь прямо из стены отворилась. И что же видит он?"

- А видит он, что вам спать пора, - заключил дед, и мы с Валюшкой недвольные слезли с дедовой кровати.

* * *

Действительно, это было письмо от отца. Он сообщал, что жив и здоров. Был контужен, попал в плен, домой приехать пока не может, поскольку его оставили в армии до особого распоряжения. Только потом мы от него самого узнали, что он был включен в группу военных и гражданских специалистов для демонтажа оборудования химических заводов в Германии, которое по контрибуции отправляли в Советский Союз. Его университетское образование сыграло в этом назначении решающую роль. Не будь его, он мог бы вместе с миллионами других пленных после фильтрации без пересадки отправиться в товарных вагонах в Воркуту или на Колыму.

В одно прекрасное летнее утро сорок шестого, когда я ещё спал (в школе уже начались каникулы и мне не надо было рано вставать), меня разбудила какая-то суматоха на кухне. Я поднялся, и не одеваясь босиком вышел из спальни.

За столом сидела вся семья кроме нас с Валюшкой и незнакомый мне мужчина.

- Папа приехал, - сказала мама, - поздоровайся с отцом.

Я отца не узнал, он совсем не был похож на того бравого военного, которого я видел на фотографии.

- Как ты вырос, - сказал отец, пристально и долго разглядывая меня. На его глазах были слёзы. Одна слеза выкатилась и остановилась на небритой щеке. Это было так странно, и я тоже заплакал. Отец обнял меня и прижал к себе.

У меня есть теперь отец. И он будет защищать меня от уличного хулигана Петрака, который жил в доме напротив и часто обижал меня.

...А на следующий день после приезда отца умерла моя прабабушка Мария Андреевна. И отцу сразу же пришлось включиться в хлопоты по её похоронам. По рассказам отца, Марья Андреевна раньше других сразу приняла его в качестве родственника, когда он впервые появился в Алгасове как муж её внучки Анны Степановны в середине тридцатых годов. Папа не раз рассказывал мне, как Марья Андреевна, сидя на крыльчке, обращалась к нему:

- Ефим, давай выпьем беленькой по стопочке.

- Давай бабушка, - соглашался отец.

И они вместе выпивали по стопочке и подолгу беседовали.

- Ефим, а евреи тоже могут выпить беленькой? - своеобразно интересовалась она еврейским вопросом.

- Могут, ещё как могут.

- Ну, тогда давай ещё по стопочке.

Свою прабабушку Марию я запомнил стоящей на коленях под образами и отбивающей поклоны: она была единственной в семье, кто регулярно ходил в церковь в соседнее село. В Алгасове в то время было две недействующие

церкви, одну приспособили под клуб, вторую пытались разобрать на кирпичи. Но стены оказались настолько прочными, что отламывались только большими блоками, не разделяясь на отдельные кирпичи.

И ещё мне запомнился один часто повторяющийся эпизод. За прабабушкой Марьей была закреплена обязанность выкупать в магазине хлеб по карточкам на всю семью. Часто к целой буханке по весу полагался довесок. Вот мы с Валюшкой промышляли тем, что пытались у неё выпросить этот довесок или выхватить его, пользуясь её нерасторопностью. Дома нас за это ругали, но смотрели сквозь пальцы на наши проделки.

До чего вкусным казался нам этот кусочек хлеба, выпеченный с большим добавлением плохо помолотой и не очищенной от шелухи просяной муки.

... Вспоминая сейчас своё общение с прабабушкой, родившейся в начале второй половины позапрошлого столетия, я вдруг подумал о том, что она была живым свидетелем того времени, которое вполне можно назвать пушкинским, поскольку были живы его вдова, дети. Был бы жив и сам Александр Сергеевич, если бы не роковой выстрел смазливового француза.

Я попытался перенести эту временную аналогию на будущее. Сейчас моему старшему женатому внуку 25 лет, старшей замужней внучке – 21. И, если судьбе будет угодно, я могу успеть познакомиться с правнуками, которым предстоит жить, дай Бог, почти до конца века нынешнего. Таким образом, я лично охватываю живым общением почти два с половиной столетия. Эта мысль мне так понравилась, что я решил "учредить" новую единицу времени, протяжённостью в 250 лет, назвав её Периодом Живого Общения. Сокращённо – ПЖО.

Получается, что вся история России, исчисляемая, как это принято, от времени появления первого письменного документального источника укладывается всего в четыре единицы ПЖО. Это так до обидного мало по сравнению со временем существования древних и ранних цивилизаций, появившихся на земле на много тысячелетий ранее нашего государства.

До чего же мы молоды в историческом плане. Детский возраст, младенчество.

Возможно, именно молодостью и можно объяснить все те беды, которые выпадали на долю России: бесконечные междоусобные войны, многократные преобразования и реформы, всё никак не способствующие наступлению покоя и благополучия жизни.

Так было в прошлом и, не дай Бог, ещё будет повторяться в будущем. Надежды, возлагаемые на задуманные преобразования, с помощью которых предполагалось решить многие проблемы, оказывались тщетными. Происходит это потому, скорее всего, что благородные цели и планы при реальном их воплощении, осуществляются реальными исполнителями, уровень интеллек-

та, духовности, гражданственности и реальные возможности которых соответствуют дореформенным условиям жизни общества.

И результат, как следствие этого, далёк от намеченного.

Впрочем, о чём это я? Всё сказанное выше, прошу простить за столь странное отступление, не имеет никакого отношения к Портупей Прапорщику. У него, как и положено в сказке, все закончится благополучно.

Отца со следующего учебного года приняли на работу в школу, где он преподавал биологию и немецкий язык. В сентябре этого же года семье Коноваловых была предоставлена хорошая просторная квартира в кирпичном доме, который почему-то (я не смог позже это выяснить) назывался "домом Сазыкиных". И мы все, кроме тёти Мани с дочерьми, переехали в это жильё.

Судя по тому, что на зимних каникулах отец с матерью перевезли в Алгасово оставленные при эвакуации вещи у каких-то родственников в Ельце, они собирались обосноваться в Алгасове навсегда.

Но этого не случилось.

И виной тому уже упоминаемый мною кагебист Очаков. О нём рассказывали всякие страшные истории. Одну из них я хорошо помню, поскольку известный мне эпизод некоторым образом имел отношение к школе, и о нём говорили в доме шёпотом. Как известно, по законам военного времени дезертиров расстреливали незамедлительно и показательно перед строем. Часто дезертирами невольно становились попавшие в окружение и вышедшие из него без оружия. Необученные, необстрелянные, перепуганные смертельной опасностью, малограмотные, а порой совсем неграмотные парни из деревни, выходя из окружения, просто не понимали, что и как они должны делать и куда им идти. Некоторые возвращались домой или скрывались рядом в лесах. Двое таких братьев вернулись домой в село и отсиживались в погребе или в сарае. Кто-то донёс на них, стукачей всегда хватало, и Очаков арестовал их. А затем, проведя, видимо, скорый суд, расстрелял их собственноручно и прилюдно во дворе служебного здания. На беду территория, где проводилась акция, соседствовала со школьным двором, и многие школьники наблюдали за происходящим. А одна из школьниц шальной пулей была ранена в плечо, и её на тараптасе Очакова отвезли в больницу. Очевидцы рассказывали, что и расстрелять Очаков толком не сумел. Когда одного из расстрелянных братьев волоком тащили в подвал, то он хватался руками за траву и поднимал голову. Его пришлось Очакову пристреливать уже лежащего.

Такие вести по селу разносятся быстро.

И вот этот Очаков занялся делом моего отца. Он вызывал отца к себе в кабинет, как правило, поздно вечером, доставал из кобуры пистолет и демонстративно клал его на стол.

- Ну, рассказывай, как ты на немцев работал, наших героев им выдавал, - начинал полупьяный Очаков допрос.

- Никого никогда не выдавал и на немцев не работал.

- А как же ты тогда выжил там? Фашисты евреев расстреливали в первую очередь.

И в таком ключе допрос на полтора-два часа. Отец об этом рассказал мне спустя несколько десятилетий после войны. Моим родителям становилось ясно, что Очаков может дело отца довести до тюрьмы, до лагеря. Такие были времена.

Они были вынуждены принять решение о переезде. Так в августе сорок седьмого закончился период моей жизни в селе Алгасове, которое я считаю своей малой родиной.

Там я впервые стал осознавать себя...

И, кроме того, благодаря отцу я вдруг стал осознавать огромность и сложность мира, в котором мы живём. Началось всё с того, что в числе немногих сувениров, которые привёз мне отец, оказался электрический фонарик. И я узнал о том, что кроме электричества, благодаря которому изредка загорается лампочка в доме под потолком, есть ещё электричество, которое можно носить в кармане. Для меня это казалось чудом. Правда, это чудо прослужило мне недолго: тот самый ненавистный мне Петрак выманил у меня фонарик, и ни слёзы мои, ни просьбы не помогли мне его вернуть! Но и Петрак им пользовался недолго: запасные батарейки в селе не продавались.

Однажды отец как-то спросил меня:

- Ты когда-нибудь видел радиоприёмник?

Что такое радио, я знал: у нас в доме висела чёрная тарелка, по которой взрослые слушали о событиях на фронте. Иногда тарелка начинала хрипеть, и тогда дед что-то в ней подкручивал, восстанавливая разборчивость звучания.

- Завтра я покажу тебе настоящий приёмник, - пообещал отец.

На другой день он повёл меня к какому-то своему знакомому, который работал врачом в больнице.

Радиоприёмник тоже показался мне чудом. Маленькая стрелка двигалась по слабо светящейся шкале, и в комнату врываются звуки музыки, чья-то непонятная речь, свист и шорохи радиозфира.

- Он тоже от батарейки работает? – спросил я, уже осведомлённый об устройстве электрического фонарика.

- От батарей, - владелец приёмника указал мне на две батареи, размером и формой похожие на посылочный ящик.

У многих мальчишек на нашей улице были самопалы, в качестве стволов в которых использовались латунные трубки. Их можно было сколько угодно

найти в недоразрушенной церкви, там они были проложены под штукатуркой для подачи масла к лампадам.

Узнав о моём интересе, отец пообещал:

- Я научу тебя стрелять из настоящего оружия.

Через несколько дней он принёс из школы малокалиберную винтовку, и мы втроём вместе с мамой стреляли по самодельным мишеням. Я был в восторге. Тогда же отец рассказал мне о том, почему ружьё даёт отдачу. Заодно он объяснил природу реактивной силы и почему взлетают в воздух ракеты. Тогда же я впервые услышал фамилию Циолковского. Мне было всё понятно и всё интересно.

Однажды отец заинтриговал меня:

- Сегодня мы с тобой увидим то, чего никто не видит.

Он набрал из бочки, что стояла под водосточной трубой у нашего дома, пузырек воды, и мы с ним пошли в школу. Там в кабинете биологии он настроил микроскоп и капнул на стёклышко под окуляром несколько капель воды из пузырька. Я заглянул в окуляр и не поверил своим глазам: там, в капле воды хаотично плавали какие-то непонятные мне существа.

- Они живые? - моему изумлению не было предела.

- Конечно, - подтвердил отец и рассказал об этом невидимом вооружённым глазом микромире. Таких эпизодов общения с отцом я мог бы рассказать десятки.

Он приобщил меня к чтению толстой книги А. Брема "Жизнь животных" и затем подарил мне её на день рождения. Мы с ним наблюдали первое в моей жизни полное солнечное затмение через закопченное стекло. Он показывал и рассказывал мне о звёздах и созвездиях, по его совету я прочитал "Занимательную астрономию".

Повторю: я стал осознавать себя как живущего в огромном, интересном и непознаваемом до конца мире.

И это было важнее пропавшего фонарика и самопалов. А упомянутой книгой "Жизнь животных" теперь владеют мои внуки.

* * *

"Так вот, отворилась дверь в третью комнату, и увидел Портупей Прапорщик маленькую светёлку, а в светёлке той Царевна Настя сидит пригорюнившись. Изумился Портупей Прапорщик увиденному, обрадовался и говорит ей: "Краса девица Царевна Настя! Послал нас Царь-батюшка по белу свету тебя искать. И наказал, что если кто найдёт тебя и домой воротит в здравии, тот станет её законным мужем, а она ему – ласковой женой. Но я тебя неволивать не буду. Коли ты сама пожелаешь женой законной мне стать, то сделаю я счастливым до конца дней моих, потому что любя ты мне, красна деви-

ца. А коли нет, то буду я тебе старшим братом названным и другом верным и надёжным. И почту это за честь великую".

Посмотрела на него Царевна Настя внимательно - ладный перед ней стоял её спаситель, косая сажень в плечах, голова русая да кудрявая, а форма на нём сидела как влитая, пуговицы начищенные блестят как золотые. И зарделась она от смущения, потому, что понравился он ей и статью и великодушием. Но признаться в этом сразу не захотела. "Послушной дочерью я всегда была своему отцу-батюшке. И сейчас против его воли не пойду. Вот тебе моё колечко в знак моего согласия".

Обрадовался Портупей Прапорщик её словам, поцеловал Царевну Настю в румяные щёки и одел дорогое сердцу колечко на палец.

А тут и матросы с Принцем из лесу возвратились. "Что это?" – спрашивают они, увидев Не Мал Человека с отрубленной головой. "А это ваша головная боль и простуда, из-за которой мы два дня полуголодные спать ложились. Отнесите в лес его, пусть вороны да зверьё лесное попирует". "А это кто?" – спрашивают и во все глаза на Царевну Настю глядят. "А это моя невеста Царевна Настя", – отвечает Портупей Прапорщик. А Принц от зависти даже позеленел. "Как же так, - думает он, - я сын короля государства заморского, а красавица Царевна досталась какому-то Портупей Прапорщику". Но виду не подал и велел матросам собираться в обратный путь. Стали они грузить на корабль все богатства, что Портупей прапорщик нашёл в доме Не Мал Человека. И Портупей Прапорщик тоже вместе с ними стал погрузкой заниматься. А чтобы не поцарапать то колечко, что Царевна Настя ему дала, он снял его с пальца и положил на подоконник.

Погрузили они все богатства, сами взошли на корабль вместе с Портупей Прапорщиком и Царевной Настей, и Принц дал команду на отплытие. И только тут Портупей прапорщик вспомнил, что оставил он заветное колечко на подоконнике. "Подождите, - говорит он Принцу, - я сейчас за колечком в дом сбегаю". "Хорошо, - говорит Принц, - беги за колечком, мы тебя подождём". Побежал Портупей Прапорщик в дом за колечком, а Принц дал команду на отплытие. Заплакала, запричитала Царевна Настя, порывалась в воду с корабля прыгнуть и остаться на острове с Портупей Прапорщиком. Но Принц приказал запереть её в каюте. "Скажешь Царю-батюшке, - говорит он ей, - что это я тебя нашёл. А если не дашь на это согласие, то мы тебе руки-ноги свяжем и бросим в море на корм рыбам".

Поплакала, покручинилась Царевна Настя, но, делать нечего, жизнь-то дороже, и покорилась судьбе. Что возьмёшь с девицы молодой, неразумной, Сегодня у неё одно на уме, а что завтра будет – она и сама не знает".

- А теперь малым деткам спать пора, у Валушки уже глаза слипаются. А завтра продолжим сказку, - говорит дед, и я покорно сползаю с его постели, а Валушку перекладывают в кроватку, которая стоит тут же рядом.

* * *

Однажды зимой (я учился во втором классе в это время) мама была назначена председателем избирательной комиссии каких-то выборов. Из Моршанска поздно вечером или уже ночью привезли на машине пачки избирательных бюллетеней, и мама решила разгрузить их на квартире. При разгрузке одна пачка упала, и часть бюллетеней сильным ветром разнесло. Вся семья ночью ходила по сугробам и собирала те бланки, которые застряли в кустах и на изгородях. Видимо собрать все не удалось. Никто в эту ночь не спал. Мама до утра ходила по комнате и причитала:

- Всё, завтра меня повесят на первом столбе.

Времена были суровые...

Итак, родители решили уехать из села, опасаясь активности кагебешника Очакова, который мог поломать нам жизнь. Выбор пал на небольшой город на Украине, в котором родился и вырос отец. Нашей судьбой стал город Бердичев. Мой отец был тринадцатым ребёнком в семье, и, как теперь сказали бы, был ребёнком проблемным. В четырнадцать лет он, поссорившись со своим отцом, ушёл из дома и устроился на работу на кожевенный завод. Ему выделили место в общежитии, и началась его самостоятельная жизнь.

На заводе он стал передовиком производства, часто получал премии. Но однажды, как он сам рассказывал, "его сильно обидели на заводе". Положенную ему премию за ударный труд отдали не ему, а другому рабочему, у которого показатели были несколько ниже, но зато у него было трое детей, что сыграло решающую роль. А премия была ценная, и очень нужная отцу – ботинки. Но у премированного рабочего необходимость в этих ботинках была ещё больше.

Обладая взрывным характером, отец бросил работу и на завод больше не вернулся, хотя мастер цеха приходил к нему и уговаривал вернуться и не совершать опрометчивого поступка:

- Ефим, не дури и выходи на работу. Куда ты денешься без образования. Ты даже семилетку не закончил. А заводу ты нужен, и ботинки, будь они неладны, мы тебе в следующем квартале дадим.

- Нет, не вернусь. Я не пропаду, в Москву поеду. А ботинки себе оставьте.

И действительно поехал в Москву.

Случайная встреча с земляком в его "путешествии" привела его на какой-то завод в Воронеже, где он освоил профессию сварщика. Там без отрыва от

производства он поступил на рабфак при Воронежском университете, а затем сразу же по окончании годичного подготовительного курса был принят в университет. В том же году со второй или третьей попытки в университет поступила и моя будущая мать. Для неё поступление было более сложным из-за непролетарского происхождения: её отец считался кустарём.

(Иногда задумываюсь над цепью судьбоносных случайностей. Если бы отцу дали всё-таки эти вожделенные ботинки, и он остался бы работать на заводе, то едва ли он встретил бы мою будущую мать. И кто бы тогда писал эти строки?)

На пятом курсе мои родители поженились и вместе с красными дипломами получили направление на преподавательскую работу. К этому периоду их жизни я ещё вернусь, но вначале расскажу о том, как мы добирались на Украину.

Дорога была неимоверно трудной. Послевоенная миграция населения всё ещё продолжалась, сотни тысяч переселенцев перемещались по стране, возвращаясь к своим домам или наоборот покидая разрушенные войной поселения.

Вагоны брались штурмом, наиболее сильные буквально по головам проникали в узкие двери вагонов. На каждой полке было по два-три человека, даже на полках для багажа лежали, скрючившись, пассажиры. На дорогах почти открыто промышляли грабители и карманники.

Мне врезались в память несколько эпизодов этого безмерно трудного вояжа.

До Моршанска мы вместе с багажом добрались в кузове грузового автомобиля. Я помню отчаяние отца, когда ему не удалось сдать часть груза в отправку. Пришлось один сундук с вещами и книгами бросить в Моршанске в надежде на счастливый случай.

Первая пересадка была в Воронеже. Мне запомнился полуразрушенный вокзал, на его территории валялись какие-то скульптуры, сброшенные взрывами с постаментов. Очень хотелось спать. На чемоданах, на газетах, просто на полу. Но этому мешал громоподобный металлический голос из динамиков, который звучал не переставая:

- Граждане пассажиры! Пребывание в помещении вокзала и посадка в вагоны без санитарной обработки строго запрещена. Вход в вокзал, в вагон и продажа билета осуществляется только при наличии справки о санобработке.

Пришлось отстоять долгую очередь, раздеться наголо, сдать узелок с вещами в тепловую камеру, принять душ, снова получить свои носильные вещи.

И только тогда можно было стать полноправным пассажиром. Если, конечно, удастся штурмом взять вагон и затем часть вагонной полки.

Потом была длительная пересадка в Киеве. А самый сложный участок дороги был от Попельни до Бердичева, когда до конечного пункта оставалось каких-то километров восемьдесят. Ночью в Попельне почему-то пришлось пересаживаться в товарный вагон, который тоже пришлось брать штурмом. Меня буквально поверх голов забросили в вагон, при этом я потерял фуражку и один ботинок.

В вагоне бандиты пытались похитить наши вещи, которые были сложены в кучу в центре вагона. Отец каким-то образом отстоял их. Рано утром мы приехали в Бердичев. Городского транспорта в то время ещё не было, функции такси выполнялись гужевым транспортом. Мне впервые в жизни довелось ехать в шикарном тарантасе с извозчиком на облучке.

Во все глаза я смотрел по сторонам на полуразрушенный город. На отдельных участках центральной улицы, по которой мы ехали, она была почти полностью перекрыта развалинами домов. Оставался узкий проезд, по которому едва могла проехать повозка.

Через несколько дней я был определён в третий класс русской школы № 2, которая была в самом центре города и считалась одной из лучших. В этой школе я учился восемь лет. Я тогда не знал, что одной из главных причин нашего переезда была попытка уйти от преследования Очакова. Не знал я в детстве и того, что подобное преследование отца не только не прекратилось, но и стало более изощрённым. Соответствующие органы активно искали предателей и шпионов, а если не находили, то придумывали их.

Бердичевский "Очаков" был званием повыше и с более широкими возможностями. Рассказывали о нём, что во время одного из допросов допрашиваемый либо сам выпрыгнул из окна с третьего этажа, либо допрашиватель выбросил его в окно.

Однажды отца вызвали в органы часов в двенадцать ночи. Затем его погрузили в "воронок" и долго куда-то везли. На новом месте угрозами пытались склонить его к сотрудничеству, то есть доносить на своих коллег. Отец категорически отказался. Под утро его отпустили. Он вышел из какого-то помещения на улицу и увидел, что он находится в неизвестном ему городе. От удивленного вопросом прохожего он узнал, что этот город Житомир в сорока пяти километрах от Бердичева. Мама в эту ночь спать не ложилась. Она ходила по квартире, как заведённая, останавливалась у печки и грела руки.

В середине дня отец добрался до дома.

Парадокс судьбы: в настоящее время мой отец – гвардии старший сержант – и бдительный кагебешник в звании полковника похоронены на одном воинском кладбище в городе Бердичеве.

Считаю ли я этот город своей малой родиной? Безусловно. Здесь я помню и знаю каждую улицу и почти каждый дом. Здесь прошли самые светлые

школьные годы. И никакие другие периоды жизни и события не смогут их затмить. Здесь полвека до самой кончины жили мои родители, и здесь их могилы. Здесь же похоронены родители жены. И до тех пор, пока нас носят ноги, мы будем приносить цветы на дорогие нам могилы.

В этом городе я осознал себя взрослым человеком со своими целями, надеждами, пристрастиями и склонностями, здесь я готовил себя к последующей взрослой жизни.

И, наконец, здесь произошло событие, которое я считаю главным событием в жизни.

* * *

А сказка продолжается...

"Прибежал Портупей Прапорщик с заветным колечком на пальце к берегу, где был причален корабль, а он уже далеко-далеко в море, еле-еле его видно. Побегал по берегу Портупей Прапорщик в отчаянии, кричал, руками размахивал, да что толку. Упал он на песок и горько заплакал.

Вдруг слышит – кто-то рядом ходит. Поднял он голову и видит: идёт старичок, ростом со стручок, нос крючком, шапка торчком. На толстую палку опирается, по сторонам озирается.

Испугался вначале Портупей Прапорщик, а потом обрадовался: всё же не один он на острове. А тот и говорит: "Здравствуй, Портупей Прапорщик! Знаю я о твоей беде, много ещё злого народу на земле живёт. Но пока я помочь тебе не могу. А когда смогу, я тебе скажу. Ведь я твой должник, поскольку ты моего заклятого врага Не Мал Человека изничтожил".

"А как зовут тебя?" – спрашивает Портупей Прапорщик.

"А вот как ты подумал обо мне, так и зови меня: Старичок Ростом со Стручок. А ещё лучше зови по-свойски Стручком. Я не в обиде".

И дальше говорит ему Старичок-Стручок: "Этот злой Не Мал Человек извести меня хотел, чтобы ему одному островом владеть. Но он злой и глупый, а я добрый и умный. Злость глупа, а доброта умна. Вот и ты его глупого и обхитрил. Предлагаю тебе у меня поселиться, вдвоём всё веселее будет. В моём доме будешь жить вольно: ешь досыта, пей допьяна, пробавляйся охотой да рыбалкой, гуляй, пока не устанешь, отдыхай, пока не надоест. Мне веселее и тебе житьё ладное".

Делать нечего – согласился Портупей Прапорщик.

Так и стали они жить вдвоём. Утром, только они проснутся, Старичок-Стручок и говорит: "Ну, ты оставайся, а я – по делам". А какие у него дела, про это только он сам знает.

Как скажет эти слова, так и исчезнет на несколько дней. И что за дела у него? А в первый день дал он Портупей Прапорщику три ключа: большой ключ,

средний и маленький. И говорит ему: "Большой ключ – от большой комнаты. В неё можешь заходить, если любопытно будет. Средний ключ – от средней комнаты, в неё тоже заходить можешь. А малый ключ – от малой комнаты, в неё заходить тебе не положено". И исчез.

Любопытно стало Портупей Прапорщику: что в этих комнатах хранится. Не богатства ли там, как у Не Мал Человека? Открыл он большим ключом большую комнату, а там оказалось стойло на двух коней. Один конь – красавец, спокойно не стоит, копытом бьёт, удила грызёт. А второй конь так себе, не конь даже, кляча жалкая.

Открыл Портупей Прапорщик средним ключом среднюю комнату, а там на стене две сабли висят. Одна золотая и камнями драгоценными вся усыпана, что на свету так и играют. А вторая сабля ржавая, тупая, вся в зазубринах.

Как-то один раз надолго исчез Старичок-Стручок, Портупей Прапорщик уже и счёт времени потерял. И всё его любопытство разъедает: что же Старичок в малой комнате хоронит. Не стерпел он однажды и открыл малым ключом малую комнату. А комната оказалась такая малая, размером с комод. И лежат там на полке вещи совсем неинтересные: гребень со сломанными зубьями, огниво, да ложка деревянная и щербатая.

Подивился Портупей Прапорщик этим странным вещам и только вышел из комнаты, а перед ним, откуда ни возьмись Старичок-Стручок.

"Не послушал ты меня, - говорит он, - вошёл в потайную комнату. Так что придётся нам расстаться. Ну, да ладно, зла на тебя не держу. И ещё весть скажу тебе недобрую: совсем скоро венчание будет Царевны Насти с Принцем. Хотя и дала она против воли своей согласие на это, но по-прежнему ты ей люб, а не он. Вот и постарайся до свадьбы попасть туда в царский дворец". "Да как же попаду я туда за тридевять земель", - удивляется Портупей Прапорщик.

"Сильно захочешь – попадёшь. Да и я тебе помогу, чем смогу. Я ведь должник твой, а долг – платежом красен". И заводит он Портупей Прапорщика в большую комнату, где два коня в стойлах стоят. Заводит он, значит, ...заводит..."

Хр-р-р, хр-р-р...

Это сигнал, и мы с Валушкой знаем его значение.

* * *

Жизнь в полуразрушенном украинском городе, пережившем оккупацию и военные действия воюющих сторон, оказалась намного тяжелее, чем в тамбовском селе. Учительских заработков родителей едва хватало на очень скудную еду. Как-то мама, уже будучи пенсионеркой, сказала, что её месячного

учительского заработка в то время хватало, чтобы купить на рынке один кусочек мыла.

Однажды отец каким-то образом купил полкило ливерной колбасы. Мне она показалась настолько вкусной, что я поинтересовался, не купит ли он ещё. Он грустно посмотрел на меня и после долгой паузы сказал:

- Знаешь, сын, когда-нибудь придёт время, и я приду с тобой в магазин, поставлю тебя на весы и буду тебе покупать колбасы столько, сколько сможешь съесть. А весы покажут, сколько ты съел, и я за этот вес расплачусь.

Ждать такого времени пришлось долго. Но и сейчас ливерная колбаса мне кажется самой вкусной.

В сорок седьмом году отменили хлебные карточки, и приобретение хлеба стало большой проблемой. Хлебный магазин открывался в семь утра, и в течение получаса полки пустели. Очередь приходилось занимать на улице в четыре часа ночи, и эта обязанность лежала на мне. К половине седьмого, когда очередь прессовалась перед открытием, отец сменял меня: риск быть задавленным и растоптанным в давке у дверей был очень велик. Из-за почти постоянных ночных бдений мне просто до тошноты хотелось спать.

У родителей были большие нагрузки в школе, и часть хозяйственных работ легла на меня: чистка картошки, мытьё посуды, поддерживание огня в печи в отсутствии родителей. Приходилось мне выполнять и кое-какие не очень ответственные покупки на рынке. Один или два раза в неделю я должен был купить на рынке два литра молока. Стоила эта покупка десять рублей. Я научился торговаться и покупал молоко за девять рублей, выгадывая один рубль. Не для себя. У входа на рынок сидел инвалид в форме моряка с орденами и медалями совершенно без ног. Передвигался он на примитивной коляске, сбитой из доски, у которой вместо колёс были подшипники. В руках у него были две деревяшки в форме дверных ручек, которыми он отталкивался от тротуара. Вот этот сэкономленный рубль я клал в его морскую фуражку. Часто этот моряк хриплым голосом пел какие-то песни, я задерживался и слушал их, стоя поодаль.

Школа, которую я начал посещать, была расположена в очень красивом, чудом уцелевшем здании. До революции, как я узнал много позже, в нём располагалась еврейское коммерческое училище. Мебель в классе поразила меня своей убогостью. В алгасовской школе, где я закончил два класса, были настоящие парты, кабинеты по предметам, много разнообразных учебных пособий. Здесь же в классах вместо парт стояли сбитые из некрашенных и неструганных досок столы и скамейки. За каждым таким столом сидело четверо или пятеро учеников. Ни кабинетов, ни пособий не было. В каждом классе была печка, которую топили дровами.

После войны в городе осталось много оружия, и каждый уважающий себя мальчишка обязательно что-нибудь имел в своём арсенале. У меня в нашем сарае лежала сильно заржавевшая винтовка Мосина и несколько "лимонок". Месяца не проходило, чтобы кто-нибудь из пацанов не подорвался. Один такой случай произошёл в украинской школе № 5 недалеко от нашего дома прямо во время урока. Ученик что-то крутил в руках, скорее всего, запал гранаты или мины. Взрывом ему разворотило живот, и он сразу погиб.

Школьные годы оставили самые светлые воспоминания. И до сих пор школьные товарищи и друзья для меня самые-самые. Не все, конечно. Ни институтские годы, ни годы работы в Воркуте не смогли затмить яркого света школьной юности. В школьные годы я постоянно влюблялся. Во втором классе ещё в Алгасове я влюбился в дочь того самого Очакова. И причина этого была понятна: она разъезжала по селу с матерью в служебном тарантасе отца. Одетая в белую шубку, она казалась мне самой красивой и недоступной. Я мог только изредка наблюдать её издалека.

В третьем классе в новой школе я сразу же влюбился в девочку со странным разрезом глаз и с толстой косой, за которую я её дёргал. Потом каждый год я влюблялся в кого-нибудь ещё, сейчас уже не помню. Потом, лет двадцать-тридцать спустя я узнал, что та девочка с косой любила меня все школьные годы. Но, как говорится, поезд ушёл.

А то знакомство, которое произошло в десятом классе, действительно стало главным событием в жизни.

Да, это было в десятом классе, в октябре.

Весь сентябрь, как и все прошлые годы, старшие классы работали на уборке хмеля в одном из совхозов. В начале октября, пропахшие хмелем и расцарапанные жёстким ворсом его стеблей, мы приступили к занятиям. По субботам после уроков второй смены в большом школьном зале у нас всегда были танцы. Я почему-то задержался в классе и вышел в зал, когда танцы уже начались. Моё внимание привлекла одна пара: признанный школьный сердцеед Гена из параллельного десятого "б" танцевал с незнакомой мне девочкой. Она заметно выделялась из общей массы: высокая, красивая, со спортивной фигурой, она и одета была как-то не по-нашему. На ней была свободная красная блузка, заправленная в юбку зелёного цвета с небольшой складкой, имитирующей разрез на уровне колен. Внизу на складке было пришито несколько светлых пуговиц. Светлые туфли на небольшом каблучке делали её выше почти всех.

Эта пара, увлечённая разговором, прошла совсем близко от меня, и я смог хорошо рассмотреть партнёршу Гены и даже, как мне показалось, почувствовать запах каких-то духов.

У меня вдруг закружилась голова. Такого со мной никогда не случалось. Нет, было один раз, когда я, набравшись смелости, прыгнул с пятиметровой вышки в воду. Я вернулся в класс и сел за парту, не понимая своего состояния.

- Кто это там с Геной танцует? – спросил я своего приятеля.

- Новенькая, недавно приехала.

- А кто такая?

- Отец у неё военный, полковник. Приехали с Сахалина. Зовут её Юля. Живёт в интендантском городке в одном доме с Люсей. Они, кажется, уже подружились и сидят вместе за одной партой.

Всё складывалось удачно. Другой мой приятель был равнодушен к Люсе, несколько раз провожал её домой после уроков. Составить ему компанию не составляло труда. Так началось моё провожание этой девочки.

Я был влюбчив и влюблялся много раз. Но до "кружения головы" влюблённость никогда не доходила. А в этот раз было именно так. И не единожды. Однажды я пригласил Юлю в кино. Места нам достались очень неудобные, боковые во втором ряду. Я сидел с краю и мог смотреть и на экран и на неё. Она увлечённо смотрела кино, вытянув шею и повернув голову к экрану. Мне вдруг так захотелось погладить её шею над белым воротником школьной формы. И я погладил. Мысленно. И опять я почувствовал, как закружилась голова.

Через месяц Люся и Юля отмечали праздник 7 ноября по нашему с приятелем приглашению в компании десятого "а". А Новый год мы встречали уже только вчетвером на квартире Люси без присмотра её родителей, которые ушли в гости к своим друзьям. И тогда же прозвучали какие-то робкие слова о любви, которые всегда так трудно сказать в первый раз.

На выпускной фотографии двух десятых классов наши маленькие портретики в овалах заботливые организаторы расположили рядом, предугадывая нашу судьбу. Жизнь после школы сложилась так, что мы учились в разных вузах и в разных городах. Письма и короткие встречи на каникулах – на этом держались наши отношения. Она заканчивала институт раньше меня, и обязательное после вуза назначение на работу могло нас развести навсегда. На её последние зимние каникулы я приехал к ней, и мы подали заявление в ЗАГС.

- От подачи заявления до регистрации брака месяц испытательного срока, - обескуражили нас суровые тётки в этом важном для нас заведении.

- Что же делать? У нас каникулы всего десять дней.

- Такое разрешение на регистрацию без испытательного срока может дать только председатель горисполкома.

Наши доводы показались председателю столь убедительны, что в съёмную студенческую комнату Юли мы вернулись законными мужем и женой.

Как это было давно... Возраст наших двух дочерей приближается к пенсионному, а мы с женой готовимся к золотому юбилею и часто спорим о том, от какой даты следует вести отсчёт.

(И ещё раз о судьбоносности случайностей. Моему будущему тестю Григорию Степановичу после завершения службы на Сахалине предложили на выбор два новых места продолжения службы – Германия или Украина. Он выбрал Украину. Если бы он выбрал Германию, кружилась бы у меня голова при первом знакомстве с моей будущей женой? И вообще, что такое жизнь – череда случайных событий или всё предопределено? Хорошо, что никто не знает ответа на этот вопрос...).

* * *

"Ну, так вот, зашли они, значит, в эту комнату, где два коня в стойлах стояли. И говорит Старичок-Стрючок: "Выбирай себе коня". Портупей Прапорщик, конечно, выбрал себе того коня, что копытом бьёт и удила грызёт. "Нет, - говорит Старичок-Стрючок, - это мой конь. А ты бери вот этого". И подводит его к той самой кляче. Обиделся Портупей Прапорщик, но промолчал – дареному коню в зубы не смотрят.

Проводит Старичок-Стрючок Портупей Прапорщика в среднюю комнату, где две сабли висят. "Выбирай", - говорит он. Портупей Прапорщик выбрал, конечно, ту, на которую даже смотреть приятно, не то, что в руки взять. "Нет, - говорит Старичок-Стрючок, - это моя сабля. А ты вот эту бери". И даёт ту саблю, что ржавчиной покрыта и вся в зазубринах. И опять Портупей Прапорщик промолчал, но обида его ещё больше стала. "Смеётся он надо мной что ли", - думает он.

"Да не смеюсь я над тобой, - отвечает его мыслям Старичок-Стрючок. – Скачи на своём коне в лес, да и испытай там коня и саблю". Взял Портупей Прапорщик ту неказистую саблю, слов на свою клячу и тронул поводья. И тут произошло настоящее чудо, у коня словно крылья выросли. Он одним прыжком три версты пролетел и в лес дремучий наездника доставил. Удивился Портупей Прапорщик такой прыти. Вынул он из ножен саблю и только раз взмахнул ей, как деревья вокруг него на три версты повалились подрубленные.

А Старичок-Стрючок смеётся: "Зря обижался на меня – конь и сабля волшебные. Только волшебство их на добрые дела. Так что давай скачи во дворец, успевай туда до свадьбы". "А как же я через море доберусь", - сомневается Портупей Прапорщик. "А это не твоя забота. Для тебя море – это вода, а для этого коня и вода как твердь. Но смотри, твоя дорога лежит через владения злой Бабы-Яги, и ты для неё лакомая добыча. Для защиты от неё я дам тебе ещё три предмета, что лежат в малой комнате: гребень, ложку и огниво. Когда

будет она за тобой гнаться, а гнаться она будет обязательно, ты эти предметы позади себя по очереди бросай".

Попрощались они, и поскакал Портупей Прапорщик. И понёс его конь с невиданной быстротой через лес, через море. За один скачок три версты пролетает по воздуху. И по морю скачет, как по твёрдой тверди. Скакал он, скакал..."

-Скакал, скакал... Хр-р-р, Хр-р-р...

- Деда, а Баба-Яга не догонит?

- Не догонит, не догонит. Завтра всё узнаем. А теперь быстро по своим кроваткам...

* * *

Новочеркасск, столица донского казачества...

Моё пребывание в этом городе, где я учился в политехническом институте, не оставило почему-то в памяти светлых воспоминаний. Конечно, были какие-то яркие и значительные страницы в том активном периоде юности. Но, когда я что-то вспоминаю о Новочеркасске, то в памяти, прежде всего, всплывают трагические события 1-2 июня 1962 года, которые выпали на последние дни моего пребывания в этом городе и, поскольку я был невольным свидетелем случившегося от начала и до конца, омрачили весь мой новочеркасский период жизни.

Доверяя сейчас рассказ о новочеркасской трагедии белому листу бумаги, мне хотелось бы верить, что это хотя бы немного снизит мрачный окрас моего отношения к студенческому периоду.

В годы моей учёбы, это конец 50-х и начало 60-х, Новочеркасск был голдным городом. В областном городе Ростове, который всего в сорока километрах от Новочеркасска, можно было купить почти свободно какую-нибудь колбасу, масло, сыр. В нашем же студенческом городе (60 тысяч жителей и 20 тысяч студентов) не было ничего. Даже водки. Из алкогольной продукции можно было найти только очень дорогой коньяк и шоколадный или ванильный ликёры, тягучие и приторно сладкие.

1 июля 1962 года (это была пятница) газеты опубликовали постановление о повышении цен на мясо и масло. Так совпало, что в этот же день на крупнейшем в стране электровозостроительном заводе снизили почти на треть расценки в горячих цехах. Волнения рабочих перешли в стихийный митинг. Возможно, что этим всё и закончилось бы. Но директор на митинге сказал фразу, которая многократно повторялась в городе из уст в уста: "Жрали пирожки с мясом – теперь будете с повидлом".

Эти слова превратили мирное собрание в огромное протестное движение, а директору, по слухам, стоило жизни. Его больше никто, никогда, нигде не видел, говорили, что рабочие бросили его в цистерну с кислотой.

Ночью в рабочем посёлке имени Буденного арестовали тридцать рабочих, которых посчитали зачинщиками волнений. На другой день на общем стихийном митинге было решено идти с петицией к горкому партии. Завод и посёлок расположены в 3-4 километрах от города за рекой Тузлов. Мост через реку был перекрыт танками, но демонстрация спокойно прошла через этот кордон, и военные им не препятствовали.

Утром студентов собрали в институте и строго приказали не только не участвовать в митинге, но и не выходить за пределы институтской территории, а у проходных были выставлены посты.

Я жил на частной квартире и по субботам ходил в баню. Я не собирался менять свои планы, преодолел ограждение, минуя посты, и пошёл в баню, которая была в двух или трёх кварталах от горкома партии. Уже подходя к бане я услышал выстрелы, и тут я уже изменил планы и направился к центральной площади.

Площадь была заполнена людьми, какие-то люди выходили на балкон горкома и вели переговоры с митингующими. Оказалось, что в горкоме нет никого из партийного руководства. Часть окон была выбита.

Пробиться сквозь толпу ближе к выступающим я не мог, и остановился сбоку почти у самого центрального входа в парк. Здание горкома, можно сказать, стояло в парке, а центральным фасадом оно выходило на площадь. К той части, что находилась в парке, примыкал летний ресторан "Ротонда". Именно через него рабочие делегаты и проникли в наглухо закрытое и опустевшее здание горкома.

Из оцепления вокруг здания горкома периодически раздавались выстрелы в воздух, которые не только не пугали митингующих, но и дополнительно возбуждали толпу.

Потом в оцеплении произошло какое-то перестроение. По слухам, перед роковыми очередями по толпе произошла смена оцепления.

Вот как об этом пишет А. Солженицын: "Разные свидетели в один голос говорят, что эти солдаты были – нацмены, кавказцы, свежепривезённые с другого конца военного округа" ("Архипелаг ГУЛАГ", том 7, часть 7).

Потом прозвучало несколько коротких очередей, истошные крики, и толпа бросилась бежать прочь от площади. Та боковая часть толпы, в которой находился я, устремилась в парк и растеклась по нему. Я вышел с другой стороны парка и с опаской снова приблизился к площади. Солдаты и какие-то люди грузили в автобусы и грузовые машины пострадавших, пожарные из брандспойтов мыли площадь. Делали это очень неумело: пятна крови на ас-

фальте превращались в кровавые лужи. На площади лежали сумки, обувь. Около одной красной лужи лежала студенческая зачётка. Вокруг горкома партии вплотную борт к борту стояли танки и шеренга очень молоденьких лейтенантов в новенькой форме. Говорили, что это свежеспечённые офицеры из какого-то ростовского училища, которые сразу же после выстрелов по толпе сменили стрелявших. Меня не покидало ощущение нереальности произошедшего. Произошла трагедия – погибли люди. Почему? Что будет дальше? Как мы будем жить после случившегося? Я был в трансе.

В этом состоянии почти автоматически я вернулся в институт, чтобы узнать обстановку, пообедал по талону в студенческой столовой (обед – 40 копеек, завтрак и ужин – по 20 копеек). Ближе к вечеру я снова пошёл на площадь, так как по слухам там должен был выступить перед собравшимися А.И. Микоян.

По дороге мне довелось наблюдать такую картину.

Пред зданием милиции собралась толпа женщин, которая требовала, чтобы выпустили арестованных ночью. Но милиционеров также не было как и партийного руководства. Толпа была довольно большой, она полностью перекрыла центральную улицу Московскую. В соседнем здании был хлебный магазин с большими витринами, на втором этаже на балконе стояло несколько человек, и один из них, это был студент нашего института, выступал, обращаясь к толпе и комментируя произошедшие события. Я с этим парнем не был знаком, но не заметить и не запомнить его в студенческой среде было просто невозможно. Он был намного старше основной массы, ему было лет тридцать, не менее. Одет он был бедно и странно: на нём всегда был потрёпанный спортивный костюм, допотопная фуражка. Он всегда был один, ни с кем не общался. Мне показалось даже, что он слегка не в себе. Толпа слушала выступление этого странного студента и криками поддерживала его.

А по улице тем временем на большой скорости прямо на толпу мчался танк. И толпа не дрогнула. Из неё выбежали на тротуар всего несколько человек, а основная масса продолжала стойко противостоят приближающейся бронированной машине. Я замер от ужаса: неужели сейчас произойдёт ещё более страшное событие, невольным свидетелем которого я уже был сегодня. Перед самой толпой танк резко остановился, его гусеницы, как плугом, отрывали пласты асфальта.

Несколько человек сразу же стали взбираться на танк, они пытались согнуть антенну, колотили чем попало по фарам. Я увидел, что ствол танка начал подниматься и понял, что сейчас будет выстрел. Так и случилось. Стекло витрин хлебного магазина и библиотеки, что была напротив, посыпалось на тротуар. Несколько человек были ранены осколками. В ушах звенело. Вз-

бравшиеся на танк посыпались с него. И только какой-то пожилой мужчина на костылях (как он взобрался туда) никак не мог спуститься.

Эта картина и сейчас у меня перед глазами: толпа обезумевших женщин и танк, мчащийся на неё.

На площади снова собралась толпа. Какие-то люди периодически выходили на балкон горкома и докладывали толпе о своих переговорах по телефону с Ростовом и с Москвой.

Руководил переговорами молодой парень, которого я знал в лицо. Я видел его раньше неоднократно вместе с новочеркасским криминальным авторитетом по кличке Горох. Этот парень с балкона сообщил толпе, что сейчас по прямому проводу перед ними выступит Хрущёв Никита Сергеевич.

Крики в толпе: "Долой Хрущёва! Пусть сюда прилетит из Ростова Микоян и посмотрит на содеянное!" Парень скрылся в помещении. Спустя несколько минут он появился и сообщил, что Микоян находится в Ростове и готов срочно прилететь и выступить перед собравшимися. Но он просит, чтобы танки ушли с площади, так как, по его словам, член Политбюро "не может выступать под дулами танков".

Видимо такая команда по рации сразу же поступила экипажам. Взревели моторы, извергая клубы синего дыма. Но толпа бросилась на танки, не выпуская их из людского оцепления. А парню, что вёл переговоры с Ростовом, велели передать: "Пусть танки стоят, чтобы Микоян всё увидел своими глазами".

Минут через сорок, над площадью покружил вертолёт и, как всем показалось, сел на рядом расположенный стадион. Тотчас засуетились какие-то активные товарищи, проделывая проход в толпе: "Дорогу Микояну, дорогу Микояну!" Я встретил на площади товарища из нашей группы Витю Самодурова, и мы с ним вдвоём в ожидании Микояна взобрались, следуя примеру других, на танк и уселись рядом на башне. Но Микоян не появился.

Ещё минут через сорок подъехал какой-то спецавтомобиль, из него вытащили несколько огромных громкоговорителей (я таких больших никогда не видел) и установили в разных местах на площади.

И только после этого мы услышали из громкоговорителей характерный, с акцентом, голос Анастаса Ивановича Микояна, который обещал во всём разобратся, наказать виновных. Затем выступил командующий Северо-Кавказским военным округом и огласил свой приказ о вводе комендантского часа, нарушение которого грозит задержанием, а в случае попыток скрыться – применением оружия на поражение. Время уже близилось к указанному в приказе и народ начал поспешно расходиться.

В последующие дни, опять же по слухам, начались аресты, высылки участников событий с семьями. Помню, что в местной газете появилось объявление, что электровозостроительному заводу срочно требуются рабочие

разных специальностей, и принятым на работу сразу же предоставляются квартиры. Понятно, откуда появилось столько свободных квартир.

Несколько лет назад в одной из газет была напечатана статья с подробным описанием событий в Новочеркасске 1-2 июля 1962 года, где приводились данные о количестве убитых (кажется 67 человек), высланных и портреты шестерых участников событий, приговорённых судом к расстрелу. Двоих я узнал в лицо: студента, который выступал с балкона над хлебным магазином, и парня, который в горкоме вел переговоры с Ростовом.

Приключилась беда и с моим товарищем Витей Самодуровым. Дело в том, что во время тех событий оперативники вели скрытую фото- и киносъёмку. И на одном кадре узнали Виктора, сидящего на башне танка. Его вызвали в комитет комсомола института и там арестовали. Для меня начались чёрные дни: я сидел рядом с Виктором, и меня тоже могли "вычислить". Да и Виктор мог "расколоться". Его через несколько дней отпустили: у него были серьёзные заслуги перед властью. Он несколько лет до этого был руководителем какой-то опергруппы, то есть другими словами, оперативным работником. Это его и спасло. Правда, ему не позволили в этом году защищать дипломный проект, и он смог сделать это только через год. Если бы на фотографии "вычислили" меня, то так легко я бы не отделался. До самого отъезда из Новочеркасска я жил в страхе: вызовут ли меня, как Виктора, в комитет комсомола или придут за мной на квартиру. Но... пронесло. Я благополучно защитился, получил диплом, а через месяц уже работал в Воркуте на шахте № 27.

При получении диплома нас заставили ознакомиться и подписать какой-то документ, по которому мы, бывшие студенты, давали обязательства не разглашать сведения о событиях в Новочеркасске, причём разглашение грозило очень серьёзными карами.

Но принявший меня на работу начальник шахты Плихин Павел Григорьевич первым делом расспросил меня о случившемся, и я простодушно всё рассказал.

* * *

- Так на чём мы вчера остановились?
- Поскакал он, поскакал...
- Куда поскакал?
- Деда, забываешь ты всё. К Царевне поскакал он. А Баба-Яга...
- Вот теперь вспомнил всё. Слушайте, дальше.

"Скачет Портупей Прапорщик, скачет. Вдруг видит он: за ним Баба-Яга на ступе летит, пехтелем погоняет, метлой след замечает. Вот-вот догонит. Бросил Портупей Прапорщик позади себя гребень. И тотчас позади него вырос густой-прегустой лес с деревьями до облаков. Принялась Баба-Яга деревья

грызть. Пока прогрызла себе просеку, Портупей Прапорщик далеко ускакал. А Баба-Яга снова за ним в погоню, вот-вот догонит. Бросил Портупей Прапорщик позади себя огниво. И тотчас взгромоздились горы высоченные, кременистые с ущельями непроходимыми. Сунулась Баба-Яга в одно ущелье – там камнепад начался, сунулась в другое – там водопад с ног валит. Стала она горы эти стороной облетать. Пока облетала, Портупей Прапорщик далеко ускакал. Но Баба-Яга снова его нагонять стала. Бросил он тогда позади себя ложку деревянную и щербатую, и тотчас появилось такое огромное озеро, что Бабе-Яге не облететь его. И решила тогда она выпить озеро. Пьёт она, пьёт, но вода не убывает. Тогда она бросилась вплавь догонять Портупей Прапорщика. Но от выпитой воды она такая тяжёлая сделалась, что проплыв всего три версты утонула вместе со ступой и пехтелем. Одна метла от неё на воде осталась. А Портупей Прапорщик живой и невредимый прискакал к царскому дворцу.

Видит он около дворца большую толпу. "Чего это народ собрался", - спрашивает он. А ему отвечают, что по случаю предстоящей свадьбы Царевны Насти с Принцем заморским сама Царевна всем жителям царства собственноручно по чарке вина преподносит. Стал в эту очередь и Портупей Прапорщик. Долго стоять ему пришлось, пока его очередь не подошла. Подала ему Царевна Настя чарку, он к губам её подносит, а сам руку с чаркой так держит, чтобы кольцо Царевны на виду было. Увидала она это колечко, узнала Портупей Прапорщика и бросилась в ноги отцу-батюшке: "Прости меня батюшка, за то, что обманула тебя. Не Принц заморский спас меня. А вот этот Портупей Прапорщик. Неправду сказала я по принуждению, а не то бросил бы меня Принц в море на корм рыбам".

Осерчал сильно тут Царь: "Где этот Принц, подлый обманщик? Велю его на кол посадить". Поднялась тут во дворе кутерьма, забегали все, зашумели. А Принц воспользовался этой суматохой, вскочил на коня и ускакал в свое королевство заморское. Пока погоню за ним снарядили, он уже далеко был. Так и ускакал.

Свадьба с Принцем, конечно, расстроилась, но на Портупей Прапорщика Царь косо посматривает: одно дело дочку замуж отдать за Принца заморского королевских кровей, а другое дело – за прапорщика какого-то, безродного и безвестного. Совсем это царю не по душе, хотя и давал слово свое царское. А слово держать надо.

Стали новую свадьбу готовить, гостей новых скликать. А тут неожиданно весть недобрая пришла".

- Весть пришла, весть пришла...

Хр-р-р, Хр-р-р...

* * *

В детской памяти почти ничего не запечатлелось из того, что было до Алгасова: осенью сорок первого семья была вынуждена эвакуироваться, когда мне было всего три с половиной года. Поэтому самые яркие детские впечатления я получил именно там. И в последующие годы у меня всегда было желание вернуться туда хотя бы на несколько дней. Ностальгия по детству...

Дважды я приезжал в Алгасово школьником в летние каникулы и дважды уже взрослым человеком. Правда, всегда уезжал почему-то разочарованным. Время вносило в облик села и его жителей такие изменения, что я с трудом узнавал бывших соседей и товарищей, дома и улицы. "Нельзя в одну воду войти дважды". И уже через два-три дня собирался досрочно в обратный путь.

Особенно неуютно я почувствовал себя в последний приезд в начале восьмидесятых годов.

Я хотел показать жене и младшей дочери свою малую родину и посчитал, что лучшей всего это сделать на автомобиле. Тем более, что на это лето у нас было запланировано автомобильное путешествие по Золотому кольцу.

Съехав с трассы Москва-Самара, я с трудом по грунтовым, высушенным солнцем дорогам, добрался до улицы, на которой, как мне казалось, должен стоять наш дом. Но я не мог узнать ни дома, ни улицы.

У проходящей мимо женщины спросил, как найти мне улицу Октябрьскую.

- Я такой улицы не знаю, - ответила она, повергнув меня в удивление.

Я точно знал, что это должно быть где-то совсем рядом. И вдруг меня осенило:

- А где Большая дорога?

- А вот она. Мы стоим на ней.

- Подскажите, где живут Назаровы?- задал я следующий вопрос.

- Назаровы? – переспросила женщина. – Не знаю таких.

- Может быть вы знаете, где живут Силкины? – Я судорожно вспомнил местное прозвище моих родственников.

- А вот их дом, рядом.

Я огляделся и всё понял. Улица Октябрьская, которую местные до сих пор называли по старому Большой дорогой, во времена моего детства и последующих приездов была мощена отполированными десятилетиями булыжником, а теперь лишилась этого покрытия. Разбитая мощными тракторами и машинами грунтовая дорога представляла собой жалкое зрелище, напоминая своим видом скорее трассу для испытания вездеходов. Выбитые сельским транспортом в распутицу, и засохшие на жаре колеи были такими глубокими, что в

одной из них почти на боку впечатался намертво могучий трактор К-700 с колёсами в человеческий рост.

Дом Назаровых зарос кустами, которых раньше не было, и, казалось, врос в землю. И всё это было покрыто толстым слоем пыли. Женщина, которую я остановил, продолжала:

- Только у Силкиных сейчас дома никого нет. Сима на работе, а Валя играет в лото у Курицыных.

- А тётя Маня? – спросил я.

- Да она уже из дома не выходит, видит плохо. Они её закрывают на замок.

Я подъехал к дому и поставил машину на косогоре. Действительно, на двери висел замок. Я постучал в окно, и тётя Маня выглянула, узнала меня.

- Ты откуда сейчас? – спросила она.

Я объяснил.

- Ты что, пёхом пришёл? Как приехал-то? На мотоцикле? – допытывалась она.

- На машине, - отвечаю.

- А машина где?

- Вон стоит, - показал я.

Она выглянула в ту сторону.

- Да у тебя была белая, а это зелёная.

Действительно, лет десять назад я приезжал на белой. "Ну, тётя Маня, всё углядела и всё помнит. А говорят, что старая и плохо видит". Объяснил и про машину.

А тут Валя прибежала. Сельское "радио" уже сообщило ей о редких гостях.

Вечером собрались за столом. Тускло горела неровным светом лампочка без абажура под потолком. Рядом висела керосинка, и я обратил на это внимание.

- Тут у нас переменный свет, - тётя Маня показала на лампочку, - он то есть, то его нет. А тут у нас постоянный, он всегда есть, - она показала на керосиновую лампу.

По дому расхаживал, прихрамывая, уже оперившийся цыплёнок, другие цыплята копошились во дворе.

- Хроменький он у меня. Хочу костыль ему купить, - не без юмора пояснила тётя Маня.

На какой-то мой вопрос она не смогла ответить.

- Ой, я и не знаю. Мне уже девяносто годов. Я уже глухая и глупАя.

Беседуя о сельском житье-бытьё я спросил:

- Куда подевалось булыжное покрытие с Большой дороги? Такая красивая улица была...

- Строили какую-то ферму. Камень пошёл на фундамент. Председатель приказал, - пояснила Сима.

- Сельскохозяйственное производство в Алгасове рентабельное? – снова задаю вопрос.

Сима задумалась и неуверенно ответила:

- Да... Возможно. – Потом после паузы добавила, - только долгов у нас много.

Всё понятно.

На другой день, когда Сима и Валя ушли на работу, тётя Маня пожаловалась мне:

- Уйдут на работу, а постели оставят – как бирюк в них ковырялся. А я их убирай. Да ещё надо им исть приготовить. Старые хотят, чтобы их слушали. А молодые не слушают.

И противореча себе, добавила:

- А-а, старые – они колготные.

Я подарил тёте Мане красивые домашние тапочки с северным узором из меха. Она долго вертела их в руках, они явно понравились ей. Потом поставила их на этажерку и вздохнула:

- Резко нарядные. Куда мне в них ходить.

В тёмном углу, как и раньше, висели потемневшие ещё прабабушкины иконы. Тётя Маня заметила моё внимание.

- Это Николай угодник, - пояснила она. – Я хочу ещё одну повесить, она в сарае валяется у меня. Может напоследок грехи замолю А молодые теперь на другую икону молятся, - она махнула рукой в сторону телевизора.

Во второй половине дня мы сходили на кладбище.

Пластина из нержавеющей стали с именами дедушки, бабушки и их дочерей Александры и Валентины, которую я прикрепил неизвлекаемыми болтами к кресту ещё в прошлый приезд, была цела.

Сохранилась ли эта пластина сейчас, когда сдача цветного и чёрного металла стала доходным бизнесом бездомных и безденежных?

Не знаю, согласился бы дед на крест на его могиле. Пред самой смертью он, истовый толстовец, произнёс:

- Никаких попов...

На неухоженном кладбище паслись коровы. Недалеко был расположен детский сад. И дети с раннего возраста привыкают равнодушно относиться к святым и почитаемым местам.

Когда мы вернулись с кладбища, тётя Маня спросила:

- А обо мне там не спрашивали?

Наверное, чувство юмора помогает дожить до девяностолетнего возраста.

На следующее утро мы уезжали. попрощались, сели в машину. Я завёл двигатель. К открытому окну подошла тётя Маня:

- Больше не свидимся. Приезжайте хоть на похороны, - сухонькая рука её поднялась и безвольно опустилась.- Приезжайте хоронить меня.

У меня свело скулы, дорога расплылась перед глазами. Я бросил педаль сцепления, и машина резко дёрнулась. Через несколько секунд я оглянулся: поверх поднятой машиной пыли виднелась её маленькая фигура на косогоре. Прощайте...

Моя малая родина. Почему так мало счастья выпало на твою долю и так много всяческих невзгод? Мог ли я что-то сделать для неё и не сделал? Не знаю...

Так почему же чувство вины не покидает меня? Вспоминаются слова поэта:

... В том нет моей вины.
И всё же, всё же, всё же...

* * *

"Весть недобрую принёс гонец с дальних рубежей: готовит Принц заморский войско большое, чтобы войной на Царя идти – не может он ему такой обиды простить. Царь тогда даёт такой указ своему Енералу, что с войском на дальнем рубеже стоит: войско королевское разбить, а Принца взять в полон и к Царю доставить.

Через три дня другой гонец прискакал и снова весть недобрую принёс, что погибло войско царское на дальнем рубеже от мечей войска заморского. И идёт это войско с Принцем во главе к стольному городу. Тогда Царь даёт указ тому Енералу, что на среднем рубеже стоит: войско королевское разбить, а Принца взять в полон.

Через три дня третий гонец прискакал и весть опять недобрую принёс, что погибло войско царское и на среднем рубеже, а Принц со своим войском приближается к стольному городу.

Рассвирепел Царь. Енералов своих разжаловал в солдаты. Приказал готовить ему доспехи, чтоб самому навстречу Принцу с войском идти. Тут и говорит Портупей Прапорщик: "Послушай меня, Царь-батюшка. Много раз доводилось воевать мне и простым солдатом и прапорщиком. А один раз даже сотней в бою командовал, когда сотника враги в бою погубили. Позволь мне ещё раз повоевать. Не подведу я тебя и твой народ. Да и с Принцем мне по-

квитаться надобно за его подлость". "Да как это возможно, - удивился Царь. – Одному против войска сражаться. Ну коли просишь, то иди, повоюй".

Сел Портупей Прапорщик на своего коня, что дал ему Старичок-Стрючок, вложил свою волшебную саблю в ножны и поскакал навстречу войску заморскому. На полном скаку влетел в самую гущу войска вражеского, взмахнул саблей в одну сторону и всех, кто там был, положил на три версты. Потом взмахнул саблей в другую сторону и там всех положил тоже на три версты. А Прынца перепуганного скрутил, руки-ноги бечевою повязал и кинул его поперёк седла.

Вернулся Портупей прапорщик в стольный град и к Царю-батюшке на поклон. Никак не мог Царь поверить в столь скорую победу, а когда Прынца повязанного увидел, то поверил. И даже слёзы из глаз у него покатались от радости и умиления.

И говорит Царь Портупей Прапорщику: "Назначаю тебя самым главным Енералом. И ещё проси у меня что хочешь". "Прости меня Царь-батюшка, - отвечает тот, - но енеральство твоё мне без надобности. А вот дочку свою Царевну-Настю, как ты и обещал, отдай мне в жёны". "Да забирай ты её, ради Бога, - соглашается Царь. – Она мне уже все уши прожужжала про тебя, да все глазоньки свои просмотрела тебя выглядяючи. Коли любви вы друг другу, то так тому и быть".

Обрадовались Портупей Прапорщик и Царевна Настя – прапорщика счастье, поцеловались. И повёл он её под венец. Тут и сказки конец.

Свадьба была у них знатная, гостей понаехало видимо-не видимо. Вино рекой лилось, а столы от яств просто ломились. И я там был, вино и медууху пил. Что в рот попало, то не пропало, а что по усам текло, то в бороде застряло.

* * *

В Воркуте я прошёл испытание Севером, шахтой, достатком, ответственностью, отцовством, дружбой, предательством, творчеством, признанием.

Другими словами, все главные события, которые выпадают по жизни на долю человека, случились в Воркуте. И ушло на это не много не мало – тридцать с лишним лет жизни, которыми не стыдно гордиться.

Впрочем, ничего необычного. Всё как у всех.

Поэтому Воркута для меня значит не меньше, чем тамбовское село или маленький украинский городок. Это моя, и только моя оценка.

Но есть ещё один населённый пункт на земле России, который записан раз и навсегда в моём свидетельстве о рождении и в паспорте. И называется эта точка на карте – станция Лев Толстой, бывшая станция Астапово.

Вот что об этой станции сообщает всезнающий Интернет.

"Станция Астапово лежит на 521 версте от Смоленска, в Данковском уезде. Узловая станция для линий, идущих из Ельца в Москву и из Смоленска в Саратов. В образовавшемся при станции посёлке около ста домов, три мельницы, железнодорожное училище, церковь, почтово-телеграфное отделение и несколько торговых заведений.

На станции коренное депо, паровозное здание на 16 столб, мастерские для малого ремонта паровозов.

В 1911 году со станции отправлено около 14 тысяч пассажиров и 407 тысяч пудов грузов; прибыло грузов 511 тысяч пудов. В отправлении преобладал хлеб в зерне, в прибытии – лесные материалы, бакалейные товары и прочее.

Станция эта, прежде малоизвестная, стала теперь исторической. Здесь 7 ноября 1910 года в 6 часов 5 минут утра скончался великий писатель земли русской граф Лев Николаевич Толстой. Последний акт этой великой жизни окончился здесь, на станции Астапово в квартире начальника станции И.И. Озолина".

Вот на эту самую станцию в 1936 году мои родители после окончания университета и получили назначение в качестве преподавателей в железнодорожной школе. А мне ничего не оставалось, как родиться там же в апреле 1938 года. Что же я успел запомнить за три с половиной года жизни?

Хорошо помню я большую квартиру в одноэтажном трёхквартирном доме прямо на территории школы. Запомнилась мне бочка с водой под водосточной трубой, в которой почему-то вывелись головастики, и за которыми я не только с интересом наблюдал, но и пытался что-то поймать. За школой был огромный сарай, в который убирали на лето в три этажа парты, если в школе шёл ремонт. Я любил заходить в этот сарай – там можно было прятаться между партами. Там же почему-то бегали кролики, что было тоже очень интересно. Осенью вокруг школы выкопали окопы (значит, уже началась война), и я пытался, правда не очень удачно съезжать на санках с земляного вала вдоль окопов.

Запомнилась мне эвакуация. Нашу семью, а с нами жили родители мамы и её сестра Валя, вывозили почему-то военные на грузовике. Один военный, видимо заигрывая с молодыми женщинами, взял меня на руки и стал убеждать меня, что он мой отец. Я знал, что это не так, пытался от него освободиться. Кончилось это всё тем, что он папирисой, которая была у него в зубах, прижёт мне щеку. И я ревел, что было духу.

Потом мы долго ехали в кузове машины, крытой брезентом. Я смотрел на убегающий пейзаж, и мне казалось, что мы едем по кругу. Потому, что деревья, которые стояли рядом с дорогой, стремительно убегали назад. А те, что были на горизонте, стояли почти неподвижно.

Самое главное, что врезалось в мою детскую память, это паровозные гудки. Наш дом стоял недалеко от вокзала, и эти почему-то волнующие меня звуки круглые сутки сопровождали нашу жизнь.

Станция Лев Толстой и постоянные гудки паровозов стали для меня единым целым понятием – синонимом моей самой первой малой родины на всю мою жизнь.

Морозной зимней ночью в Алгасове иногда были слышны гудки паровозов – Моршанск был всего в двух десятках верст от нашего села. И я замирал, прислушиваясь: это были сигналы моей родины. И я ощущал приятной волнение, словно эти звуки долетали оттуда, от моей первой станции. Станции, от которой я отправился в путь по жизни.

- Мам, я слышу, как паровоз гудел, - радостно сообщал я, - это Лев Толстой? Да?

- Да, сынок, да.

И я был счастлив этим, потому, что слышал голос этой станции, столь дорогой для меня. Я любил смотреть картинки в книге Бориса Жидкова "Что я видел": там были рисунки паровоза, железнодорожного переезда со слагбаумом и почему-то со стайей домашних гусей. Текст этой книжки я выучил наизусть. Мне казалось, что всё это про мою станцию.

Потом на Украине любимыми местами уединения стали вокзал, железнодорожный мост. Глядя на проезжающие поезда, я мечтал о том, что у меня в жизни будет ещё много дорог, и что я обязательно ещё вернусь на свою станцию.

Дорог в жизни действительно было много. А вот поездка на станцию Лев Толстой всё откладывалась. Казалось: ещё успею.

А потом так случилось, что пришло понимание: могу и не успеть. Едва оправившись после тяжёлой операции и полугодовой химиотерапии я решил: или сейчас, или никогда.

Оказавшись по делам в Москве, я выкроил время чуть больше полутора суток на рискованную для меня поездку. После бессонной ночи на верхней полке душного, переполненного плацкартного вагона с беспокойными пассажирами, играющими всю ночь в карты, распеваящими под гитару песни и поглощающими декалитры пива, посёлок встретил меня ярким солнечным днём. Я обошёл здание знаменитого вокзала с часами, на которых стрелки девяносто восемь лет назад навсегда замерли в шесть часов пятнадцать минут утра, когда была послана депеша о смерти великого писателя.

В музее меня уже ждали. Директор, любезная Раиса Николаевна провела меня по всем комнатам музея, которые были квартирой начальника станции И.И. Озолина, и так подробно рассказала о событиях почти столетней давности, словно сама присутствовала там в то время. Я представляю, с каким бла-

говоением посещал этот музей мой дед Степан Фёдорович, когда до эвакуации жил вместе с нами на станции Лев Толстой.

Мне повезло, что, несмотря на летние каникулы, удалось встретиться с заместителем директора школы, где работали мои родители, Серафимой Фёдоровной, которая показала мне экспонаты школьного музея. На большом стенде я нашёл табличку: "Преподаватель биологии Коновалова Анна Степановна" и годы её работы в школе. Это тронуло меня до слёз.

К сожалению, фамилии отца не было. Видимо, из-за того, что он работал в этой школе очень недолго, поскольку его в 1939 году призвали в армию. Мне обещали дополнить список учителей, и для этого я выслал в школу автобиографии моих родителей, написанные ими собственноручно по моей просьбе ещё в семидесятых годах.

Наш дом на территории школы, к сожалению, не сохранился. На его месте стояла заброшенная теплица.

Затем я походил по улицам небольшого посёлка, который поразил меня идеальной чистотой и ухоженностью.

Большое впечатление произвёл на меня мемориальный комплекс в честь погибших на Великой отечественной войне, выполненный в виде стилизации кремлевской стены.

К моему удивлению в этом небольшом посёлке оказались ещё два прекрасных музея: краеведческий и картинная галерея. Конечно, я побывал и там.

К сожалению, железнодорожная станция Лев Толстой после войны утратила своё значение и не тепловозов, ни тем более паровозов я там уже не увидел. Два пассажирских вагона сообщения Москва – Лев Толстой, в одном из которых я прибыл, весь день простояли в тупике, дожидаясь отправления вечером в обратный путь.

Обратная дорога оказалась не менее трудной. Но теперь я могу сказать себе: я сделал то, о чём мечтал всю жизнь. Говоря высокопарно: я прикоснулся к истокам.

И я счастлив, что сделал это.

* * *

... Воркута, конец восьмидесятых. Внук укладывается спать.

- Дедушка, расскажи, пожалуйста, про Прапорщика, что-нибудь, - внук у нас вежливый. - И одеяло, пожалуйста, поправь мне.

... Идёт Портупей Прапорщик из века девятнадцатого в двадцатый, перешагнёт и в двадцать первый. И вместе с ним протягивается тонкая связующая нить от прежних поколений к тем поколениям, которые придут после нас.

Только не порвалась бы эта ниточка, только не порвалась бы...

И в свой последний час я соберу последние силы и, напутствуя и прощаясь с уходящим вдаль времени моим сказочным героем из Алгасова и со всеми теми, кто вместе с ним остаётся на этой земле, я помашу им вот так рукой – из стороны в сторону, из стороны в сторону...

Всё...

Николай ГЕРАСИМОВ

НОВЫЙ СЕЗОН

Снова в поле...

Рюкзак, молоток
Да выдавшая виды штормовка,
Карта, компас, палатка, лоток,
Спальник, старенькая винтовка.

Два рабочих, студентка, горняк,
Вездехода простуженный рокот.
Шкура снежника, цепкий ивняк,
Ручейка безымянного шепот.

Позывные «Сова-сорок пять» -
Как круги по воде – по эфиру.
Серебриста озерная гладь,
Обжигающая кружка чифира.

День полярный. Начало пути.
Стынет в дреме палаточный город.
Надо в эти просторы враспи
И обжить эти мрачные горы.

Пусть дождями клубится восток,
Пусть с тушенки – икота,
Пусть – ни писем, ни песен, ни строк...
Что напишешь – такая работа.

Тянет лето свой лагерный воз.
Все причудливей сетка маршрутов.
И курума седой паровоз
Ухнет вслед, опоздав на минуту.

Хочу до звезды дотянуться. Познать
Паденья и взлеты, испить без остатка
Судьбы своей чашу и жизнь разменять,
Как медный пятак, на друзей без оглядки.

В скитаньях, распутьях, удачах, грехах
Жар замыслов не растратить на крохи.
Хочу сохранить мое время в стихах
И сердце растратить на ритмы эпохи.

Что слава? Кривая ухмылка творца!
Хочу, чтоб пылали рассветы в полнеба,
Чтоб путь озаряла надежды свеча,
Чтоб помнился запах домашнего хлеба.

Обычаи дальних сторон переняв,
Их азбуки темные вымучив,
Хочу, как подружку, Россию обнять
И зубок ее выучить!

Любовь ГАЛОЯН

ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА (рассказ)

Место, где родился, всегда тянет к себе человека какими-то незримыми нитями. Впрочем, не всякого человека. Вот, например, моя сестра, приезжая из Питера в наш родной поселок в Кировской области, всегда сокрушается по поводу грязных после дождя улиц, заброшенности и разрухи, бытовой неустроенности домов и т.д. А меня буквально все радует: и чистый, настоящий на аромате сосновой хвои воздух, и покосившиеся избушки, и тенистые тропки леса прямо за огородом. А люди?! Какое удовольствие - разговаривать с пожилыми сельчанками, слышать родной вятский окающий говорок, раскланиваться с каждой попавшейся навстречу старушкой.

- Ведь ты же ее не знаешь, - удивляется сестра.

- Какое это имеет значение. Я ее уважаю, она - частица моей родной земли, - отвечаю я.

Моя общительность, да и профессиональное любопытство журналиста познакомили меня нынешним летом с удивительной женщиной, живым символом эпохи - Евдокией Никаноровной Ямщиковой. Ее повествование о своей

жизни, которое я, затаив дыхание слушала, сидя вместе с ней в один из тихих августовских вечеров на скамеечке, возле ее небольшой избушки, и послужило поводом для написания этого рассказа.

Нынешнее лето было с частыми грозами, ветрами и ливнями. Погода не радовала даже в августе. Никаноровна проснулась чуть за полночь.

- Не зря с вечера ломило суставы, - вздыхала старушка, - вон на дворе непогодь какая!

Ночь за окном неистовствовала: казалось, ливень смывает ее утлую избушку. Молнии освещали старые стены ее комнатухи, а гром, казалось, вот-вот разломит жилище пополам. Евдокия, крестясь, шептала:

- Господи, спаси! Господи, отведи беду от меня!

В какой-то момент гроза чуть стихла, но новый раскат грома, а следом за ним – треск и страшный удар повергли хозяйку в ужас. Домик содрогнулся, затрещали старые доски. Евдокия вскочила с кровати, забыв одеться, бросилась на крыльцо, а с него – к калитке. Из трещины ствола огромного тополя шел дым, а верхушка дерева, перекинувшись через крышу, лежала на земле. К изумлению Никаноровны, домишко выдержал эту махину, лишь в крыше зиял пролом от тяжести сломленного грозой великана... Спасло ее от смерти, а дом – от разрушения то, что основная масса ствола пришлась на скат крыши, а также крепость и прочность бревен.

Евдокия, крестясь, бросилась было к соседям, но, вспомнив, что не оделась, без сил опустилась на скамейку под окном, не замечая ночной прохлады. Ее худенькие плечи тряслись от плача. Эта грозовая ночь отняла у нее самое дорогое – родной очаг, воспоминания о муже, о детях, все то, что еще связывало ее с жизнью.

...Красавица, певунья и плясунья Дуся рано осталась сиротой. Маму убили цыгане из заезжего табора, отца она не помнила. Ей было два года, когда он, по рассказам бабушки, уехал в город на заработки и там сгинул. Красотой да талантом Бог наградил ее от природы, бабушка по отцовской линии была цыганских кровей. Заезжие городские парни на посиделках выделяли ее среди сверстниц. Ей же приглянулся один из них – русоволосый и голубоглазый Иван. Он изредка приезжал на праздники из Вятки к родному дяде. Отец его в городе был известным купцом. Понимала, что не ровня она ему – бедная и с четырьмя классами образования – но ведь сердцу не прикажешь. Иван сам ускорил события. Против воли родителей заслал сватов к бабушке Дуси. Баба Груня недолго думала, дала согласие. О такой доле для своей сиротки она и не мечтала. Хоть девке еще не было и 17 лет, но уж больно Иван обходительный, красивый и разговорчивый. А что родители его не благословили – так Бог им судья...

Ох и счастливы же были Ваня и Дуся! Не могли наглядеться друг на друга. Жить они стали у Дусиной бабушки в зимнем приделе (половине) избы. Через год родился первенец Василек. Ваня устроился на работу в кузницу. Жизнь налаживалась. Война перечеркнула счастье Евдокии.

Прощаясь на станции у вагона, Иван обнимал плачущую беременную жену и шептал: «Береги себя, я скоро вернусь!» Двойняшки Катя и Тоня родились через десять дней после начала войны. Как вынесла Дуся это лихое голодное время с тремя детьми на руках – одному Богу известно. Спасибо бабушке Груне, хоть и старая и глухая она, а за младенцами присматривала, пока Дуся работала в огороде да шила на продажу юбки и кофты. А в основном спасли их от голода две козочки, на которых молодая мама не могла надыхаться и ухаживала за ними не хуже, чем за младенцами.

От Вани с фронта приходили редкие письма-треугольники. А через год он вернулся на костылях, без правой ноги, весь израненный. Две пули сидели у него в голове. Оттого часто ночью он просыпался и стонал от боли. Прожил всего полгода. Родители его приехали из Вятки на похороны, просили у Дуси прощения. Евдокия в те дни – как окаменела. Но дети вернули ее из забытья. Нужно было жить. Василек рос болезненным, а с девочками хлопот было меньше. Они почти не болели. Время шло, дети росли. Бабушка Груня умерла.

В один из жарких июльских дней загорелась трава у соседей на сеновале. Огонь перекинулся на их избу. В одночасье сгорела и она. Дома их не было. Дети были на речке, Евдокия убиралась в конторе леспромхоза, где работала уборщицей.

Первое время ютились в бане, потом на время их приняла дальняя родственница Груни. Контора выделила вдове солдата помощь деньгами и бревнами. Стали с сыном да с помощью соседей строить маленький домик. Через полтора года он уже стоял – ладный, аккуратный, как игрушечный. Маленький, да все же свой угол. И тут – новая беда: заболел Василек. Повезла Дуся его в город. Врачи поставили диагноз: лейкемия. Проживет, сказали, года два, не больше. Хороший уход помог сыночку прожить 4 года. Умер он тихо, незаметно угас. Ему не было и 16 лет.

Уже мало кто узнавал в Дусе прежнюю певунью-красавицу. Она высохла, почернела от горя. Девочки росли умными, учились хорошо..

После более чем десяти лет вдовства Евдокия решила было на второе замужество, но, узнав поближе настойчивого Николая, отказалась от искушения судьбы. Односельчанин любил прикладываться к рюмке. «Вовремя Бог отвел», - не раз потом вспоминала она, видя его праздно шатающим, навеселе, по поселку.

Так и пролетела жизнь. Девочки выучились, вышли замуж и уехали – одна в Киров, другая – в Нижний Новгород. Приезжают летом, зовут к себе жить. Да

разве поедет Дуся от родного дома, от могил мужа, сына, бабушки куда-то в шумный город?!

...Евдокия очнулась от дум. Почувствовала прохладу летней ночи. Дождь прошел. Было тихо, трава пахла пряно и сладко. Увидев вывернутые корни тополя, почувствовала, будто изнутри у нее вместе с ними вынули душу...

...Глава поселка выделил Евдокии комнатку в доме барачного типа, с отоплением, с колодцем во дворе. Сотрудники администрации помогли перевезти ее нехитрый скарб в новое жилище. Но сердце Евдокии осталось здесь, у этого домика и палисадника. И, пока я жила в поселке, каждый день, проходя мимо ее избушки, видела Евдокию Никаноровну или работающей на грядках, или сидящей на скамеечке, на фоне домика, придавленного тополем. Дерево так и не убрали.

- Обещали увезти, да все собираются, - говорила мне она. – Да я уже с ним смирилась. Слава Богу, что и дом оставил, и меня уберег от смерти. Знать, еще не пришла моя пора, хоть уже скоро стукнет мне восемьдесят шесть годочков. А ты, девка, приезжай к нам, не забывай родину, здесь твои корни.

Олег ЧУПРОВ

* * *

На предназначенной орбите
Выдерживай любой удар!
И на судьбу не будь в обиде –
Всё принимай,
Как Божий дар.

Ведь, если ты рождён поэтом,
Твоё призвание во мгле –
Достать до неба, но при этом
Стоять надёжно на земле.

Не мельтешить, не суетиться.
С достоинством
свой крест нести!
И, наконец, с природой слиться,
Покой желанный обрести...

ОКНО

В избе мерцает ночничок,
Звенит за печкою сверчок.
И словно на экране,
В тумане ветреный рассвет,
Куст бузины и бересклет,
Стога – на заднем плане.

И сквозь окошко, где видна
Навеки русская страна,
Я различаю вскоре,
Как в зыбком мареве, вдали
Проходит Пушкин с Натали
К моей родной Печоре...

* * *

В мельтешении меленьком
Я ещё не зачах!
Я с берёзовым веником,
Словно Русью пропах!
Пригубив полной мерою
Бренной чаши настой,
В баньку чёрную верую,
В рябь речушки простой!

На душе моей тягостно...
Пышный храм –
Словно срам,
Если иродам благостно
Встать со свечкою там!
Прохожу я деревнею,
Не на звёзды гляжу,
А с надеждою древнею
Снова в реку вхожу.

Упокой меня, бедного,
Или снова роди!
Только крестика медного
Не снимаю с груди...

ВОСТОЧНАЯ ДОРОГА (рассказ)

Вот и снова пришла желанная летняя пора, когда все вокруг цветет-благоухает. Вдоль лесной полосы появились красногловики и маслята. А на болоте и в еловом лесу созрела морошка, да и черника тоже поспела. Когда видишь, что на городских улицах идет бойкая торговля этими лесными дарами, становится так завидно оттого, что кто-то уже успел раньше всех побывать в лесу и набрать ягод. Глядя на эти горки ягод в ведерках, так и хочется взять их полной горстью и насладиться необыкновенным вкусом морошки и сладостью спелой черники.

Всплывают в памяти походы в лес, что рядом с моим селом. Городские приятели то и дело спрашивают, был ли в Чернамском бору у Палевец, вдобавляя ли насобирал всего, что выросло в его угодьях. Но от Ивадора до Чернама ведь неблизко. Туда еще топтать и топтать. А наш-то лес совсем не хуже, тоже богатый, все там растет. От Ивадора до нашего леса можно пройти и по Восточной дороге и по Западной. Западная короче. Она ведет на север, через болотистый лес и выходит к речному берегу. Хотя, по правде сказать, реки на самом деле никакой и нет. Раскинулось в низине что-то вроде широкой болотины. Оттуда и начинается лесной ручей, зигзагами гуляющий то туда, то сюда – его у нас и называют рекой. Летом он усыхает до луж. Но весной он, действительно, похож на настоящую реку, через которую с трудом можно перебраться. А за рекой дорога ведет вверх и через километр-другой подобно ускользящей змейке куда-то совсем исчезает. По этой Западной дороге деревенские больше всего и ходят за брусникой и черникой. В добрый год ягод там бывает полным-полно. Даже городские и эжвинцы, которые, не зная этих мест, больше любят собирать ягоды вдоль лесной полосы, все же невольно заглядывают в этот лес за рекой.

А я всегда по Восточной тропе любил ходить. Там около леса, немного правее и выше от дороги, раскинулось Степаново поле, уже взявшееся ивняком да подростшими елочками. Оне-Степан, шустрый ивандорский крестьянин, когда-то давно отвоевал у леса это поле и стал сеять там рожь. Его уже давно нет в живых, а имя осталось, закрепилось за этим местом. Там селяне заготавливают мох для строительства, собирают ягоды и грибы для засолки. Чужой это место вряд ли найдет, только своим деревенским оно и известно.

Дальше дорога поднимается на холм, который называют Сидоровым. Здесь, в небольшом лесочке, обычно водятся красногловики, маслята и даже

белые грибы. У коми белые называют «дона», то есть «дорогие», «ценные». А склоны холма все усыпаны гроздьями брусники и голубики.

Кто знает, кем был этот Сидор – знатным лесником или, может быть, рыбаком? Может, от него и пошли все Сидоровы в окрестностях Палевиц?

За Сидоровым холмом восточная тропа постепенно спускается все ниже и теряется в густых зарослях ельника, что разросся на болотистом месте. Как будто хочется ей убежать и спрятаться где-то подальше от людских глаз. В сухую погоду легко шагается по этой дороге. А в дождливую на тропе образуются лужи, и приходится обходить их краем, без конца запинаясь о старые пни, кочки да корни деревьев. И до усталости бредешь по бесконечному лесу. Но уже не такой трудной кажется эта дорога на обратном пути домой. И все же – идешь и думаешь, будет ли ей когда-нибудь конец, или повела тропа тебя совсем в другую сторону. Но вот уже и поредел лес, а это значит, что скоро он закончится.

После того, как пройдешь километра три по восточной тропе, на пути встречается лесная речка. На её берегах раскинулись богатые брусничкой и черничкой места. В иные годы на небольшой полянке можно было набрать руками без комбайна полное ведро ягод. Вот и бываешь доволен, что не зря забрел в такую глухую даль.

Переправившись через речку, поражаешься видом нового леса. Совсем другой он здесь. Только что шел по тропинке, вьющейся меж маленьких елочек и сосенок. А тут деревья вытянулись ввысь, до небес. Они становятся все более раскидистыми и высокими. Как красивы их кроны! Любуешься и не замечаешь, как легко и быстро добираешься до «Падей-гумыльк» холма. Так называется это красивое место, – никто не знает, почему. «Гу» по коми означает яму, пещеру, но и могилу тоже. Кто такой был этот Падей? Но, наверное, жил здесь такой когда-то, коли, его именем назвали этот небольшой, но очень симпатичный лесок. В его восточной части, и вправду, есть пещера. Наверное, зачем-то Падей вырыл ее? Может, во время охоты устроил себе временное жильё. Не зря он выбрал такое красивое и богатое дарами леса место. Сколько раз здесь я белые грибы собирал! Если пройти чуть дальше, там и для засолки можно найти.

Много здесь растет ягод: черники, брусники, голубики. Как-то, давно, столько здесь голубики уродилось, что все кусты были усыпаны ягодами, будто кто покрасил кусты в голубой цвет. Собирал я тогда лесной урожай не по яголке, а прямо «доил» их в корзину. Рассказал об этом богатом месте деревенским женщинам. Они потом меня так благодарили! А за что благодарить меня, не я ягодник сажал и выращивал, сам лес подарил людям свое богатство.

Сразу за «Падей-гумыльк» холмом восточная дорога раздваивается. Одна из тропинок идет прямо на север и вскоре совсем исчезает. Я всегда ходил дальше того места, где кончалась тропа, и по просеке добирался до Половинкиного болота. Это огромное болото лежит прямо в сердце чащобы. Туда все ходят собирать клюкву – и палевицкие и из Студенца. А лесное зверье ходят сюда на водопой. Много натоптали своих дорожек лоси.

Другая ветка восточной дороги через несколько километров подходит к Березовому ручью. Когда-то здесь бушевал большой пожар. Сильно тогда пострадал лес. На пожарище позже и разросся березняк. Видно, поэтому ручей так и нарекли – Березовым. В этом лесу всегда можно было вдоволь набрать путников, волнушек, груздей.

За грибами приводил я сюда и нашего известного коми поэта Александра Некрасова. Собрали мы тогда их прилично. А на обратном пути вышли к Ервась-дороге и по эту сторону реки набрали на целую поляну желтых груздей. Как будто капустные кочаны сидели на болотном мху и словно приветствовали нас.

- Как их не собрать? – восхищённо спрашивал Александр.

- А класть куда? – тоже недоумевал я.

Свободного места уже в корзинах не было. Пришлось отложить в сторону менее ценные грибы, чтобы не оставлять этих красавцев-груздей. Что тут делаешь? Ведь грузди куда как лучше других грибов-«солонушек».

А однажды такое приключилось на восточной дороге, что по сей день не забыть. Хорошо, что все окончилось благополучно.

Мы с женой пришли к «Падей-гумыльк» месту. Стоял густой туман, как бывает по утрам в сыром лесу. Как-то невесело было от этого у меня на душе. Будто лес затаился в угрозе, и жди от него, чего-нибудь каверзного. Свою супругу попросил:

- Ты постой на дороге, пока я посмотрю вокруг, что и где можно пособирать, никуда не уходи.

- Хорошо, - сказала она, - может, и туман за это время разойдется.

Ненадолго и отлучился. Вышел снова на дорогу, а жены нигде нет. Сердце ёкнуло.

- Э-ге-гей! – кричу, - Куда пропала?

Побежал вниз по холму. Может, она решила уйти обратно домой? Дошел до реки, нет никого. Решил снова вернуться на прежнее место. Вряд ли жена после такой дальней дороги стала бы с пустыми руками возвращаться домой.

Побежал к «Падей-гумыльк» холму, на развилку восточной дороги. На какую из троп она могла уйти? Стал громко кричать, звать жену. Все глухо. В тумане голос тонет, как в вате. Прошел по одной тропке. Потом вернулся на другую. Так и бегал до седьмого пота по лесу. Неужели вправду пропала со-

всем, и не смогу найти ее. Ведь жена этого леса совсем не знает, а так можно легко заблудиться.

Наконец, увидел её. Стоит горемычная посередине дороги. Конечно, отругал ее от души – как же можно так легкомысленно вести себя в чужом лесу. Ведь недолго и сгинуть совсем...

Ну, а брусники тогда возле просеки мы вдоволь набрали.

За Березовым ручьем восточная дорога совсем не видна под ногами. Она виляет то в одну, то в другую сторону и приводит прямо к груде больших камней. Как они сюда попали, откуда? Кто знает. Ну, а лес продолжает удивлять своей несказанной красотой. В прежние времена за Березовым ручьем велись интенсивные лесозаготовки, а теперь молодая поросль превратилась в красивые, стоящие как свечи, стройные сосны. Как раз на местах бывших лесозаготовок и есть богатые брусничные места. Не единожды бывал я здесь. И каждый раз особое волнение охватывает душу в этом лесу. Сколько раз приводил сюда деревенских женщин за ягодой, да и знакомых из города тоже.

Не забыть, как в лесу за Березовым ручьем были мы однажды с друзьями из редакции газеты – Александром Лыкуровым, Серафимом Пыстиним и Александром Гановым. День выдался пасмурный. Но дождя не было. От золотых сосновых стволов шло такое сияние, что казалось, будто весь воздух пронизан солнечным светом. Брусники все набрали, сколько хотели. Лишь одного побаивался – не потерять бы еле видимую тропу. Но тревожился напрасно. Когда решил поискать ее, оставив друзей с полными корзинами дожидаться на месте, сразу и обнаружил еле различимую тропку. Совсем рядом была. В сторону от нее, оказывается, далеко и не отходили. Так, почти на одном месте собрали столько ягод – донести бы до дома.

Как-то водил еще гостей из города по своей излюбленной восточной дороге за Березовый ручей. Группа была довольно большая. И все собрали полные корзины ягод. А когда возвращались домой, набрали на такой богатый ягодник, что собственным глазам не поверили. Хоть плачь – некуда уже собирать, свободной тары нет, вся полным-полнешенька. Полакомились вволю вкуснящей брусникой и потопали к дому. А парма вслед нам улыбалась, довольная своим богатством и щедростью:

– Пожалуйста, - будто говорила она нам тихо, - приходите еще, всех ода-ро и красотой своей и ягодой.

Когда попадаю в свой любимый лес, вспоминается далекое детство, всей семьей тогда ходили за брусникой, а потом засыпали ее в кадки. На всю долгую зиму хватало этого вкусного лакомства. А какой брусничный кисель варили, когда наша корова стояла перед отелом, и не было молока на столе. Тогда этот кисель из брусники казался самым-самым вкусным на свете питьём.

По восточной дороге уходят в лес и лесозаготовители и охотники. Но я не из их числа, и ничего на этот счет говорить не буду, да и не хочу. Хочется лишь одного, чтобы лес жил своей жизнью и жили в нем всегда звери и птицы, а на полянах в положенный срок расцветал бы разноцветный ковер из спелых ягод.

Вот так, каждый раз, как закончится лето, и ляжет первый снег, произвольно задумываешься, а удастся ли вновь пройти по моей восточной дороге, побывать на Сидоровом холме, дойти снова до «Падей-гумыльк» холма, до камней за Березовым ручьем. Ведь это они и дарят мне силы и здоровье, надежду и веру в будущее. Каждый раз, как будто рождаюсь снова, лишь бываю в родных местах. И так хочется мне еще много-много раз побывать на восточной дороге и полной грудью без конца вдыхать аромат леса, запахи деревьев, ягод, трав, болота, насладиться пейзажными красотами родной северной природы, журчанием ручьев, пением птиц, порадоваться приветливым поклонам березок и нежному шороху их листьев...

Перевод с коми Галины Марковой, Андрея Канева

Александр КЛЕЙН

* * *

Кого ни вспомню, - нет давно,
О ком ни спросят, - нет.
Пастеризованный
 в окно струится лунный свет.
В его бесцветном молоке
Кусает холод злой,
И вокруг меня на потолке
 танцует хор теней.
Но он в движениях не согрет,
Они едва видны,
Их искажает мёртвый цвет
 безжизненной луны.
И я среди них, луны бледней,
Изломанный такой,
Лишь тень одной из тех теней,
Что пляшут надо мной.

* * *

Обед готов...
На стул наткнулся.
Упёрся в стол. Пошарил –
Что ж, на месте – ложка, даже – нож...
И встrepенулся:
Аромат –
Тут рядышком тарелка супа...
Поблизости в тот час нащупал,
Конечно, хлеб, - и очень рад:
Ведь я же слеп.
В рот попаду, пожалуй, без труда.
Другая мучает беда –
Огромная, трагедии под стать, -
Я не могу читать!..
Не помогают ни очки, ни лупы,
ни операции...
Невольно станешь глупым
Без чтения священного огня,
Что с детства грел и окрылял меня.
В нём – осознание и радость бытия,
Весь божий мир и вся душа моя.
Теперь она, не дожидаясь тела,
В небытие без крыльев отлетела.
Погасло пламя... Будь, что суждено.
Светла лишь память. Прочее – темно...

Алексей КАРПОВ

* * *

Эх, какое тогда было время:
Степи, тройки и ямщики,
И наездники – гордое племя –
По дорогам скакали – легки.

Колокольчик звенел на просторе
Под цветистою, яркой дугой,
И в степи неоглядной, как море,
Пел, довольный, ямщик молодой.

Всадник мчался, подобно герою,
По дорогам полей и лесов,
И упругой упрямой волною
Ветер пышных касался усов.

И дышалось легко и привольно:
Воздух хмелем приятно пьянил
И алмазной волною неволью,
В час раздумий, в пути веселил.

Эх, какое тогда было время:
Степи, тройки и ямщики,
И наездники – гордое племя –
По дорогам скакали – легки.

* * *

От времени неясного больная,
Живущая, как будто, в полусне,
И в думе невесёлой пребывая,
Деревня вдруг очнулась по весне.

Ушли ручьями зимние сугробы,
Которые заглядывали в дом
Без всякого желанья, без злобы –
Они горой лежали под окном.

Взглянуло солнце в старенькие окна.
Паля, подсохли мокрые следы
На избях, что оттаяли и взмокли
И чёрными казались от воды.

И лужи у домов обозначались,
Зеркальною блистая чистотой:
В них тополя таинственно качались,
Наполненные шумной добротой.

Всё оживало под лучами солнца,
Во всём весны наметились следы.
Вот и ведра заржавленное донце

Нагрелось, что стояло без воды.

Лишь нет в деревне признаков былого,
Как будто, сон всюю ещё царит...
Когда больному трудно выдать слово,
Сама болезнь о многом говорит.

ДЕРЕВЬЯ

Кругом звенит голубизна –
Ни тучки на небе высоком.
Как будто, в мире новизна
Вдруг появилась ненароком.

Стоят деревья в тишине,
И лист живой не шелохнётся.
Но и в дневном невольном сне
Их жизнь невидимая бьётся.

Им хорошо стоять в тиши,
Пока их ветер не ломает.
Они на диво хороши –
И мир зелёный это знает...

И вот пустая суета,
Что с шумом мимо пролетает,
Порой бывает так густа,
Что и деревья задевает.

А научиться б в жизни нам
Иметь присутствие покоя,
Тогда и наш душевный храм
В благой тиши не знал бы сбоя...

СЕРДЦЕ СЖИМАЛОСЬ ОТ БОЛИ...

(повесть)

Папка, папка, любимый папка!

Сердце сжимается от боли. Ты ушел, а мы остались... Нам жить на этой грешной земле, а ты уже где-то там - в заоблачной выси, до которой не дотянуться рукой, не долететь на самом современном самолете.

Много я уже передумал после твоей смерти. Вспомнил каждую минутку, каждое мгновение, когда ты был с нами вместе...

Самое первое воспоминание из раннего - раннего детства - относится к строительству нашего дома. Мама говорит, что я этого никак не могу помнить, мне было от силы около двух лет. Но я помню тебя - молодого, веселого, сильного, в клетчатой серой кепочке, сдвинутой на лоб, с простым карандашом за ухом и остро заточенным топором в натруженных, мускулистых руках. Помню, как ты обтесывал толстые бревна, как ползал по верхотуре.

Смолистый сруб с ворохом золотистых стружек стоял на краю деревни, на поляне перед оврагом, рядом с местом нашего будущего дома. Бревна поднимались одно за другим. Дом помогали строить твои родные братья - дядя Макар, дядя Ваня, дядя Миша. И еще наши будущие соседи - дядя Матвей и дядя Ваня Малышевы. Деревня у нас дружная: все дела вершили сообща, не говоря уже о таких важных, как строительство дома. Все твои братья и сестры уже построились, только мы, да еще дядя Миша оставались жить в родительском доме вместе с бабушкой Пелагеей. Деда Максима я уже не застал, он умер от голода до того, как я родился.

БАУШКА ПЕЛАГЕЯ

Что за чудо - наша баушка (мы так её и называли) Пелагея. Я ее вспоминаю, как самого дорогого и доброго человека. Уже давно из памяти стерлись черты ее лица, осталось одна доброта, что-то большое и светлое. А между тем она была сухонькой, маленькой старушкой. Всегда в простом платочке, туго повязанном на голове, так что видно одно лицо, в длинном сарафане до пят, постоянно в работе. До самых последних дней она трудилась, не покладая рук, да и как было иначе поднять и прокормить такую большую семью. Пусть пять детей умерло до трех лет, но остальные-то восемь, слава Богу, выжили. К моему рождению уже все обзавелись семьями, нарожали детей. И ведь хватало при этом у баушки времени еще и на молитву. Это я к тому, что сейчас многие говорят, что у них времени нет молиться... Помню, как она еже-

дневно вставала перед образами на долгое вечернее правило. Утреннее то я никак не мог видеть, потому что в это время еще спал. А в деревне вставать надо рано, чтобы убраться скотину, подоить коров, сварить обед. И все эти обязанности ложатся на женские плечи.

Баушка варила все в печи. С раннего утра топила ее, еще с вечера уложив для просушки в большое каменное нутро березовые поленья, ставила туда кучу чугунков: для скотины и для семьи. Я любовался, как она, такая хрупкая и маленькая ловко орудует ухватами, отправляет в горящую печь чугунки - большие и маленькие - штук семь-восемь, а потом вытаскивает их обратно на шесток. У баушки был даже собственный молитвенный уголок, непосредственно рядом с кухней, чтобы никому не мешать. А в субботу и воскресенье, и в праздничные дни она вместе с другими старухами отправлялась в нашу деревенскую молельню.

Несколько раз я приходил туда с мамой. Это был простой дом, только внутри все стены увешаны иконами. Молящихся набивалось до отказа, так что трудно было положить поклон. А старушки не только кланялись, но и часто вставали на колени. В молельной было душно, и не только от человеческих тел, но и от горящих во множестве свечей и лампад. Конечно, выдержать эту многочасовую муку никто из детей не мог, да нас никто особо и не заставлял. Хочешь - стой, хочешь - иди на улицу гулять.

В баушкином доме я находился даже чаще, чем в родительском. У нее и сад больше, и пасека с медом. Залезем, бывало, на печь вместе со своими двоюродными братьями и сестрами, и сидим там по несколько часов, слушаем баушкины рассказы. Рассказчица она была удивительная, знала много всяких небылиц и бывальщин. Баушка напечет нам каких-нибудь пирогов или блинов с медом. Мы кушаем, да слушаем, - так хорошо сидеть на баушкиной печке, что слезать не хочется. Особенно зимой. А она что-то делает по хозяйству - или вяжет, или шьет, мы только ее голос и слышим. Он добрым ласковым ручейком журчит из темноты.

НА МАСЛЕННИЦУ

Помню праздники: Масленицу, Пасху, Рождество. Ох, и весело мы их справляли! На Масленицу постоянно жгли большой костер, наряжались во все новое, делали большие качели на старом току. Бабушка варила вкусное сусло, и давала нам по несколько глотков. Взрослые ходили, друг к другу в гости, и мы с ними. Дарили подарки - родители родителям, а дети детям. Смех, веселье, шутки, песни. Пели под гармошку. Гармонистов на деревне хоть и много, но в праздниках участвовали только лучшие. Самый виртуозный дядя Ваня Семиков. Ох, и умел он завести людей! Гармошка в его руках плакала и смея-

лась... Отец, как было, напьется, так сразу же пускается в присядку. И не только он, все мужики так плясали, кто кого перепляшет. У отца эта манера веселиться осталась на всю жизнь, даже когда он давно уже был городским жителем. Иначе он никак и не мог. Нам (детям) было смешно, когда уже, будучи молодыми людьми, мы устраивали в родительском доме вечеринки, танцевали быстрые танцы под современную музыку... А отец без руки прыгал между нами в присядку, на каждый присест разводя в сторону единственной рукой.

Папка - простой, добрый, бесхитростный мужик, готовый всем прийти на помощь. Однажды он снял с себя последние кальсоны и отдал своему брату - дяде Ване. У того вообще ничего не было, семья большая, детей много, последние штаны изодрались. Этот случай, потом в деревне долго вспоминали, как анекдот...

В советское время все жили бедно, работали за трудодни. Как говорили "за палочки". За каждый рабочий день против фамилии в таблице бригадир ставил палочку. Потом за эти палочки колхоз рассчитывался с крестьянами зерном. Палочка - килограмм зерна.

Отец хоть и был добрым безобидным человеком, на котором можно было "пахать, не слезая с шеи", но с обостренным чувством собственного достоинства. Кроме того, обладал медвежьей силой и всех наших рыбновских мужиков клал на лопатки, когда они боролись и выясняли кто сильнее.

Однажды председатель колхоза пришел к нам в гости. Отец в это время трудился трактористом. Понятно, что вся его работа зависела от председателя. Тот мог дать новый трактор, мог не давать, мог послать на хорошее поле, мог на плохое, мог выписать премию или наказать штрафом. Отец принял председателя по-людски, попросил маму накрыть стол. Вначале выпили по одной, потом по другой. И вот председатель, а он был такой лощеный жеребец, выше нашего отца на целую голову, ни одной женщины в колхозе не пропустил, - решил приударить за мамой. Мама отцу никогда в жизни не изменяла, и такая выходка председателя ее сильно обидела. Не знаю, как уж отец заметил ухаживания председателя, но когда они вышли покурить на крыльцо, сделал ему замечание. "Что ж ты, свинья, делаешь, я ж к тебе со всей душой, а ты...?" Тому не понравилось такое замечание, и он, будучи уже в приличном подпитии со всей силы ударил отца по лицу.

Папка не ожидал такого поворота событий. "Да разве так бьют" - спокойно сказал он, словно ничего не произошло, и, не выпуская изо рта папиросы, со всего размаху вклепил незадачливому ухажеру крепкую оплеуху, так что тот кубарем полетел с высокого крыльца. А в председателе было почти два метра роста, такая деревенская каланча, да и весу - в два раза больше, чем в моем отце. Началась настоящая драка. На помощь босу подоспел его заместитель, а на помощь папке мамка. Мои родители дрались, как львы, и испазгали обоих

начальников до крови, не оставив живого места. Все их рубашки были разорваны в клочья, лица в царапинах. Я увидел этих ободранных петухов, когда они уже у нашей соседки тетки Сины отмывались от крови в огороде. А вот мой двоюродный брат Колька всю эту потасовку застал с самого начала. Он пришел к нам в гости в тот самый момент, когда она только начиналась, и потом в ярких красках рассказывал нам с братом об этом побоище, изображая всех «героев» в лицах. Колька прекрасный рассказчик. Может так рассказать, что от смеха катаешься по земле. Мы с братом смеялись несколько дней, прося Кольку снова пересказывать эту историю. Гордость за родителей распирала наши души. О случае вскоре стало известно во всей округе. Что для председателя стало большим позором. Он долго ходил сам не свой, опустив голову. Так наша семья попала в немилость к колхозному начальству.

Самое грустное в этой истории было то, что тогда помощником у председателя был мамкин брат - дядя Вася. Ему бы за свою сестру и за ее мужа заступиться, а не за своего начальника, но шкурные интересы перевесили родственные чувства.

МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Председательский сынок Вовка учился со мной в одном классе. Он был таким же надменным прощелыгой, как и его отец. К тому же с первого класса мы оба влюбились в одноклассницу – Лидку Масленникову - дочку нашего учителя Андрея Ивановича. Еще и поэтому я ненавидел Вовку лютой ненавистью. Несколько раз мы схватывались с ним на переменах. Конечно, я его бил, потому что был гораздо сильнее, да и учился я лучше. Вместе с Лидой мы, пожалуй, одни из класса были круглыми отличниками. Но это не давало мне никакого шанса, тем более что они с Вовкой жили в одной деревне, дружили с детства. Даже дома у них стояли рядом, и, конечно, в школе они постоянно общались между собой, как близкие друзья. И, похоже, не только друзья, что меня злило больше всего. Я видел, как Вовка на переменах заигрывает с моей тайной страстью, а она отвечает ему ужимками и улыбками. Страшная ревность разрывала меня на куски. А уж когда он, взяв Лидку за ручку, провожал ее домой, я мрачнел, как туча, и готов был свернуть своему сопернику шею.

В отличие от него, я только мог вздыхать по своей возлюбленной, боясь к ней приблизиться на пушечный выстрел. С детства я рос очень скромным и считал себя страшно некрасивым. А Лидка была как из сказки Алёнушка – совершенно невероятной красоты. Никому о своих чувствах я тогда не говорил. Все переживал в себе и посвящал моей тайной возлюбленной нежные стихи, которые начал писать в первого класса.

А вот ее отец - Андрей Иванович Масленников - мое отношение к своей дочери прекрасно видел. Он оставлял нас после уроков, якобы для того, чтобы мы вместе рисовали школьную стенгазету, и тем самым давал мне шанс пообщаться в непринужденной обстановке с моей богиней. Андрей Иванович питал ко мне настоящие отцовские чувства, и в тайне, наверное, мечтал о таком зяте. Часто после уроков он разговаривал со мной по душам, что мне тогда казалось естественным. Я думал, что все учителя такие хорошие, но потом убедился, что далеко не все. Мне пришлось сменить не одну школу, и, спустя годы, я понял, что лучше моего первого учителя никого больше нет. Он был педагог от Бога, учил еще моих родителей. Пользовался непререкаемым авторитетом и уважением во всей округе. Все от мала до велика его любили и боготворили. К тому же и внешне он был необыкновенно красив, отличался от деревенских мужиков какой-то изысканной аристократической красотой. Жалко, что когда мы учились у него в третьем классе, Андрей Иванович застрелился. Это было для всех настоящим шоком. Вся округа сбежалась в его дом смотреть, как от выстрела мозги любимого учителя разлетелись по всей комнате. Видимо, эта неотразимая красота, его и сгубила. В него были влюблены все деревенские молодки, и не только деревенские. Говорят, что перед смертью Андрея Ивановича побили его собственные сыновья. А в предсмертной записке он написал, что выучил и воспитал очень много людей, а вот своих детей воспитать так и не смог.

Не пережив такую трагедию семья учителя от сплетен и пересудов переехала в город. Я две недели подряд плакал навзрыд, боясь, что Лидку в городе развратят городские парни. Для нас деревенских тогда город казался исчадием ада, в котором все люди из хороших превращаются в плохих. Еще больше двадцати лет Лида снилась мне каждую ночь. Сильнее ее я никого в жизни так и не полюбил, хотя с тех пор мы ни разу не встречались. Только однажды, я еще раз увидел свою первую любовь, когда уже сам стал горожанином. После восьмого класса я на летние каникулы приехал в свою деревню, а она в свою. Наша встреча была случайной и мимолетной, оба мы очень сильно изменились, но чувство любви к моей тайной страсти не пропало.

МОИ ДРУЗЬЯ – ЛОШАДИ

Папка, папка, все эти мои детские трагедии ты переживал вместе со мной.

Хорошо помню, как ты работал еще и конюхом. В нашей деревенской конюшне было тогда около 15 лошадей, не считая жеребят, и всех нужно было накормить, напоить, почистить, убрать в стойле. Я помогал тебе, как мог: таскал сено, засыпал овес в кормушки, вычесывал лошадиные бока и гривы, и многие кони были для меня, как самые родные и близкие друзья. Без коня в

деревне никуда - они самые верные и надежные помощники. Мы - ребятя катались на них верхом с самого раннего детства. И не просто катались ради баловства, а лет с пяти-шести уже работали в колхозе, помогали убирать сено. И бригадир за это нам, как взрослым тоже ставил «палочки».

Некоторые из лошадей такие умные, что все понимают с полуслова. Была у нас гнедая кобыла Мысли. Она сама могла ехать куда надо и останавливаться где надо, - без лишних понуканий. Хорошо понимала человеческий язык, даже мысли людей. А был еще такой строптивый жеребец - Буян. Я помню, как мужики его объезжали, сколько он телег переломал и оглоблей, сколько мужиков с себя сбросил прежде, чем удалось его хоть как-то усмирить. И даже после этого редко кто его запрягал, потому что Буян мог выкинуть любую каверзу. Ни с того ни с сего, он мог понести в галоп, и опрокинуть телегу с сеном. Но конь был очень сильным, и его запрягали в дальнюю дорогу, когда нужно было привезти какой-то тяжелый воз – то ли дров, то ли лыка.

И вот однажды папка запряг Буяна, чтобы привезти дрова. Перед поездкой привязал его у нашего дома. Я подошел к лошадиной морде и начал былинкой теревить ему ноздри. Мне нравилось, как конь, фыркая, смешно раздувал ноздрями, издавая при этом невероятные звуки, словно играл на флейте. День был солнечный, жаркий. Буяна кроме меня допекали со всех сторон оводы и мухи, а тут я еще привязался со своей былинкой. Конь терпел, терпел всё это безобразия, а потом, оскалив свои огромные лошадиные зубы, хотел откусить мне всю голову. Я испугался, и сам не знаю как, выскользнул из его пасти, отскочив в сторону на несколько метров. Как раз этот момент увидел отец. Он схватил вожжи и начал лупить ими Буяна по морде, перепугавшись за меня до смерти. Конь прямо в телеге взвился на задних ногах высоко в небо и завис над папкой. Картина была ужасная. Тут уж я испугался за отца, которого Буян мог забить до смерти копытами. Но все, слава Богу, обошлось. Да и со мной ничего серьезного не случилось, можно сказать отделался легким испугом, если не считать кровоподтеков от больших лошадиных зубов внизу подбородка и на лбу. След от них остался у меня на всю жизнь...

НАШ СОСЕД - КУЗНЕЦ ДЯДЯ МАТВЕЙ

Помню, как мы с отцом ходили подковывать коней. Сперва в нашу кузницу к дяде Матвею, пока он был жив, а потом в соседнюю деревню Рожниха. Я замороженно смотрел, как дядя Матвей в огне разогревал до красна подковы, а потом ударял по ним большим молотком, подгоняя точно по копыту, отправляя раскалённые железяки в воду остывать. От разогретого железа вода в кадке кипела и дымилась. Помню, мне было очень жаль лошадок, потому что

подковы прибивались к копыту большими кованными гвоздями, и я думал, что коням очень больно.

Вообще, кузница была самым излюбленным местом отдыха у деревенской ребятни. Дядя Матвей очень любил детей, никогда нас не гонял, и всегда давал какую-нибудь железную игрушку, которую тут же на наших глазах выковывал в огне. И даже нас приглашал в помощники к рождению этого удивительного чуда - постучать по податливому металлу, или поддержать огненную заготовку большими щипцами. Однажды он подарил мне большой металлический шарик от разобранного подшипника. Я долго играл этим шариком, бросал высоко в небо и ловил в руки. Один раз закинул его высоко-высоко вертикально вверх, а вот поймать так и не смог, шарик проскочил между ладоней и угодил прямо в лоб. На лбу между глаз выросла огромная синяя шишка. Долго потом я маячил этой шишкой, бегая по деревне...

В другой раз мой друг Сашка засветил мне прямо в висок другой железной игрушкой, выкованной дядей Матвеем. Мы ей перекидывались. Сашка кинул мне железку со спины, когда я этого не видел, и поймать естественно не смог. На этот раз голова была разбита до крови, и долго не заживала.

Дважды дядя Матвей спасал меня от беды. Однажды зимой на большом морозе Колька Малышев, старший Сашкин брат - деревенский заводила и хулиган, развёл нас «сосунков» «на слабо»:

- Спорим, не сможешь лизнуть топор языком?

- Почему не смогу, смогу, - заявил я, и на морозе лизнул обух топора.

Было мне тогда годика три-четыре. Конечно, я еще не мог знать о последствиях. Язык намертво пристал к топору и не отдирался. Я заревел, и так ходил по улице с огромным топором, почти с меня ростом, не зная, что делать. Пойти домой - родители заругают. И мы вместе с Сашкой пришли к дяде Матвею. Тетка Сина, увидев меня с топором и окровавленным языком, который я отдирал силой вместе с кожей, запричитала, замахала руками. А дядя Матвей быстренько принес ведро воды из кухни и попросил меня опустить топор в воду. Металл нагрелся, и язык сам от него отстал.

В другой раз, когда дядя Матвей делал к своему дому пристройку, я прыгнул с высокого сруба босиком на доску с двумя огромными гвоздями, которые торчали остриями вверх. Оба гвоздя пронзили мою ступню насквозь и вылезли с обратной стороны. Я взревел от жгучей боли. Дядя Матвей первый оказался около меня и с силой, опершись своей ногой о мою, рывком выдернул доску с гвоздями из ноги. Тут же попросил меня пописать на ступню, потом обработал раны йодом, и замотал бинтом, предварительно наложив подорожник. Никакого заражения не было, хотя гвозди были ржавые...

Дядю Матвея все дети настолько сильно любили, что за ним, постоянно тянулся целый хвост из ребятни. Ни за кем больше из взрослых мы так не

бегали, как за ним. Да нам бы и в голову не пришло за кем-то еще бегать, а дядя Матвей был свой, разговаривал с нами, как с ровней. Жалко, что погиб он как-то нелепо, совсем еще молодым мужиком. Однажды летом он возвращался домой после работы ночью. Шёл из соседней деревни напрямую через поле во время сильной грозы, и не заметил, что ураганом повалило столбы электропередач. Ночи у нас на Нижегородчине тёмные: хоть глаз выколи, ничего не видно. И дядя Матвей не увидел под ногами упавших проводов, которые были под током, нечаянно наступил на них и сгорел заживо. От большого сильного человека остались одни головешки, да шестеро детей – мал, мала меньше - сиротами. Дочка Уля была парализована с детства и всегда лежала в постели. Васька, Крестья и Оляка еще совсем маленькие. Они даже не понимали, что отец умер. После его смерти мы по-прежнему играли с ними в разные игры, как будто ничего не произошло. Мы были соседями, дружили семьями, часто ходили, друг к другу в гости, помогали во всех делах. Несчастья сыпались на эту семью, как из рога изобилия. Потом и тётку Сину парализовало, после того, как она попала в автомобильную аварию и сломала позвоночник.

К сожалению, я тогда тоже не понимал всего горя, которое на них свалилось. Да и обуглившиеся головешки, которые тётка Сина привезла домой на телеге, никак не мог соотнести с человеческими останками. Мне было тогда около четырех лет. Дядя Матвей для меня навсегда остался живым, веселым, добрым человеком, самым лучшим из всех взрослых в нашей деревне. До сих пор не могу понять, почему Господь забрал его в таком молодом возрасте, да еще таким жутким образом? Почему оставил сиротами столько детей? Может быть, кто-то из деревенских позавидовал их счастью, наслал проклятия?! Ведь они с теткой Синой очень сильно любили друг друга. Жили, душа в душу. И дети у них были замечательные, не считая парализованной Ули.

Однажды я нашел около их дома на улице в траве, какую-то мелочь, всего может около полрубля, принес домой. Мама увидела у меня эти деньги и спросила:

- Где взял?
- На улице нашел около тетки Синоного дома?
- А чего ей сразу не отдал?
- Так может быть это не их деньги, кто-то другой потерял?
- А кто еще мог потерять, кроме них?

Мать начала меня лупить ремнём, как будто я своровал эти деньги, и заставила отнести их к тетке Сине и еще извиниться перед ней. Я так и сделал.

Эта наука пошла мне на пользу. Когда мы жили в городе, и я учился в восьмом классе, то нашел около ближайшего к дому магазина кошелек с какой-то небольшой суммой, но значительной для семейного бюджета. Написал

объявление: "Кто потерял кошелёк с деньгами, просьба обратиться по адресу", указал свой адрес, и повесил объявление на магазине. Люди повалили к нам косяком. Конечно, большинство никаких денег не теряли. Я расспрашивал их о кошельке, о количестве денег, и не мог понять, зачем они врут, почему хотят прибрать к рукам чужие сбережения. К счастью, хозяин кошелька вскоре нашёлся, и объявление, доставившее мне столько хлопот, я сразу же содрал...

ПАПКА, ПАПКА...

Часто мы с отцом ходили в лес - на охоту, за грибами, за ягодами, на мочальник. Именно отец привил мне любовь к природе и умение понимать язык птиц и зверей. Он с детства занимался охотой. В деревне это вынужденное занятие. И мой дед Максим был охотник и прадед. В голодные годы, особенно перед войной и после войны только охотой и выживали. У нас дома было два ружья, и лет с пяти я тоже научился стрелять. Чаще всего, все-таки, мы охотились со старшим братом Иваном. Но охота для нас была скорей баловством, простым развлечением, а не добычей. Да, по-моему, мы никого серьезного так и не подстрелили, кроме ворон. А вот отец впустую не стрелял. Мог подманить к себе любую птицу и любую живность. Он пользовался не только манками, но и своим голосом. Помню, как правдоподобно он зарычал по-медвежьи, когда к нашему грибному месту подходили деревенские женщины. Грибниц как ветром сдуло, а мы набрали тогда полные лукошки замечательных волнушек и рыжиков.

Папка, вообще был человеком с юмором и умел шутить. Эта черта - понимать шутку и уметь её вставить в нужное время и в нужном месте присуща большинству наших родственников. Мама прожила с отцом почти 52 года и все это время посмеивалась над ним, потому что не смеяться от его шуток было просто не возможно. А сколько раз мы всей семьей покатывались над папkinsкими выходками?!

И родился-то я с папиными шутками. Мама рожала меня ранним январским утром в своем доме. Начались схватки, она кричит отцу: "Беги к матушке, я сейчас рожать буду". Баушка Пелагея была деревенской повитухой и принимала роды у всех в округе. "Да ты помучься ещё, - шутит папка - мало ещё помучилась". Пока он ходил за баушкой, воды и схватки уже отошли. Мама, побоялась рожать одна, задержала плод в себе, и в результате меня пришлось отцу с бабушкой вытаскивать силой, выдавливая из живота полотенцами. Еле-еле вытащили. Когда взвесили, оказалось, что я вешу пять килограмм. Уж, каким только святым баушка не молилась, чтобы все обошлось благополучно. Но вот я появился на свет и не кричу. День не кричу, два. Баушка гово-

рит: "Ребёнок не жилец, надо его окрестить, все равно помрёт". И понесли меня на третий день крестить в молельню. Окрестили в честь святого Макария Великого, и, слава Богу, я живу до сих пор. Просто, видно с детства такой неразговорчивый родился. А чего без толку говорить?...

Вспомнился еще один курьезный случай, связанный с папкиной учебкой на тракториста. Только что он приехал из Шахуньи, и привез с собой новый комбинезон. В нем не понятно где зад, где перед, очень много разных дыр, молний и карманов. И вот отец залезет в одну дыру, вылезет в другую, завернется в узел, а комбинезон никак на нём не сидит, все что-то мешает и болтается сбоку. Ох уж мы тогда с братом и с мамкой и посмеялись над ним. Еще попытка: папка свернулся в три погибели, хрипит: "Груша, помоги, вытащи меня отсюда!" Мамка не знает, как его освободить из бесовских пут. Часа два, наверное, разбирались, как должна надеваться эта рабочая одежда, пока, наконец, все вместе не одели отца, как положено. Сейчас то я понимаю, что нам было весело совсем по другой причине. Отец вернулся домой после двух лет учёбы, мы снова были вместе и радовались оттого, что папка опять с нами...

Чаще все-таки запоминается, почему-то, горе. В самом детстве я тяжело переболел корью. Было мне тогда, наверное, лет пять, а может и того меньше. Недели две я лежал с температурой выше сорока на печи, не видел белого света, ничего не ел, и уже как будто умирал. Мой организм ослабел, не принимал никакой пищи. Помню, когда я пошел на поправку, мама сделала мне яичницу из двух яиц. Напекла блинов. Я макал блины в яичницу, ел, и впервые, за время болезни, почувствовал вкус пищи. А на следующий день отец взял меня в лес. Мы ехали на телеге, я был еще очень слаб, меня трясло, тошнило, всюю кусали комары, но никогда еще я не ощущал с такой остротой, как прекрасен мир, и как сильно мне хочется жить. После этой поездки я быстро выздоровел.

Несколько раз отец пытался показать мне железную дорогу, потому что в деревне мы никогда не видели ни паровозов, ни кораблей, ни самолетов, ни даже железной дороги. А заброшенная железная дорога была от нас где-то километров за сорок, далеко в лесу, за дальним папкиным мочальником. Если все нормальные мужики мочили лыко где-нибудь поблизости от деревни, то отец дальше всех - за двадцать километров. И вот однажды мы поехали с ним на лошади на этот дальний мочальник, и оттуда уже он повез меня к заброшенной узкоколейке, до которой мы так из-за плохой лесной дороги и не смогли доехать. Отец очень переживал, что так и не показал мне железку. Если бы он знал, сколько дорог мне предстоит увидеть в жизни, сколько придется поколесить по свету - и на самолетах, и на пароходах и на поездках...

Когда в конце пятидесятых - начале шестидесятых колхозы распались и со всей нашей округи крестьяне стали уезжать в города, родители долго искали, куда бы податься. В конце концов, остановились на Сыктывкаре, куда больше всего уехало наших земляков. Только в 1973 году вместе с нами колхоз покинуло более двухсот семей. Но сперва в Сыктывкар приехал отец, узнал, как тут жизнь, а потом уже мы перебрались всей семьей. Я тогда учился в шестом классе.

Третий класс я закончил еще в начальной рожнихинской школе. Но уже с молодой учительницей Валентиной Николаевной, направленной к нам годом раньше на практику из вуза. В отличие от Андрея Ивановича она меня не любила, не смотря на то, что я был отличником, и я это чувствовал. В любимчиках у нее как раз ходил председательский сынок Вовка – смазливый и рослый. Как молодой девушке, еще не видевшей жизни, ей, конечно, больше нравились красивые мальчики, и красивые мужчины, пусть и женатые. Ходили слухи, что именно из-за неё Андрей Иванович и покончил жизнь самоубийством.

Четвертый, пятый и часть шестого класса я прouчился в средней школе села Пакали, где зимой мы жили в интернате. В четвертом классе у меня была очень хорошая учительница Людмила Васильевна, которая меня сильно любила, и часто из интерната приглашала к себе в гости. У нее была дочка Оля моего возраста, с которой мы вместе занимались какими то стенгазетами и внеклассной работой. Такой участи из нашего класса больше никто не удостоивался. Людмила Васильевна мне запомнилась еще тем, что на уроках пения играла на странном для деревенских инструменте – испанской мандолине, и красиво пела.

Ещё у нас в Пакалях был отличный физрук, по фамилии Безруков. Тоже большой шутник.

- Ну, с кем спорим, что я без рук заберусь по этому канату?

- Как это без рук?

- А вот так.

И начинает залезать с помощью рук.

- Так вы же руками помогаете.

- Я же Безруков, фамилия у меня такая.

И еще в интернате у нас была замечательная воспитательница - Ульяна Ильинична - добрая старая женщина, которая тоже всех детей любила и постоянно приходила к нам на ночь читать сказки.

Переехав в Сыктывкар, верней в его пригород Эжву, прежде чем получить более-менее приличную квартиру, мы поменяли несколько комнат в общежитиях. Сперва, жили в семи квадратных метрах по улице Эжвинской, все спали вповалку на полу. Потом в 12 квадратах по Лесной, и только через два года заняли samozaxватом по улице Виктора Гюго одну из двухкомнатных

квартир в деревянном бараке, предназначенном под снос. Все это на Строителе - самом первом деревянном микрорайоне, где жили первые строители, возводившие гигант лесохимии - Сыктывкарский ЛПК. Район, где мы жили по Лесной и Гюго, назывался Западным Берлином. Сейчас он полностью снесён, на этом месте вот уже на протяжении тридцати лет строится четвертая очередь ЛПК, которая до сих пор так и не может войти в строй.

В бараке мы прожили около десяти лет, прежде чем получили настоящую благоустроенную трехкомнатную квартиру в современной девятиэтажке. Отец, как приехал из деревни, сразу же устроился в ЖЭУ простым слесарем, чтобы получить жильё. Потом поменял несколько работ, пока не оказался на ЛПК. Без всякого образования, без корочек ему всю жизнь пришлось вкалывать простым работягой. В поте лица добывать хлеб для своей семьи.

Всегда он был безотказным тружеником, исполнительным и надежным. И когда, работая на ЛПК в деревоперерабатывающем цехе №1 его непосредственный начальник попросил периодически подсыпать под валы работающего эскалатора, груженого лесом, тальк, отец не отказался, хотя делать этого был не должен. В сильный мороз перед концом ночной смены, неожиданно рукав его куртки прихватило под движущуюся ленту и вместе с рукавом затащило под вал всю руку. Пока адская машина пережевывала руку и с силой ломала кости, отец уперся ногами в металлическую станину, чтобы его не затащило всего в жернова эскалатора, и начал звать на помощь. Но никого вокруг не было. Два часа отец боролся за свою жизнь, и вызвал о помощи. Голос его охрип на морозе, пока, наконец, не пришел сменщик и не отключил эскалатор. Сразу же вызвали скорую. Вся рука у папки была перемолота в кровавое месиво, и ее пришлось срочно ампутировать, чтобы не пошло заражение.

Я пришел к отцу в больницу сразу же после операции и не узнал его. Осунувшийся, потерявший голос, поседевший за одну ночь, он лежал в кровати такой жалкий, такой несчастный. Мое сердце сжалось от боли. Одной руки у папки не было, ее отняли до самого туловища, все мое нутро взбунтовалось против этого. Как так - папка и без руки. Сильные, узловатые, жилистые отцовские руки клали на лопатки не только мужиков. Он ими пахал колхозные поля и свой огород, сеял пшеницу и рожь, косил траву, валил деревья. Ох, как красиво отец косил, залюбуешься! Без усталости мог выкосить целое поле, останавливался только, чтобы отбить косу, и подправить затупившееся жало. Наверное, единственный в деревне он не боялся один резать бычков и свиней. Подойдет, бывало к огромному борову, схватит его за переднюю ногу, перевернет на спину, навалится всем телом и вонзит острый нож прямо в сердце. Убивал с первого раза. Так же и телят. А многие мужики боялись резать даже поросят, и звали на помощь еще двух-трех помощников. Небезопасное это дело, даже

небольшой кабанчик может покусать человека до смерти, тем более перед лицом смерти, которую вся скотина чувствует заранее.

Отец с детства был сильным и спортивным человеком. До шестидесяти лет у него фигура была, как у Алексея Немова - идеальной. В армии он стал отличным гимнастом, выступал на всех армейских соревнованиях. Спокойно крутил на перекладине солнышко, делал склёпку, подъем переворотом. Хорошо занимался на брусьях. Именно отец оборудовал для деревенской ребятни спортивную площадку за нашим домом. Отгородил часть колхозного поля под футбольное и баскетбольное поля, перекладину, брусья, дорожку для прыжков в длину.

Это отец научил нас – деревенских пацанов - делать сложные гимнастические упражнения на перекладине и брусьях. Брусья у нас как-то не прижились, а вот перекладину мы полюбили. С тех пор я постоянно пропадал на турнике. Они появились по всей деревне почти перед каждым домом. Мы соревновались между собой: кто больше подтянется, сделает подъемов переворотом, склепок, выход силой, кто дальше спрыгнет с турника. И здесь я опережал всех. Отец не только научил меня всем премудростям, но от него мне передалась и физическая сила. Часто я занимался на перекладине перед бабушкиным домом. Её тоже поставил отец, но она была слишком высокой для нас – малолеток. Залазили мы на неё с каких то ящиков, и в один из вечеров, устроили соревнования по прыжкам в длину, кто дальше всех спрыгнет. Сперва, сильно раскачивались, а потом, по невероятной дуге прыгали далеко вперед. У меня получалось всех дальше. Тогда ночевал я у бабушки, а утром еще решил потренироваться. С утра трава была еще мокрая от росы, но я этого не учёл. Раскачался, прыгнул на мокрую траву, поскользнулся, больно ударился спиной и головой о землю, так что, «отбил дух», и потерял сознание.

Сколько пролежал в бессознательном состоянии я не помню. Мне потом уже рассказывали, что ко мне подходили деревенские женщины, спрашивали, что со мной. Я нёс какую-то околесицу, они не понимали в чём дело, но думали, что со мной всё в порядке. Сознание ко мне возвратилось часа через четыре уже около своего дома, куда я пришел своими ногами. Как ни в чём не бывало, я принялся вместе с мамой и братом убирать перед домом мусор...

Папка, папка, любимый папка! Наверное, только сейчас, когда тебя нет, я стал понимать, как много ты для меня значил, и как много дал в жизни.

Руку отец потерял, недоработав всего пол года до пенсии. Против его начальника автоматически было возбуждено уголовное дело. Начальнику неминуемо грозил срок, или по крайней мере снятие с должности. Он приходил к отцу, просил взять вину на себя, чтобы дело прекратили, а за это обещал без очереди трехкомнатную квартиру. Отец от квартиры отказался, но и показания против начальника давать не стал. Дело закрыли.

После этого отец прожил еще пятнадцать лет. Одной рукой на даче строил дом, баню, сарайку, теплицы, выполнял любую мужскую работу, хоть и был инвалидом. До конца жизни копал землю на участке, ходил за грибами, за ягодами. Приспособился одной рукой таскать поленья, зажигать спички, топить печки. Он никогда не жаловался, никогда не просил о помощи, и все близкие настолько привыкли к этому, что забывали, что он без руки. Однажды соседка по даче попросила его помочь ей что-то поднять из погреба. Отец ухватил одной рукой большой предмет, тащит, а соседка ему говорит:

- Да ты придержи другой то рукой!

- Да я бы придержал, - шутит отец - да у меня её нету.

Только иногда я слышал, как папка удивляется, говоря про себя:

- Руки давно нет, а она всё болит.

Он постоянно ощущал её, как живую. Рука зудела, чесалась. Забывшись, отец хотел ее почесать, и наткнулся на пустое место.

Как-то я прочитал у одного старца, по моему архимандрита Псково-Печорского монастыря Саввы, который сказал, что те люди, которые живут без рук или без ног, сразу же за свои страдания попадают в рай. Кроме того, что папка был безруким, всю жизнь его мучила ужасная болезнь - эпилепсия. Это была страшная тайна не только его, но и всей нашей семьи. Эту болезнь он приобрёл в 23 года уже после армии, когда упал головой о землю с высокого дуба. Не смотря на то, что она называется еще болезнью королей, поскольку многие коронованные особы у нас в России и за границей страдали этим недугом, эта "королевская" болезнь в наше время лишает человека любой возможности к нормальной жизни. Практически с ней нельзя устроиться ни на какую работу. И отцу приходилось скрывать от отделов кадров, что у него эпилепсия, и по этой причине заниматься самой неблагоприятной работой: грузчиком, слесарем, сантехником... И то лишь до первого приступа. Хотя приступы у него обычно проходили ночью, но случались и днём. При этом он падал, терял сознание, начинал трястись, его тело сводило судороги. За долгую жизнь мы насмотрелись этих припадков, и при каждом нас охватывал панический ужас. Слава Богу, что всегда отцу в это время помогала мама, и нас - детей они касались в меньшей степени.

Кроме падения с дуба, отец, еще до моего рождения, когда пахал на тракторе колхозные поля, вместе со своим помощником - братом Михаилом, заработавшись до глубокой ночи, и заснув за рычагами, свалился в глубокий овраг. Трактор несколько раз перевернулся через кабину, оставив глубокие борозды в земле. Кабина была помята, труба ушла в землю, а братья отделались только легким испугом. Я, когда узнал об этой аварии, потом много раз приходил на это место, где промыслом Божиим Господь сохранил жизнь моему отцу.

Уже в городе, мне часто снилось место аварии в необычных снах. Как будто там с горы бьёт источник живой воды, стоит часовенка.

Еще одну аварию отец перенёс уже будучи безруким. Всей семьёй мы поехали в гости на уазике к родителям моей жены в деревню на юг Коми. По осени на асфальте образовался невидимый гололед. Машину на ровном участке повело, закрутило, и выкинуло на обочину как раз на границе Прилузского района - куда мы ехали, это за двести километров от Сыктывкара. Дважды уазик перевернулся через кабину. Всех больше пострадала мама. С множественными переломами позвоночника, с травмой головы, мы на попутке довели ее вначале до Визинги, а потом на скорой до города. Все остальные, в том числе и отец, тогда тоже получили множественные травмы. Мы с отцом, когда мама была в реанимации, три дня и три ночи молились за неё дома на коленях. Я упал ниц перед образами, и отец молча опустил рядом со мной - слёзы у обоих текут по лицу градом, а папка, смотрю, крестится одной рукой, клянётся до пола... Тогда мы маму вымолили с того света...

А вот самого отца нам так и не удалось вымолить после того, как его разбил повторный паралич. Конечно, к старости сила его покидали, он стал угасать. Я замечал, как на даче, наблюдая за мной - сильным молодым парнем, копающим, как трактор землю, отец потихонечку плачет. За несколько лет до его смерти я написал стихотворение:

Знать бы, где начало, где конец,
где нас ждет погибель, где удача?
На пороге мой больной отец,
глядя на меня тихонько плачет.
Весь больной и немощный старик
прячет свои слезы виновато,
он работать целый день привык
от зари до самого заката.
Всю то жизнь спины не разгибал,
на земле - кормилице трудился.
Не беда, что ростом вышел мал,
что чуть было, дважды не разбился.
Не помеха в деле малый рост,
кости с переломами срастались.
Он тащил по жизни тяжкий воз,
много лиха от судьбы досталось.
А теперь сидит, как лунь седой,
нет руки одной, болезни душат.
Я ж здоровый парень молодой
вкалываю, словно бью баклуши.

Смотрит, как копаю я усад,
как легко орудую лопатой.
Он и сам со мною встать бы рад,
да не может, смотрит виновато.
Плачет батя - жизнь почти прошла,
покидают силы его тело.
Не горюй, отец, что за дела! -
Сделаю, что ты не смог доделать.

Я предчувствовал, что отец скоро может покинуть этот мир навсегда, и отгонял эти мысли прочь. Все пристальней вглядывался в его лицо - такое родное и близкое. Узнавал черты своего лица. Все мы - я, брат и сестра - очень похожи на папу.

Говорят, настоящий мужчина должен построить дом, посадить дерево, воспитать сына. Отец построил не один дом, он вообще был строителем. Не считая своих двух домов, он помогал строиться не только всем своим братьям и сестрам, но и остальным деревенским. Да и в соседние сёла ходил строить дома.

Папка воспитал двух сыновей и одну дочку. Ничего не могу сказать про себя, а вот брат мой Ваня был святой человек. Жалко, что прожил всего 36 лет. На его похороны пришло несколько тысяч людей. Все вспоминали его добрым словом. Всем он чем-то помог в жизни, и не только, как водитель грузовой машины, но и чисто по-житейски, добрым словом и участием. И уж совершенно точно он никому не причинил никакого зла. Ко всем по первому зову приходил на помощь. Он воспитывал пятерых детей. Усыновил приемную дочь, которая любила его сильнее, чем родные дети. Ещё по жизни он нёс настоящий подвиг: держал на иждивении большого безумного инвалида, который был дальним родственником со стороны жены. Этот здоровенный дебил не слушался никого, кроме Ивана. Только брат за ним и ухаживал: мыл его в бане, брил, кормил, одевал. Кстати, этот здоровенный детина умер сразу же после брата, а жена Ивана сошла с ума от горя и умерла, спустя девять месяцев, после его смерти. Ваня никогда ей не изменял, и кроме неё у него никого не было. Это очень редкое качество в наше время. Говорят, что таких людей сейчас уже нет.

И деревьев отец посадил немало. И яблонь, и вишен, и других садовых - в деревне, и здесь на севере, на даче.

Когда папка сильно болел, и особенно после того, как его разбил паралич, для всех родственников и близких в своей немощи он стал самым дорогим и близким человеком. Я переживал какую-то безмерную любовь к отцу, смешанную с неизбывной жалостью. Таких щемящих жгучих чувств я не испытывал к нему никогда. Он похудел, осунулся, стал еще более смиренным, и кротким.

На просветлённом лице остались одни только большие и виноватые глаза. Синие-синие, как васильки, добрые и чистые, как у ребёнка. Отец очень страдал от своей немощи, от того, что он причиняет столько хлопот своим близким, и не может сам даже сходить в туалет.

Всегда он был сильным и мужественным человеком. Даже при своей инвалидности ни у кого никогда не просил помощи. Все делал сам. А тут его собственное тело перестало слушаться. У меня не было никаких сил смотреть на его страдания. Я не знал, чем ещё могу помочь. Всю жизнь я постоянно молился за него и за всех своих близких. Как только с отцом случалась какая-то болезнь, спешил в церковь заказать молебен, или сорокоуст о здравии. Постоянно подавал записки за родителей во всех храмах и монастырях, в которых бывал.

Горько ещё и оттого, что в преждевременной кончине отца есть и моя вина. Виноват не я сам, а те силы, которые борются со мной, как с человеком, и журналистом православной газеты. Эти бедные люди забыли про свой христианский долг - помогать и спасать ближних, и ради своей карьеры готовы погубить всякого, кто, по их мнению, каким-то образом угрожает их общественному положению, или способен помешать их карьерному росту. Я каждый день молюсь за этих бедных людей - на виду у всех показывающих себя чуть ли не святыми, а на самом деле способных на самую гнусную подлость, на которую не способны даже самые отъявленные преступники. Конечно, мне, как журналисту известно, про многие их пакости. И против меня уже столько было предпринято всяких гнусных провокаций. Бог им судья! Я ни только не желаю им никакого зла, но постоянно молюсь об их спасении, и свою безопасность полностью возложил на Бога. Беда в том, что в их провокации попадают ни в чем неповинные люди, даже не подозревающие о том, по чьей вине на них сыплются всевозможные несчастья.

Первый раз паралич разбил папку накануне Крещения. От Рождества до Крещения нечисть свирепствует больше всего. 17 января у владыки должна была состояться аккредитация журналистов на все церковные мероприятия, проводимые епархией, и в этот же день я должен был присутствовать на заключительном концерте фестиваля Духовной музыки "Вифлеемская Звезда", где с Эжвинской воскресной школой выступала и моя дочь. На этом концерте регулярно присутствует и владыка. Ещё ни разу ни одного года я это мероприятие не пропускал. А в последний раз, по просьбе главного режиссера фестиваля, даже принимал в нём непосредственное участие. Но видимо кто-то очень сильно не хотел видеть меня на обоих этих мероприятиях, и эти люди сделали всё, что бы я на них не попал.

Ещё с утра я почувствовал себя так скверно, что не мог встать с постели. Какого рода воздействие оказывались на меня и на моих близких, отца и мать,

живущих вместе со мной в одной квартире, я не знаю, но вполне допускаю, что у этого влияния могла быть и чисто физическая природа. Потому что с отцом с утра начало твориться что-то невообразимое, чего с ним никогда в жизни не было. Приступ следовал за приступом, не прекращаясь. Папка, вдруг ни с того ни с сего, стоя, терял сознание и падал на пол, ударяясь об острые углы мебели. Этих приступов мама насчитала около пятнадцати за один день. Как их следствие с отцом случился инсульт и паралич. В этот день по причине плохого самочувствия я не пошел не на аккредитацию, не на фестиваль, чем очень сильно расстроил дочку.

Отец в параличе пролежал почти целый месяц, прежде чем стал поправляться. Конечно, большая заслуга в его исцелении принадлежит маме, она постоянно ухаживала за ним, натирала всевозможными мазями, делала массаж. Да и сам папка очень хотел выздороветь. Когда через месяц они с мамой впервые за время болезни спустились на улицу погулять около своего дома, ноги еще не держали его, отец постоянно падал, мама помогала ему встать, и они снова гуляли рука об руку. Я сделал для отца из лыжной палки посох. Он оказался легким, очень удобным. Папка обрадовался, пробовал ходить с ним по квартире, и потом ещё несколько раз выбирался на улицу.

В это время он искал себе, какого-то дела, все просил принести с дачи досок, чтобы смастерить скворечник. Хотел установить его на даче. Каждое лето они с мамой жили на даче. Папка особенно сильно ждал этого лета. Летом они были заняты делом, копались в земле, выращивали огурцы, помидоры, картошку, капусту - жизнь снова начинала бурлить, в отличие от долгих и бездейственных зимних месяцев. Они оживали, радовались, прямо на глазах здоровели.

Сделать скворечник для отца стало идеей фикс. У нас в деревне около дома было несколько скворечников, сделанных отцом, - но это средняя полоса - Поволжье, там скворцы всегда жили. А здесь их нет. Верней они раньше были, а потом улетели в более южные широты. Ещё когда мы жили на улице Гюго - в Строителе, около нашего дома на высоком шесте был установлен один скворечник и скворцы в нём жили. Но вот уже лет пятнадцать - двадцать, если не больше, как из окрестностей Сыктывкара скворцы улетели. Никогда не водилось их и на нашей даче. Но отец упрямо, в наше отсутствие, когда оставался на пару часов один, продолжал искать по кладовкам доски и мастерить скворечник. В этом его стремлении было что-то большее, чем желание построить домик для птиц. Психологи бы это объяснили лучше: мне кажется, что папка на подсознательном уровне уже думал о своем последнем маленьком "деревянном домике", и поэтому так стремился сделать такой же маленький домик для птичек.

К концу жизни он вообще стал очень сентиментальным: любил не только птичек, но и всякую живую тварь. Мама, боясь за отца, в последнюю зиму никуда его одного не отпускала, и отец надевал шубу, шапку, сапоги и шел гулять на балкон. Смотрел на птичек, которые постоянно прилетали к нему на деревья рядом с балконом. Однажды выходит с балкона и говорит нам:

- Белка из леса прибежала, на дереве сидит.

- Да, какая тебе белка, откуда ей тут взялась - возмущается мама - кто-то тряпку бросил, а тебе белка кажется.

Я пошел на балкон, вижу напротив отца на березе, буквально в двух метрах от него сидит рыжее пушистое симпатичное чудо и смотрит на папку своими черными умными бусинками. Как она смогла прибежать из леса в поселок через жилые кварталы, почему забралась именно на нашу березу, которая растет рядом с нашим балконом? - не понятно. И почему поднялась именно на уровень третьего этажа? Но пока отец "гулял" на балконе, белка все два часа сидела напротив него и никуда не уходила. Мела позёмка со снежной крошкой, белка от ветра прикрылась своим пушистым хвостом, сжалась в комочек. Чем-то в этом состоянии она напоминала мне отца, - беззащитная, одинокая, хрупкая на тоненькой качающейся веточке, замерзающая на пронизывающем ветру. Папку сейчас тоже секли все супротивные ветры. Эти два "одиночества" - человек и маленький зверёныш - смотрели друг на друга и радовались. Для отца - лесного человека, вся жизнь которого была связана с лесом, рыжая гостья явилась большим утешением. После того, как папка ушёл с балкона, белка спрыгнула с березы и убежала в лес.

Господь на склоне лет наградил отца утешительным даром слез. Я даже терялся, видя его плачущим по какому-нибудь, как мне казалось, совсем незначительному поводу. Всю жизнь отец был сдержан в проявлении чувств. Тем более, никогда не плакал. И сам это "мокрое, бабье" дело презирал. А тут глаза постоянно были у него на мокром месте. Каждую смерть - далекую, близкую - он горько оплакивал. Даже трагические события из информационных сводок новостей приводили его к этому состоянию. Совсем незадолго до первого инсульта он похоронил двух наших родственников. Дядю Валеру Чернова - нашего земляка из ближайшей деревни Рожниха, с которым в Эжве мы жили в соседних домах и постоянно встречались, ходили, друг к другу в гости. Когда отец пришёл на его похороны, слезы градом хлынули из его глаз и не останавливались на протяжении нескольких часов, пока люди с похорон не возвратились домой. Не сказать, чтобы они были близкими друзьями, да и родственники очень дальние. Рядом с гробом стояли родные братья покойного и не плакали, а у отца слезы текли рекой.

И буквально сразу же после этого, за полтора месяца до первого инсульта он похоронил мамкиного брата - дядю Сему. Вместе с мамой они ездили на

его похороны в село Вахтанг Нижегородской области, и там тоже отец постоянно плакал. Видимо чувствовал приближение и своей смерти.

Хотя нам никому не верилось, что она будет так близко. Когда папка пошёл на поправку, мы все обрадовались, думали, что все самое страшное уже позади. Однако в ночь со страстной пятницы на субботу его разбил повторный паралич, который наступил после двух приступов и повторного инсульта.

А перед этим я на пасхальной неделе собирался в поход на Уральские теплые источники. Каждое подобное мероприятие, организованное мной, вызывает приступ ярости и какого-то злобного противодействия не только со стороны нечистой силы, но и со стороны вполне живых людей, борющихся со мной. Вспоминаю слова о. Александра Петропавловского - руководителя все-российских крестных ходов, который говорит, что при организации крестных ходов ему приходится терпеть всевозможные искушения не только от врагов, но и со стороны лжесвященников и лжебратий. От последних даже не меньшие, чем от врагов. И у меня точно такая же ситуация. Давно наши походы переросли во что-то большое, и организуются мной во славу Божью. Живоносный Уральский источник избрала в свой удел для будущей обители Сама Пресвятая Богородица. Через это святое место будут спасаться тысячи и тысячи людей. И я, выполняя наказ Царицы Небесной, предпринимаю всевозможные усилия принести этот источник людям.

Для меня этот поход был очень важен еще и по другой причине. После недавней операции на позвоночник я и сам чувствовал себя еще не вполне здоровым, и Живоносный источник был для меня, как спасительная соломинка. Я верю в чудодейственную силу воды из источника, показанную мне в необыкновенном сонном видении. Да и сам я стал свидетелем многочисленных случаев исцелений. Когда отца разбил повторный паралич, врачи скорой помощи уговаривали нас отдать его в больницу. Ему требовался больничный уход: капельницы, уколы, процедуры. Наконец, оба с мамой, сорвав позвоночники от тасканий отца по комнате, мы решили, что так для всех будет лучше.

Я, еще сомневаясь в правильности своего выбора - идти, или не идти в поход, наконец, отправился в недельный маршрут, надеясь с гор принести отцу спасительную живую воду. На этот раз Господь привёл для участия двух ученых-геологов: Михаила Сокерина и Виктора Салдина, которые решили исследовать качество воды, взяв ее на анализ. Надо сказать, что это был самый радостный поход за весь тридцатилетний период моего увлечения горным туризмом. Чувство пасхальной радости было перемешано с чувством неимоверной боли за отца. Душа моя металась, плакала, страдала, и вместе с тем - радовалась. Радовалась оттого, что я снова в горах, в походе. До этого я почти на пол года после операции на позвоночник был прикован к постели, и не только сам, но и многие из моих друзей и близких уже не надеялись, что я еще

когда-нибудь выберусь в горы. Недруги злорадствовали, что меня удалось сломить, и праздновали свою победу. Но я выкарабкался, и сейчас моя душа пела. Тем более, что Господь подарил такую удивительную солнечную погоду - с морозцем. До источников мы, можно сказать, долетели - шли от избушки к избушке. Ребята - опытные геологи, которые своими ногами исколесили пол мира и видели все в своей жизни - впервые были в горном лыжном походе, и для них все в радость - и ходьба на лыжах с тяжелым рюкзаком, и горы, и солнце, и огненные рассветы с закатами.

Перед источником нам предстояло перейти хребет Сыл-Бок-Чугра. Очень затяжные, длительные изматывающие подъемы. Миша взял с собой космический навигатор. Определил, что мы переходим хребет в самой высокой точке.

- Ничего себе - удивляется - так мы по самой высокой вершине хребта идем?!

- Зато, Миша, сейчас такой спуск будет, закачаешься - успокаиваю его - слалом - километров на пять, до самой реки.

- А я не умею спускаться слаломом.

- Ничего, сейчас научишься.

Действительно, спуск был потрясающим, только успевай финтить между елок и берез. За Сывью опять подъем, и через два километра наша долгожданная избушка, которая стоит на ручье, вытекающем из источников...

Ребята просто обалдели, увидев эту красоту. Ручей разлился где-то метров на 20-30, журчит по камням.

Солнце играет на переливающейся воде. Всюду снуют рыжие любопытные сойки, летают стаями, какие-то белые птицы, размером с голубя. На подходе к источникам мы увидели норку, уток - настоящий рай! Миша достает кинокамеру и начинает снимать. Он решил сделать фильм о теплых источниках.

Я специально организовал этот поход на пасхальной неделе, чтобы быть здесь в праздник иконы Божьей Матери. "Живоносный источник", который в этом году отмечался 13 апреля, чтобы на этих источниках, где я в сонном видении видел Пресвятую Богородицу, превратившуюся в икону Живоносного источника, помолиться за отца, за всех родных и близких.

За день перед этим Господь подарил нам потрясающее восхождение на Красный Камень - высшую точку хребта Малды-Из. Это наиболее высокогорный из пяти ближайших хребтов Приполярного Урала. Само по себе восхождение не очень сложное. Но из-за большого набора высоты и длительного, почти двадцатикилометрового подхода, достаточно трудное. Нам опять повезло с погодой - солнце и морозец, - потрясающая видимость, на все сто километров вокруг. Горы сияют ослепительной белизной. Душа ликует от счастья. По пути в лесной зоне встречаются зайцы, глухари. На границе лесной зоны в

карликовых березках - куропатки. В горах дует холодный сиверок, который метёт поземкой по крутым склонам. На лыжах дошли до подножия вершины, и затем пешком наверх по крутым склонам Малды-Из. Миша то и дело достает из рюкзака кинокамеру и снимает открывающиеся панорамы. С Заячьих гор потрясающий вид на остроконечную гряду Саблинского хребта. А с Малды-Из виден уже весь Урал, с дальними пиками Колоколен и красавицей Манарагой. Она вытянула вверх свои острые когти. Ближайший хребет Западные Саледы раскинулся перед глазами, как на картинке со всеми своими снежными вертикальными цирками и вершинами.

Совсем немного остается до конца подъема. Но он становится еще круче, идёт между обветренных камней, украшенных витиеватыми снежными надувами. От ветра и мороза на камнях из снега образовались причудливые узоры в виде заснеженных цветов. Мы восхищаемся их красотой и поднимаемся на самую вершину. Первый раз я был на ней почти 30 лет назад. Тогда на самом пике стоял деревянный пятиметровый тригопункт. Помню мы (студенты Ухтинского индустриального института) делали восхождение на Красный Камень 7 ноября с флагами - такая была у нас ежегодная горная демонстрация. А после восхождения в лагере - салюты, факелы, песни - до поздней ночи.

Сейчас на вершине нет ни тригопункта, ни бюстов Ленина, ни российских флагов. Один занесенный снегом тур, сложенный из камней. Меняются даже горы. Любуюсь открывшейся панорамой, и не могу вспомнить тех ощущений, что переживал в молодости. Такое чувство, что горы были совсем другие. Надо сказать, что такой отличной погоды у нас тогда и не было. А горы меняются с каждым часом, с каждой минутой. Что уж говорить о трех прошедших десятилетиях.

Уже на спуске небо стало хмуриться и закрываться сплошной темносиней облачностью. Фронт непогоды приблизился к нам вплотную. Пошла оттепель, а вместе с ней снег становился рыхлым. Но еще по насту мы скатились все двадцать километров до открытого ручья Ниа-Ель, через который с утра сделали переправу из деревьев, и к семи вечера дошли до своей избушки.

Чем хороши конец мая и начало апреля - световой день очень длинный, темнеет только в десятом-одиннадцатом часу ночи, а рассвет ранний, - успеваешь переделать массу дел. Да и погода сравнительно теплая, с утренними "апрельниками". До обеда за время мороза до подлипа можно пройти все двадцать - тридцать километров маршрута. А остальное время отдыхать - наслаждаться горным пейзажем.

Если в горы я выбрался весь разбитый, с большим нервным переутомлением, то после купания в Теплых озерах я почувствовал себя так хорошо, как

будто вовсе ничем никогда и не болел. Домой захватил с собой целебной водицы для отца.

Вода из источников папке на какое то время помогла, он как будто пошел на поправку, но потом опять стал угасать. Он сильно похудел, осунулся, стал кротким и смиренным, как ребенок. Примирился со всем миром, раскаялся во всех грехах. Ещё в больнице просил у матери прощения за свои давние грехи молодости. Теперь полностью он был зависим от врачей, нянечек, медсестер и матери, которая проводила около его постели все дни. Больница только ухудшила его состояние. Врачи сказали нам, что отец очень плохой и долго не протянет. Мы решили забрать его домой. Надеялись, что быть может дома, он пойдет на поправку. И папка тоже надеялся на это, просил, чтобы мы его побыстрее забрали из больницы.

Все врачи и медсестры прощались с отцом уже навсегда, понимая, что он скоро умрёт. Одна медсестра перекрестила отца в дорогу, когда из палаты мы возили его на каталке.

- Ну, что папка, поедem домой! - ободряю отца.

У самого слезы из глаз.

- Да я уж здесь нагостился - шутит он.

От капельниц и уколов все вены на руках и ногах и весь живот у него сделались синие. При мне медсестра раз десять колола папку иглой во все части тела, пытаясь попасть в вену. Шурудила внутри, словно это не живой человек, а какая то кукла. Я совсем недавно проходил эти процедуры и понимаю, какие нечеловеческие испытания выпали на долю отца. Но он даже и на такие издевательства не обижался. Спросят его:

- Вам больно?

- Нет, не больно! - Папка умел терпеть боли, хотя к концу жизни они стали совершенно невыносимые.

В дороге домой держу единственную правую руку отца в своей руке. Она, в отличие от ног, постоянно была действующей, и с ее помощью он еще как-то мог помогать себе. Тащим с мужем сестры папку на одеяле домой на третий этаж, а он помогает нам, отталкивается от лестничных пролётов. У меня заходит сердце от слез.

Папка, папка, любимый папка! Разве ты думал, что когда-нибудь будешь в таком состоянии? Бывало, с мамой все спорили, кто раньше помрёт. Отец говорит:

- Я первый умру...

Мама:

- Нет, я...

Так и не определились, кому первому умирать. А Господь все рассудил по-своему...

Отец поначалу обрадовался, что вернулся домой, но состояние его было предсмертным. Никакого перелома в болезни так и не наступило. Папка умирал в невероятных муках. Очень тяжело дышал, сжавшись в калачик. Все жизненно важные органы, в том числе и головной мозг у него постепенно отмирали. Через три дня - 30 апреля в 2 часа ночи мама позвала меня к постели отца:

- Сынок, все, он отмучился...

Я подошел, чтобы проститься, целую еще теплое лицо, слёзы сами хлынули из глаз и мне сделалось так плохо, словно я сам принялся умирать. Несколько часов я лежал, как парализованный...

Последнее время мы с отцом были очень близки, на каком то клеточном уровне, чувствовали боль друг друга. Он сильно переживал за меня, боялся, если я где-то задерживался допоздна, а я за него. Перед каждым приступом я просыпался среди ночи, и начинал молиться за отца, пока мама оказывала ему помощь.

Похороны перенесли на четвертый день. С родной Нижегородчины должна была приехать папкина сестра - тётка Нина. Отец очень сильно ждал её, перед смертью постоянно спрашивал, когда же она приедет, да так и не дождался. Из тринадцати братьев и сестёр их осталось трое. Старший брат Павел сам уже на смертном одре, сейчас живёт в городе Бердянске на берегу Азовского моря. Из-за болезни он не смог приехать. А вот тётка Нина отличается завидным здоровьем и до сих пор, не смотря на свои семьдесят лет. Единственная из всех она является активной прихожанкой храма, постоянно исповедуется и причащается. Приехала, сразу же взяла у меня Псалтырь и начала читать по отцу. И не успокоилась, пока не дочитала до конца.

Отпевали отца в кладбищенском храме Пресвятой Троицы. Как-то легко и радостно стало на душе. Папка лежал, как живой в окружении горящих свечей и всех святых, которые смотрели с икон. Светло и радостно было ещё и оттого, что Господь забрал отца в свои небесные обители в свои пасхальные дни. Сподобился такой благодатной участи.

Папка часто снится мне после смерти. Чаще веселым, жизнерадостным, полным сил, с обеими руками. На сороковой день я увидел как его душа в виде белого-белого, необыкновенно прекрасного голубя взмывает в высокое небо. Думаю, что он угодил Богу своей праведной жизнью и мученической достойной кончиной.

Так уж получилось, что последние десять лет я жил с родителями. Давно готовый к смерти и в тайне желающий её, всё-таки я боялся, что бы, как старший брат не умереть раньше их, потому что второго такого удара они бы точно не смогли пережить. Слава Богу, отец умер раньше меня, и не смотря на невозполнимую боль утраты, я почувствовал некоторое облегчение, что все

случилось, как и положено в жизни, когда не родители хоронят своих детей, а дети родителей.

Папка, папка, мой любимый папка! Вечная тебе память!

Мария КУЗЬМИНА

О ВЕЧНОМ

Время уходит,
А мы остаемся.
Любим, страдаем,
Навек расстаемся.
Время ж мотает
Дороги, как ленты.
Воспоминанья
Пакует в конверты.

Время,
Куда ты уходишь, однако?
Нам над тобою
Смеяться и плакать.
Скоро и нас
Позовешь за собой ты.
Путь твой огромен –
Не считаны версты.

Время!
Я ветер твой чувствую нервом.
Крутишь ты Землю
Упорно и мерно.
Толпы людей,
Как мустанги по сельве,
Бродят по ней
От печали к веселью.

Новое время,
Рождаешься где ты?
Что ты готовишь
Для нашей планеты?

Там, во Вселенной,
Прозрачной и ломкой,
Строишь пространство
Для наших потомков...

ЛЮБОВЬ

Как я долго живу на Земле!
Как давно я летаю над нею!
А когда окажусь я под нею,
Мне любовь к ней зачтется вполне.

Бесконечная водная гладь
И шумливое море лесов...
Будет душу мою нежно гладить
Тихий хор неземных голосов.

Но пока я живу, - наяву
Наслаждаюсь и солнцем, и ветром!..
Я любовью весь мир назову!
Поцелуем длиной в километры!

СВОБОДА

*Только в печали человек свободен
М.Шагал*

Вот и всё!
Только в мыслях к тебе я притронусь.
Вот и всё!
Ничего уж тебе не скажу.
Как цветок без дождя,
Умирает мой жизненный тонус,
И теперь я в сторонке одна посижу.

Посижу,
Посмотрю на тебя без печали,
Пустоту ощущая везде как фантом.
За окном

Ветер ветки рябины безлистой качает.
Вот и всё!
Но спасибо тебе и на том!

Владимир ОЛОФИНСКИЙ

* * *

Он не дёргал судьбу за хвост,
Жить старался легко и гладко.
А судьба – разгильдяй-матрос –
Получилась в жизни несладкой.

Рванный парус, какой в нём толк?
Боцман флаги устал менять.
Рулевой – он бывалый волк,
Но алкаш, и не дать и не взять.

Простофилю был он зря,
На попутный курс положил,
Только парус – сплошная дыра,
Да за дно зацепился киль.

И до берега не доплыть,
Только отмель да рифы кругом,
Хоть хотелось ещё пожить,
Но судьба не вильнула хвостом...

Он не дёргал её за хвост,
Жить старался легко и гладко.
А судьба – разгильдяй-матрос –
Получилась в жизни несладкой.

* * *

Я не думал, что буду плакать
В день весёлый, совсем приличный.
Вдруг созрел ответ на вопрос
Не глобальный, а очень личный.

Я заметил, большое небо
Утонуло в знакомой речке.
Светит солнце, и мне тепло,
Словно, в доме на русской печке.

И не хочется умирать,
Как не хочется жить за морями,
А какой ответ на вопрос,
Вы теперь догадались сами...

ВИКТОРУ САВИНУ К ЮБИЛЕЮ

*«Если государство хочет ликвидировать
своих врагов, оно должно действовать
быстро и жёстко во благо большинства»
(Макиавелли)*

Ты не допел о родине беспечно,
Тебя отдавшей на расстрел врагу.
Её в стихах любил ты бесконечно,
Она, как волка, загнала в тайгу.

Растит она теперь других кумиров,
Бодрит «гламуром» бледную страну.
Они таким, как ты, смеются в спину,
Их лица-задницы в газетах, как тату.

Тома «чернухи» пишут коллективно,
«Дом -2» лелеет трепетно народ.
«Нужны, - кричат, - стране парады геев!»...
Пусти козлов, однако, в огород...

На Савиновский праздник деньги спишут,
Попьют вина за вечный твой покой...
А над твоей могилой волки дышат.
Какая разница: земля твоя с тобой!

Да будет праздник не для пошлой скверны.
Ведь твой удел не сменят на уют.

Ты думал о России совершенной...
И в ней тебя ни раз ещё убьют.

Сергей ЖУРАВЛЁВ

**«ВЕТЕР ВРЕМЕНИ ОТСЕЕТ СОР ОТ ЗЁРЕН...»
ИЛИ ОБ АВТОРЕ НЕГРОМКИХ ПЕСЕН О СТОРОНЕ ОЗЁР ЛЕ-
БЕДИНЫХ**

В нашей республике есть два государственных языка, а значит, есть и два направления литературы. Это аксиома. Впрочем, первая книга стихов русского поэта Республики Коми вышла в Коми книжном издательстве, не так уж и давно – в конце пятидесятих годов прошлого века. Эта книга называлась «Моя звезда», ее автором был только что вернувшийся в родное село – Усть-Цильму после службы на Балтийском флоте Василий Журавлев. Он поэтической строкой говорил о северном мире, о бедах и радостях северного мира, того, в котором он вырос и без которого он не мыслил свое жизненное и творческое «я». Позднее пошла проза, не менее поэтичная, наполненная затаенной страстью любви к малой родине, той самой «стороне озер лебединых», которую сегодня нередко называют Русь Печорская.

60-70-е годы 20 века стали для него звездными, а начинающий поэт и прозаик Василий Журавлев неожиданно быстро стал именитым российским писателем Василием Журавлевым-Печорским. Его книги издавались не только в Коми книжном издательстве, но и в «Детской литературе» «Молодой гвардии», «Советской России». Стихи, рассказы очерки публиковались в десятках различных журналов и альманахов. Впрочем, цикл небольших эссе главного редактора газеты «Панорама столицы» Сергея Журавлева не столько о писателе Василии Журавлеве-Печорском, сколько об отце, посвятившем всю свою жизнь служению русскому языку и русской литературе.

ЦЕНА КАЗЁННОГО ДИПЛОМА

Десять лет назад, закончив Литературный институт им. М. Горького, получив «темносинюю книжицу», я вернулся в родной Сыктывкар, как аттестованный «литраб», то есть дипломированный литературный работник. Определенная гордыня имела место в сознании даже у вполне состоявшегося к тому времени журналиста, а потому, приехав из Москвы, положив на стол диплом и книжку стихов, которая была зачтена дипломной работой, я этак самоуверенно подумал: «Посмотрим, отец, чем защищал ты свое литературное имя на Высших литкурсах Союза писателей СССР». Первым под рукой оказался неболь-

шой сборник стихов «Моряна». В конце книжки - поэма «Ваня-Счастье»... Я ее прочитал взахлеб, а когда отложил книжку в сторону, то извинился перед отцом за свое само...бахвальство. Вспомнилось одно из его писем ко мне, когда я учился еще в техникуме. «Учеба – это система знаний, без которой в современном мире никуда. Из-за войны и голода послевоенных лет, я вынужден был бросить школу, но не учебу. И на полярной станции, и на службе находил время для нужной книги, для беседы со знающим человеком. Мне везло на учителей. Старый оленевод Пыерко на берегу Хайпудырской губы Ледовитого океана учил меня не только запрягать собак или оленей в упряжки, не только правилам народного выживания в самых суровых условиях Крайнего Севера, но и умению слушать человека. Мне это весьма помогало в дальнейшей жизни. На Балтике я встретил тех, кто научил меня уважать русское слово, использовать этот тонкий материал для создания образа, а Агния Барто, рецензировавшая мою первую подборку стихов, и только на одной странице подчеркнувшая строчку, отметив ее ремаркой на полях: «Вы – поэт!», дала мне урок терпимости к «наивности новичка» и редакторскому, наставническому поиску его исключительности, индивидуальности, самобытности. Когда я учился на ВЛК (Высшие литературные курсы Союза писателей СССР – прим. автора), в нашей группе не было новичков, ищущих свое личностное и творческое «я», а были фронтовики и, опоздавшие на войну», рожденные в тридцатых годах студенты - «писатели-переростки». Все имели не только свои книги, но и писательское имя. Но все мы учились, и я бы даже сказал, с наслаждением, так как уже взрослыми получили ранее недоступный нам плод. Впрочем, приехав в Москву ради дипломов, гарантировавших социальный статус, мы во время учебы начинали понимать, что все мы служим ее величеству Русской Литературе. «Казенный диплом» не определяет личностной сущности специалиста, он дает только систему знаний, чтобы понимать других и быть понятым другими, чтобы не изобретать велосипед...»

Письмо было получено в сентябре 1979. Одно из последних писем... В апреле 1980 его не стало. Ему было всего 50 лет, то есть столько же, сколько и мне...

«Я НЕ КАКОЙ-ТО ЖУРАВЛЁВ, Я – ЖУРАВЛЁВ... ПЕЧОРСКИЙ»

Меня нередко спрашивают: «Почему у вашего отца двойная фамилия Журавлев-Печорский?». Я и сам долго не знал этого, пока не встретился с профессором литературного института, прозаиком и киносценаристом Александром Рекемчуком.

В конце пятидесятых, начале шестидесятых Александр Рекемчук работал в Коми. В одной из журналистских командировок в Усть-Цильму, он нашел

время познакомиться с молодым поэтом, весьма ярко заявившем о себе первой же подборкой стихотворений, присланных в редакцию «Красного знамени». Судьба связала их надолго. Были радостные встречи, были творческие ссоры, но даже в последней книге В. Журавлева-Печорского («Стреха» 1980 г. Коми книжное издательство) одно из лучших стихотворений «Голубаны» было посвящено А. Рекемчуку.

Александр Евсеевич во время моей учебы и рассказал мне о том, что в шестидесятые годы в журналах публиковались четыре Василия Журавлева. Читатели их и так уже путали, становиться пятым было подобно творческому самоубийству.

- Во время учебы на высших литкурсах, в одном из московских журналов одобрив подборку стихотворений, редактор предложил Васе взять псевдоним - другую фамилию. Мол, Журавлевы на поэтических страницах журналов слишком много. Вася вспылил, хлопнул дверью. Вечером пришел в гости, чтобы поделиться нежданной напастью. Сидели, думали. Он говорил, мол, что мне других бояться, за чужой фамилией прятаться, я же Журавлев, и не какой-нибудь Журавлев, а Журавлев печорский. Утром сходили в редакцию, подборка вышла уже подписанная Журавлев-Печорский. Так появилась двойная, «почти дворянская» творческая фамилия писателя.

В ЗАСТОЙНОМ «ВРЕМЕНИ ПЫЛЬНЫХ ШЛЯП»

«Оттепель» сыграла огромную роль в жизни отца. Взлет поэзии, поездки по всей стране от Ленинграда до целинных земель северного Казахстана с литературными выступлениями. Московские споры физиков и лириков о главном – слове и образе свободным от тоталитарных оков... Когда началась «регламентация свободы» одни смогли согласиться с регламентами на творчество и, встав в профессиональный писательский строй, стали зарабатывать чины, звания, гонорары. Другие выехали «за бугор» и, хуля Отечество, стали не менее активно зарабатывать чины, звания, гонорары. В это же время появилась и третья категория литераторов, которую сегодня определяют, как «внутренних эмигрантов конца двадцатого века». На самом деле они не были эмигрантами, так как никуда не выезжали, даже в сознании своем оставаясь на Родине, подчиняя служением Родному краю свои дела и поступки. Окрыленные ветрами шестидесятых, они так и не смирились со временем пыльных шляп. «Я не умею носить цилиндр, но еще больше не умею изображать ношение цилиндра, что так лихо делают многие из моих однокурсников». Пишет Журавлев-Печорский в одном из своих писем друзьям. «В газете стало душно... надо уходить. Невозможно написать даже маленького рассказа, так как

думать уже начинаешь по газетно-правильным, согласованным и одобренным начальством шаблонам» - надрывно звучит цитата из другого письма.

И он уходит, чтобы не покалечить в себе писателя. Уезжает из Сыктывкара в родное село, где работает в районке «Красной Печоре». Точнее не работает, а подрабатывает, так как основным делом жизни становится писательство. Его уже не устраивают отдельные подборки стихотворений, он выстраивает композицию книг. Рукописи рассылаются, задерживаются, возвращаются. Изредка переводами приходят гонорары, которые удивляют односельчан значительными суммами. На селе трудно что-либо скрыть. Вот, ведь мол, не сеет, не пашет, скотину не обряжает, за что же такие деньги присылаются...

В глазах односельчан, он выглядит праздным бездельником, но это миф. Ведь суммы, приходившие по почте, следовало делить на количество месяцев, прожитых без зарплаты. Доносы... как без них: «...Журавлев-Печорский, нигде не работающий, называющий себя писателем, организовав коллективную попойку, сорвал выезд на сенокос... Требуем принять меры!»

Вряд ли бы кто из подписавшихся под тем обращением, удивлялся бы банкету для энного количества вип-персон в ресторане по поводу выхода книги в Москве, в издательстве «Современник», или «Детской литературе», наверно даже позавидовал бы: «Живут же люди...» Но когда выход книги отмечают все сельчане старше 20 лет... Это вызывает всплеск негодования, называется социально-опасным явлением. На требование общественности о принятии мер со стороны Союза писателей, председатель Коми отделения Союза писателей СССР Геннадий Юшков, ответил, что Василий Степанович Журавлев-Печерский, состоявшийся русский прозаик и поэт, к творчеству которого у профессионального Союза нет никаких претензий, а в личную жизнь членов Союза правление не вмешивается.

Журавлев-Печорский и в самом деле был состоявшимся прозаиком и поэтом, сумевшем рассказать о своем крае всей России, но судьба его полностью соответствовала поэтической фразе, в которой однажды очень точно написала о судьбе талантов в российской провинции Надежда Мирошниченко: «Провинция любит потом... Когда на кресте золотом».

Судя по тому, что книги Журавлева-Печорского читаемы, но заново издаваемы, не нашлось еще того кузнеца, который выковал бы его золотой крест, и вывел его произведения на новый уровень их восприятия обществом. Хотя, если говорить о главном, то 28 книг стихов, прозы, публицистики о родной республике, вышедших не только в Сыктывкаре, оно и в центре, тысячи публикаций в различных газетах, журналах, альманахах, продолжающих время от времени выходить и сегодня, это серьезно... Это очень серьезно.

Когда встречаешь бывшего десантника, который где-то в Буйнакске, в промежутке между боевыми дежурствами, брал в библиотеке книгу «Федькины уголья», чтобы хоть мысленно побывать на Родине: когда залезаешь в Интернет, ради интереса набираешь в поиске Журавлев-Печорский, и вдруг читаешь, что кто-то в Караганде, прочитав книгу «Сторона озер лебединых», собирается совершить летнее путешествие по Печоре, то начинаешь понимать: «Журавлев-Печорский живет в культурологическом пространстве современной России без... «раскрутки». Это говорит только об одном: произведения его несут то нравственное начало, то лечебное русское слово, которые и являются исконной сущностью русской литературы. Той самой сущностью, которую в России не способно закрыть от мира никакое застойное «время пыльных шляп».

ТЕРПЕНИЕ... МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ

В семидесятых-восьмидесятых годах прошлого столетия на полях рукописей Василия Степановича появляется рисунок: рыбак возле лунки присыпанный снегом, а снизу надпись: «Терпение!» Однажды рядом с этим рисунком рыбака появилась и поэтическая строчка о том, что ветер времени отсеет сор от зерен.

Сотни правок, десятки пометок на полях. Резковатый, торопящийся жить, он стал въедливым к каждому слову. Ждал с нетерпением гранок трех книг, принятых к изданию в год его 50-летия. Гранок он не дождался. Однажды, кто-то из односельчан, зашедших его навестить в родительском доме после юбилея, обнаружил, что Василий Степанович покинул земной мир. Болезнь, которую он скрывал от друзей, остановила его жизнь. На полу лежали уложенные пачки рассортированных рукописей, через них от стола к кровати тянулась цепочка кровавых пятен... Первой в Усть-Цильму прилетела жена – Альфрида Ивановна Журавлева.

Если рисунок рыбака с надписью «Терпение» у Василия Степановича появился под конец жизни, то каждый день его жены был наполнен этим словом. Если бы женщины создавали рыцарские щиты с девизами, то у Альфриды Ивановны на щите девиз «Терпение!» должен был быть начертан трижды. Молодая медсестра, приехавшая осваивать Север на берега непонятной реки Ухты, попала в странный мир романтической комсомольской стройки и пугающей колючей проволоки. Готовилась все бросить и вернуться на родину, но встретился он... лихой поэт в морском бушлате и тельняшке, способный разбудить ночью, и перед ее сменой читать свои стихи, посвященные ей. Приходилось терпеть и ночные стихи, и компании друзей журналистов, писателей и художников, накрывать стол на скудные доходы. Нужно было терпеть, когда

муж вдруг решил ехать в Москву, учиться на дневном отделении ВЛК, а было уже двое детей. Нужно было терпеть угарные печки частных квартир, когда муж решил переехать в родную Усть-Цильму из Ухты, так как в Усть-Цильме газете «Красная Печора» требовались профессиональные корреспонденты. Нужно было терпеть, когда муж бросал работу и уходил в творчество. Терпеть и обязательно скрупулезно выискивать, собирать по копейке деньги на поездку детей к морю, на юг, к бабушке. Каждый год, каждый месяц, каждый день прожит под девизом «Терпение!». Даже гранитную плиту в Усть-Цильму для установки памятника на могиле мужа пришлось везти поездом, теплоходом с многократно произнесенным про себя словом: «Терпение!».

Она любила не писателя, а растрепанного, взъерошенного, иногда галстучно-непривычного Васю-Василька; взрослого, влюбленного во весь мир мальчишку, отдающего всего себя вздоху миру, порою забывавшего о ней. Точнее не забывавшего, а считающего ее той неотъемной частью себя, которая неизменно с ним, где бы он ни был.

Низкий поклон тебе, мама за стократно-умноженное терпение. За твои грустные глаза, когда я сообщил тебе о своем поступлении в Литературный институт. За телефонные звонки с пересказом впечатлений твоих подруг о прочитанных ими стихах отца или моих журналистских опусах. А еще один поклон до земли за веру... За веру в отца и его талант, за веру в мои силы, за то, что ты ни разу не усомнилась в выбранном для себя тернистом пути жены (а потом и матери) российского литератора.

«ЛИРИЧНИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ РУССКОГО СЕВЕРА»

В одной из своих автобиографий Василий Журавлев-Печорский отметил: пост главного редактора я занимал лишь однажды: когда был главным редактором школьной стенгазеты.

Пролистывая его трудовую книжку, отмечаешь, что он и в самом деле чинов и званий не имел. Радист Усть-цилемского авиоотряда, радист Промыслово-охотничьей полярной станции, литературный работник, корреспондент... корреспондент... корреспондент... Творческий работник... Этих записей не так уж и много.

Зато в архиве есть рецензии на книги. Разные рецензии на разные книги вышедшие и не вышедшие в свет. Критикуя и поощряя, все эти рецензии едины в одном: В. Журавлев-Печорский знаток природы и людей русского Севера, рассказывающий о Севере и людях на самобытном русском языке. Рецензенты нередко обвиняли его в излишней репортажности стихотворений и излишней лиричности прозы. Он только усмехался, прищурив глаза. Упертый, он был из тех, кто знал чего он стоит. Умел отсортировать критические словес-

ные зерна от плевел, использовать эти зерна-замечания в будущей работе, но в то же время к словесной шелухе относился весьма раздраженно. Выплеснуть на каком-нибудь поэтическом семинаре в сторону автора стихотворения с излишним обилием служебных слов, союзов и частиц что-то вроде: «Тебе не надоели эти «сучкины» подскоки на ямбах и хореях?», - он мог в легкую. Впрочем, это бывало не так уж часто, да и то бросалось только в сторону излишне назойливых рифмоплетов, почти требующих массового хвалебного «одобрямса». Бывало, подобная ёрная фраза порождала недоброжелателей, но чаще ссора затихала за стопкой приятельского магарыча, принесенного им же самим к примирению.

Больше всего отец гордился только одним неформальным званием, которым отметил его творческое «я» один из известных московских критиков в своей рецензии: «Василий Журавлев-Печорский – это лирический энциклопедист русского Севера».

Через десять лет после смерти Журавлева-Печорского, в подписной библиотеке издательства «Молодая гвардия» «Постижение родства» вышла книга антология лучших рассказов о природе России. В ряду авторов оказалось немало шестидесятников, и в один ряд с рассказами Белова, Распутина, Астафьева были поставлены и рассказы Василия Журавлева-Печорского, вернувшегося после смерти в боевой писательский строй за сохранение русской природы и русского языка. Вернувшегося в круг тех, с кем вместе в начале шестидесятых входил в русскую литературу.

СИЛА ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА

Отец заикался с детства. Спасло поэтическое слово. Стихи заучивались и читались вслух. Бабушка Рая, сельская учительница начальных классов, использовала это лекарство для всех первоклашек, заикающихся от волнения. Сегодня у профессиональных психологов есть даже такая технология обучения: заикающиеся заучивают стихотворения или песню и выходят в людный магазин чтобы, читая стихи, исполняя песни бороться с волнением, робостью, заиканием. Бабушка курса практической психологии в конце двадцатых годов прошлого века не знала. Зато она знала, что слово имеет силу и способно врачевать недуги. Нет, она не была ворожеей, более того, она была одной из мезенских выпускниц педагогического техникума - «краснокосыночниц», которые отрицали любую мистику, и добирались на перекладных в припечорские старообрядческие деревни для ликвидации безграмотности. Зато, как любой представитель российской земской интеллигенции, она любила песню, слово устное и слово книжное. Было и у нее несколько публикаций в молодости, вела она дневники почти всю свою жизнь, а сердце свое отдавала детям. В

первом списке учителей Коми края, отмеченных за свой труд орденом Трудового Красного Знамени, вписана Раиса Ивановна Журавлева. Она гордилась этим орденом, но еще больше любовью своих выпускников из различных припечорских сел и деревень, расположенных выше Усть-Цильмы - Карпушовки, Коровьего ручья, Чукчино. Многие из них и сегодня, приходя помянуть своих родных на коровьеручейское кладбище, обязательно подходят к могиле своей первой учительницы.

Веру в силу слова Василий Журавлев-Печорский не только перенял у своей мамы, но и пронес через всю жизнь. Он не раз запальчиво спорил о том, что «недооцененное слово» рождает «мертвый образ». Сегодня мне вспоминаются только обрывки фраз, влетающих из «громких, но скучных» разговоров отца и его друзей в мое незрелое отроческое сознание. Жалею, что удержалось мало, что не могу вспомнить рассказов отца о Николае Рубцове, с которым они жили на разных этажах одного общежития; с улыбкой вспоминаю, как по-детски подсмеивался и передразнивал после рыбалки, рассказывая приятелям о двух заикающихся поэтах – Журавлеве-Печорском и его друге Николае Тряпкине. (Том самом Николае Тряпкине, которого нельзя не назвать одним из уникальнейших мастеров русского поэтического слова второй половины двадцатого века), но не помню ни одной значимой фразы из их разговоров. Впрочем, у детства свои приоритеты, но все же хочется верить, что вся информация тех поэтических кухонных, рыбалочных бесед и споров записана где-то на моей матрице, ждет своего часа, а может, и опосредовано влияет на мою нынешнюю жизнь, ведь и я, как отец, стараюсь служить родному русскому слову.

Александр ЛОБАНОВ

РУСЬ, КАК ПРЕЖДЕ...

Снова вечер, и залита сумраком улица,
И от спячки дневной фонари просыпаются,
Жалюзи близоруко под лампами шуряют,
И, как шершни, снежинки безжалостно жалятся.

Снова вечер. Эмоции гасятся тусклостью,
Облепившей пространства, доступные ракурсу.
От усталости тянет сознанием спутаться
И в постельном белье поскорее упрятаться.

Снова вечер. Вчера и сегодня и далее -

Становясь, и скучней, и обыденней возрастом,
И упорно растущей диаметром талией,
И магнизией в вену, и кальцием хлористым.

Снова вечер. И всё, словно сном обесцвечено.
Фары с яростью бьют - по глазам, ослепляюще.
Сквозняки из дворов отпускают затрещины.
Гололёд караулит отбить Вам седалище.

Снова вечер. Зима. Мир кишит парадоксами.
Чехарда у рулей, кошки-мышки с народами.
И, как прежде, бредёт Русь голодная, босая,
Но с прямою спиной и загадочно гордая...

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Целовать, задыхаясь, слова и подтексты,
Умиляясь нежданной наивности строк -
О как признаки этой болезни известны,
Как легко предскажем конечный итог!

Карандаш - обязателен и беспристрастен
И грамматикой жертвовать не умудрён.
Он всегда даже там, где безумствует счастье,
Подведёт резюме, не нарушив закон.

И однажды, проснувшись один среди прочих
Отпылавших и стынувших на пустоте,
Устыдишься оставшихся лишь многоточий
На своём, как безмолвие белом, листе.

ЛИВЕНЬ

Дождь высыпался весь, как будто опрокинутый,
На спёкшийся асфальт, на зебры переходов,
Спрессованную пыль от центра до периметра
Пенатов городской июльской несвободы.

Метнулся по двору, как шершнями пожаленный,
Иссохший без воды, линяющий, как пёс,

Матёрый летний зной в ожогах и подпалинах,
И – в подворотню, вон! И – хвост едва унёс...

Во множестве кругом возникли змеевидные
Полоски ручейков и хлюпалища лужиц.
В верхах блеснул зигзаг,
и треск жестянки выдранной
Шарахнул по ушам, смешав восторг и ужас.

Вздыхнул душой бетон, а рубероид кровельный
Помпезно заблестел и выпустил пары.
А сверху – снова треск: зигзагами изорванный
Сражался небосвод с остатками жары.

Смешение стихий рождало пересортицу
Эмоций, воли, чувств и смену настроений.
Но каждый знал, дождём погода не испортится,
Как будто слыша рёв восторженных растений.

Валентин ОХАПКИН

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ

*"Пасите Божье стадо, не принужденно, но охотно и богоугодно,
но не для гнусной корысти, но из усердия и не господствуя,
но подавая пример" (Библия)*

СЛОВО ОСТАВЛЕННОЕ МИРУ

В последние годы жизни Л.Н. Толстой считал писательство пустым занятием и большим грехом. Главным своим наследием он считал дневниковые записи, философские искания.

Его взгляды на педагогическую деятельность ("новое для меня поприще") поражали своей смелостью, оригинальностью и правдивостью. Прежде чем открыть свою школу (1849 г.), он пополнил свои педагогические знания заграничной поездкой, в ходе которой встречался с выдающимися педагогами и изучал опыт в западноевропейских городах. Он обобщил этот опыт в журнале "Ясная поляна".

Это была необычная школа. Ни книг, ни тетрадок никто не носил. Уроков на дом не задавали. Выговоров за опоздание не делали. Лев Николаевич выступал не как строгий учитель, требующий повиновения, а как большое дитя. Он отдавал детям свою душу и делился всем своим несметным духовным богатством. В его школе было сорок маленьких "мужичков" отличающихся сметливостью, простотой, невосприимчивостью к фальши, опытом практической жизни. Он был не только педагог – теоретик, но и педагог – практик. Его волновали два вопроса – чему и как учить детей. Особое внимание он обращал на сочинительство, на умение выражать мысль.

В 1872 году написал "Азбуку", а еще маленькие литературные шедевры: "Три медведя", "Филиппок", "Кавказский пленник" – произведения, оставляющие у детей неизгладимый след на всю жизнь.

Его "Азбука" выдержала 25 изданий, а школ в 1862 году было уже 15 больших и 30 маленьких.

В печати появились статьи Л.Н. Толстого "О народном образовании", "О методах обучения грамоте", "Воспитание и образование", "Прогресс и определение образования".

Он неустанно ставил вопрос: чего хочет человек? И отвечал:

"Если богатства – будет отбирать у других.

Почестей – будет потакать, услуживать и презирать всех.

Славы – будет всем жертвовать.

Удовольствий – будет искать средства увеличения наслаждений".

"Злые дела делаются из-за славы и похоти, но похоть с годами ослабевает, а соблазн славы людской с годами только крепнет и усиливается".

Вот его педагогические постулаты: "Человек – дробь: Его достоинства – числитель, а то, что он о себе думает - знаменатель". "Живи для души, а не для тела... Спасая свою душу, мы спасаем мир". "Расти медленно, как - дерево". "Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, он будет много лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет любовь к делу и к ученикам, он совершенный учитель".

Похоже "Свободная педагогика" Л.Н. Толстого возрождается. В настоящее время в России насчитывается около 100 школ Л.Н. Толстого. Ярым сторонником и последователем "свободной педагогики" является Виктор Ремезов. Этой педагогикой заинтересовались и в зарубежье. В Японии издали "Азбуку" Л.Н. Толстого в 50 тысяч экземпляров. Ее стали изучать в Англии, Германии, Южной Корее. В Южной Корее "ноу-хау" школу Толстого оценили в 1 миллиард долларов, потому что "свободная педагогика" Л.Н. Толстого учит что есть "я" в

этом мире, учит говорить о жизни, учит раскрывать потенциал, ребенка не подавляя ученика.

Л.Н. Толстой говорил что "всякое принуждение указывает на недостаток метода преподавания.

"Кто дорожит жизнью мысли, тот знает очень хорошо, что настоящее образование есть только самообразование, и что оно начинается только с той минуты, когда человек, распростившись со всеми школами, делается полным хозяином своего времени и своих знаний" (Д. Писарев – русский философ, публицист и литературный критик).

Своеобразным сторонником индивидуального самосовершенствования может служить Л.Н. Толстой. Так после оставления университета Л.Н. Толстой составил для себя правила воли и памяти, состоявшие из 43 пунктов. Вот основные:

1. Что делать каждый день до мелочей даже, сколько трубок выкурить в день.

2. Спать как можно меньше – во сне воля отсутствует.

3. За 2 года в деревне усвоить весь университетский курс, изучить медицину, сельское хозяйство, полдюжины иностранных языков, написать диссертацию и достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи.

М. Горький самообразование назвал своими университетами. Учиться и доучиваться в таких университетах необходимо всю жизнь. Подобным образом поступали многие выдающиеся личности, в частности и А.С. Макаренко.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Известно, что Л.Н. Толстой был отречён от церкви (без анафемы) Святейшим Синодом 20-23 февраля 1901 года. Умер Толстой без причастия, так и не примирившись с церковью.

Вот запись из дневника Иоанна Кронштадского, сделанная накануне 80 летнего юбилея Л.Н. Толстого:

"Господи, не допусти Льву Толстому, еретику, превзошедшему всех еретиков, достигнуть до праздника Рождества Пресвятой Богородицы, которую он хулил ужасно и хулит. Возьми его с земли – этот труп зловонный, гордостью своей посрамивший всю землю. Аминь".

А Епископ Гермоген на 80-летний юбилей писателя прислал телеграмму: "Окаянный, презирающий Россию, Иуда, удавивший в своем духе все светлое, нравственно-чистое, нравственно-благородное, повесивший сам себя, как лютый самоубийца на сухой ветке собственного ума и развращенного таланта".

А вот ответ Л.Н. Толстого.

"Любезный брат Гермоген. Ты пишешь, что я заблудший, я – вредный человек, но ведь я – человек и брат тебе. И вот следуя этому закону, обращаюсь к тебе, как брат к брату, как старший брат к младшему с любовным словом укоризны и увещания. Нехорошо поступил ты, любезный брат, отдаваясь недоброму чувству раздражения. Если словами этими я огорчил тебя, то прости меня. Я ничего не желаю, кроме добра тебе".

"ВЫ ЮНЫ, КАК АПРЕЛЬ"

А.С. Пушкин, будучи в ссылке в Михайловском, часто посещал «дев гор» в Тригорском. Там он, играя – шутя грозил им длинными ногтями, гонялся за маленькой, бойкой и озорной девчонкой Машей Осиповой. Маша любила задирать Пушкина и часто мешала ему работать. Пушкин сердился, но, помня, что имеет дело с ребенком – однажды произнес:

- Вы юны, как апрель.

Когда Маша подросла, ее матушка П.А. Осипова заставляла ее зубрить тяжеловесную русскую грамматику Ломоносова. Маша попросила Пушкина защитить ее от педагогических наставлений матери. Пушкин так убеждал П.А. Осипову:

- Я вот отродясь не учил грамматики и никогда ее не знал, а слава богу, пишу помаленьку, не совсем безграмотен.

Став взрослой, Маша превратилась в прехорошенькую девушку, и даже (в 1835 г.) была влюблена в Пушкина.

По иронии судьбы, эта «юная, как апрель» девушка Маша, ее младшая сестра Екатерина, их мать П.А. Осипова участвовали в похоронах Пушкина, гроб с которым на псковщину привез А.И. Тургенев со слугой Пушкина Никитой Козловым. Уже после смерти поэта – за Машей – соперничая, ухаживали дряхлый старик (отец поэта) Сергей Львович и его сын Лев Сергеевич. Маша сильно увлекалась Львом Пушкиным. Но ревность Маши разочаровала Льва Сергеевича, и он к ней охладел, не сделав предложения. Тогда предложение сделал отец – «старый селадон», как звала его Маша. Но он получил отказ.

В качестве помещицы с. Тригорского Маша стала рачительной хозяйкой. Она осталась в девках, незамужней и умерла в 75 лет.

Мне же так понравилось выражение А.С. Пушкина «вы юны, как апрель», что я написал четверостишие:

Я к вам спешу, мадемуазель,
Мой след не спутает метель.
Пришла весна – звенит капель,
И вы так «юны, как апрель».

* * *

В семье Пушкиных все любили собак. Однажды А.С. Пушкин подарил щенка своему отцу и сказал, что его зовут "Русло!" по имени его губернатора на которого еще, будучи мальчиком, Пушкин обиделся, за то, что тот осмелял его стихи. Но щенка стали звать не Русло, а Руслан, в честь героя поэмы А.С. Пушкина. Его очень любили, и когда он издох, Сергей Львович даже написал эпитафию и заказал художнику написать свой портрет и у ног своих изобразить Руслана. Нарисовала Руслана и Ольга Сергеевна (сестра А.С. Пушкина). Портрет и акварельный рисунок сестры поэта сейчас находится в Михайловском доме поэта.

* * *

Отца А.С. Пушкина Сергея Львовича всегда тянуло к беспечной жизни к обществу холостяков, рогоносцев и вольных дев. В старости был чрезвычайно слезлив и весьма рано обречался – влюблялся в десятилетних девочек. Писал им записки только стихами и прелестно ревновал.

Был влюблен в Марию Осипову, в А.П. Керн (предмет увлечения сына), писал ей любовные письма, а затем влюбился в ее дочь, хотел жениться на ней, за несколько дней до своей смерти в семьдесят три года. Влюбленность его проявлялась в том, что он ел кожицу от клюквы, которую она выплевывала.

* * *

У предков А.С. Пушкина Ганнибалов было много внебрачных детей и представители этого "подлого сословия" писали царю о разрешении носить фамилию Ганнибал. Николай I был удивлен, что их так много и сделал внушение губернатору за падение нравов. А в резолюции написал: "Да, фамилия знатная, целая Ганнибальщина получается. Присвоить просителям фамилию Ганнибал, но только задом – наперед, сиречь Лабиннаг, а не Ганнибал никакой".

ТЯЖЕЛАЯ НОША

Шел обычный педсовет. Хотя для молодой студентки он был важным, решающим ее судьбу. Она действительно совершила проступок, заслуживающий отчисления из учебного заведения. Это было так очевидно, что никто из учителей не осмелился защитить ее, найти хоть какие-то слова снисхождения.

Но меня поразил не сам факт обсуждения, а отец девушки, присутствующий на педсовете. Красивый, высокий мужчина с каждым выступлением учителей низко опускал свою седую голову. Ему трудно было говорить. Медленно,

с трудом подбиравший слова, сгорбленный он без возражения принимал этот суровый приговор.

Казалось, что при этом он медленно поднимается на нескончаемо высокую гору и несет очень тяжелый груз. Справедливо говорят, что родительское горе – самая тяжелая ноша.

ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Однажды мы всей группой ехали в автобусе с полевых работ. Или оттого, что дорога была длинной, или потому что девушки устали, или это закон дороги – одним словом, они сладко дремали, тесно прижавшись, друг к другу.

Интересно было наблюдать за N. Просыпаясь от толчков, она часто поправляла волосы своей подружке, которая склоняла свою голову на ее плечо. N как-то, по-особенному, с материнской нежностью подкладывала свою ладонь под спящую голову подружки.

Так делала только она, и со стороны это выглядело очень мило. В ней, молодой еще девушке, просыпалась мать с ее прекрасными, еле уловимыми зачатками нежности.

* * *

Воспитывая ученика на положительных примерах, непременно учите его умению отыскивать свой путь, "свою колею" (В.С. Высоцкий). На эти качества указывали еще гении литературы: "Историю творят единицы, а не народные массы. Нравственность есть закон природы" (А.С. Пушкин). "Истину ищут одиночки. Стадность – прибежище неодаренных" (Б.Л. Пастернак). "Никуда не ходи, все внутри тебя. Все ищи в себе" (Л.Н. Толстой).

"ГАДКИЙ УТЁНОК"

В классе ее не любили. В ее еще маленькой жизни было мало радостных минут. О таких обычно говорят, что у них не было детства. Она выглядела щенком, в которого бросили камень; беззащитно оцетинивалась и уходила в одинокое молчание. На замечание подруг отвечала сухо и категорично. Слез своих она стеснялась. Училась хорошо.

Так прошел год. Однажды ее избрали в актив группы по принципу "лишь бы не меня". И вот на одном из классных собраний она убедительно защищала трех девушек, которые совершили недостойный проступок. Нарушение было серьезное, и им грозило исключение из учебного заведения (вышли и обругали матом высокого милицейского чиновника, который был в граждан-

ской форме). И когда одна из нарушительниц благодарила группу за то, что они "взяли их на поруки", у нашей героини на глазах появились слезы.

Как все переменялось. К ее словам прислушиваются, она успешно решает классные вопросы, за ней идут те, кто совсем недавно считал "гадким утенком". У нее словно выросли крылья. И уже совсем скоро она превратится из "гадкого утенка" в "царевну - лебедь". Надо еще немножко окрепнуть, и взмахнуть крыльями, уверенно улететь к людям. Так и случилось. Теперь она работает в педагогическом институте и счастлива.

О РОЛИ ВОСПИТАНИЯ

Почему один малыш разоряет гнезда, убивает птенцов вопреки учительскому слову, а другой, заглядывая в гнезда боится потревожить птенцов, боится испугать их.

Сколько здесь усилий воспитателя и сколько – от природы самого человека?

Вероятно, правы были авторы христианских житий, полагавших, что праведник уже рождается с устремлением к праведности.

Так рассуждал Преподобный Сергей Радонежский, чтимый народом Божий угодник, "игумен земли Русской", великий патриот и подвижник, составитель учения о Троице, указывающий нам путь к спасению.

* * *

Когда мы пытаемся убедить ученика, что безнравственно опаздывать на уроки или что курение, алкоголизм и наркомания вредны, то они это воспринимают как нравственное занудство. Но если опоздания случаются регулярно, то это переходит в привычку, привычка в свою очередь формирует характер, а характер, как правило, определяет судьбу человека. Таким образом, выстраивается любопытная цепочка: вредные человеческие пороки → привычка → черта характера → судьба человека. Понять это мешает ученику отсутствие воли и лень. А, как известно лень – "мать зла". Лень и отсутствие воли порождают еще одну черту – русскую беспечность – привычку полагаться на авось. "Если задумаешь уронить человека во грех, - пропусти его в лень и сон, и тогда натура до того выносливая, отзывчивая и сердобольная рассыплется аки дорожный прах в горсти". В. Личутин.

Кстати, И. Бродский курение называл – "это мой Дантес".

НЕВИННЫЕ СЛЁЗЫ

Вы, вероятно, бывали свидетелями того, как плачет маленький ребенок, у которого отняли любимую игрушку. Слезы его чисты и невинны.

Шло одно из классных мероприятий, с бурным обсуждением, каких бывает множество.

Одну из девушек обвиняли в поступке, которого она не совершала. Она не оправдывалась – она плакала... Плакала взхлеб, долго, чистыми слезами, вызванными несправедливостью. Я очень редко наблюдал здоровый смех, а это был такой же редкий плач. Почти взрослый человек плакал как ребенок. И все убедились, что это были слезы невинного человека. Что впоследствии и нашло свое подтверждение.

* * *

Часто еле уловимые движения, жесты взгляд, манера говорить, могут сказать больше, чем душевная беседа.

Американские ученые установили, что всего 7% информации передается словами, и более 50 % выпадает на долю мимики и жестов.

Библия нас учит: "Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их".

Помните, что безнравственные люди очень часто любят морализировать. И потому судите о людях по поступкам, а не по словам.

* * *

В школе учитель спрашивает ученика, как отдыхали во времена А.С. Пушкина дворяне? Куда их приглашали записочками?

Ученик молчит, затрудняясь с ответом, теребя серьгу в ухе. Учитель: - "Если тебе трудно сформулировать, скажи своими словами".

Ученик:

- Ну, чё, типа... короче. В то время рэпа не было, потому пипл, оттягивался на баллах. И они там колбасились, и был полный улёт.

Хотя жизнь и является поставщиком слов, но...

Чтоб слово русское сберечь

Запомни – ты его посланец.

Ведь от того скудеет речь,

Что говоришь как иностранец.

* * *

В средствах массовой информации продолжается "пичканье" русского человека словесной бурдой. Появились красивые слова: модернизация, вектор

развития, система координаций, бренд, трейд, парадигма, драйв. Из уст чиновников часто можно слышать подобные "перлы": "идет третий этап заключительного периода продолжения окончания выполнения правительственной программы стабилизации экономики России".

Так государство корчится в муках возрождения.

* * *

Иоганн Генрих Песталоцци, великий педагог, гордость Швейцарии, прожил свою жизнь под девизом "все для других, ничего для себя" (это и написано на его могиле). Дети любили его до слез, друзья считали сумасшедшим, а короли и философы почтительно слушали.

* * *

Ни знания, ни мудрость, ни талант, ни деньги, ни власть не сделают человека счастливым, а только любовь и добро. "А что есть добро – спрашивайте у совести" (Н.М. Карамзин).

Митрофан КУРОЧКИН

БЕГ НАЛЕГКЕ

Яму на участке дачном
Под компост копал Федот.
Дачник выглядел несчастным,
Как облезлый старый кот.

Знойным выдался денёк,
Но Федот махал лопатой,
Проклиная солнцепёк
Холодком манила хата...

Он разделся до трусов,
Не было вблизи соседей.
Гомон птичьих голосов,
Не тревожил душу Феде.

Яма двигалась к концу,
Но случилась вдруг заминка:
Как ладошкой по лицу –
Лопнула в трусах резинка.

Кинул взгляд окрест Федот –
Лишь кудрявые рябинки.
И смахнув солёный пот,
Занялся трусов починкой.

Молча занимался делом
На завалинке в тени.
Втягивал резинку смело –
Так трусы свои чинил!

Вдруг увидел он на грядках
Двух молоденьких в косынках.
Те клубнику без оглядки,
Клали бережно в корзинки.

Наглость эта возмутила,
Бросился Федот к воровкам,
Разорался что есть силы,
Отхлещу, мол, вас верёвкой.

«Хрен вам – не моей клубнички,
Что столбами тут застыли!?»
С визгом обе истерички,
Побежали что есть силы...

Не догнал он никого...
Дамы, словно серны, мчались...
Вдруг он понял отчего –
Трусы-то на завалинке остались!

ЛЕГЧЕ СТАЛО?

Дед в лесу однажды заблудился,
Бегал, суетился и кричал:
- Помогите, я с дороги сбился!
Голос надорвал и замолчал.

Ощутил вдруг сзади по плечу
Кто-то его крепко постучал...

Мол, сейчас навеки замолчу,
Как телок со страху замычал.

Вот ни жив, ни мертв наш бедолага,
Увидал, что пред ним Медведь:
- Ты чего скрипишь, как колымага?
Всю округу взбаламутил ведь!

- Как чего ору? Я заблудился,
Испугался сильно и кричу,
В поисках назад дороги сбился,
Я домой скорей попасть хочу...

- Ну и что, на вопли я притопал,
Даже по плечу слегка похлопал...
И ещё медведь спросил устало:
- Что теперь тебе полегче стало?

КОШАЧИЙ ПРИЗЫВ

Призыв идёт в военных лагерях:
Матроскину – даёшь Морфлот,
Кота в средневековых сапогах –
В пехоту! Там пускай живёт.

Кот Васька – к поварам на кухню!
Пусть от перловки там опухнет,
Он ест солдатские харчи
И даже пузом не урчит.

Кот Леопольд, служи с охотой.
Знать, миротворцы упросили...
А Мурыч-кот – тот полоротый,
Его на справку «откосили».

Медбратом стал Ёшкин-кот,
И спирт крадёт, и «поддаёт».
Пусть на него главврач орёт,
Отправит, мол, в конвойный взвод.

У Лукоморья Кот-учёный
На службу смотрит обречённо...
А вот Чеширский обормот
В бегах давно – уж целый год.

Он исчезал всегда бесследно,
Ухмылку только оставлял,
И потому котяра вредный
Армейской службы избежал.

Сей «кот в мешке» попал в стройбат –
Виновен в том военкомат.
Ему комбат совсем не рад –
Какой же из него солдат?!

А, невезучий Чёрный кот
Отлично служит первый год.
Он счастлив и ему везёт –
В ансамбле пляшет и поёт.

А Кот Базилио каков:
Одет по форме, трезв и сыт –
Хранит он «Поле дураков»,
На вверенном посту не спит!

Призыв прошёл. Заполнен штат.
Надежда есть ли на солдат?

Виктор ДЕМИДОВ

ВЕЗДЕХОД В ТУНДРЕ

Станиславу Куняеву

Олени там, где дальний свет,
Где вездеходом ёрник рван,
Взрослеет ягель тридцать лет,
Сначала шрам, потом – проран.

Оценит внук, как мы не мудры:

Над ней – родимой! - надо б влёт!..
Да, вездеход он не по тундре –
По нашей совести идёт!..

ПОДСНЕЖНИК

Плачет снег. Спешат снежинки
Слиться в солнечный ручей.
И блестят сугробов спинки
От нечаянных лучей.

Там, где снежник,
Там – подснежник
Лепестки раскрыл свои.
Взял цветок
У снега нежность,
А тепло взял у земли.

Николай ТЕРЕНТЬЕВ

И ПОМАХАЛ МНЕ ЛАПОЙ НА ПРОЩАНИЕ (рассказ)

Есть у меня одно излюбленное хариусовое местечко. Без улова никогда не возвращаюсь. А вот однажды осечка получилась.

Как обычно, раненько утром сел на свой старенький «Урал» и рванул. Дорога – бывшая лесовозная трасса. Может, туда и рыбачков бы добиралось больше, но на пути было болотце. Но я-то дорогу изучил досконально. Тайна была в том, что в этом болотце сохранилась затопленная лежнёвка. По ней и проскакивал.

Приезжаю на место. Делаю разворот, чтобы не крутиться. Собираю снасти, беру рюкзачок. И слышу бултыхание на речке. Ну это уже не хариус... Ползу к краю обрыва. И точно: на моём перекате два медвежонка плещутся. А на бережку мамаша сидит и наблюдает за игрой малышей. А утро прекрасное, и картина такая живая. На душе радость растёт, что подсмотрел редкое явление.

Вдруг медведица рывкнула, шлепками погнала малышей из воды. И они исчезли в лесу. Я пытаюсь встать, но чувствую на затылке тяжелый взгляд, словно меня к земле пригвоздили. С трудом поворачиваю голову... О, ужас! В

каких-то пяти- семи метрах стоит на задних лапах громадный серый медведь. Голова с таз, наверное, будет.

И откуда у меня прыть взялась. Со страху скорее.

Я, как кузнечик, в два прыжка на мотоцикл. Завелась колымага вполборота. Тронулся. Всё-таки решил оглянуться. А медведь. Как стоял, так и стоит. Только поднял одну лапу и махнул ею. Езжай, мол, рыбачок.

Вот такая история. Думаю, что этот Мишуня наблюдал за медведжатами...

За снастями я поехал через денёк. Всё цело, хотя в рюкзачке кое-какие припасы были. Медведь самый умный зверь в тайге. И не зря его якуты считают своим прародителем.

Евгений ГОРЧАКОВ

ВЕСНА В НАСТУПЛЕНИИ

Посмотри, каким вдруг всё стало!
Как состарилось белое покрывало!
Зазвенелось, как и запелось!
Избавляемся как от мела!
Расплылось как в счастливой улыбке!
Натянулись как струны у скрипки!
...Позади зима, впереди – вечность!
Какая безграничная бесконечность!

В ПИТЕР

Снова дождь, как последняя капля,
Извергает потоки литер,
Наступлю на любимые грабли
И умчу поезд мысли в Питер.

Там, на площади на Дворцовой,
Разверну свою главную песню:
Жаль, что нет со мной Жигальцова –
Развернули бы песню вместе.

Скоро ночь – единица свободы
Расплетёт свои чёрные косы,
Поглотив безразмерные годы,
Смажет раны извечных вопросов.

И откинувшись на подушки,
 Попрошу у того, кто решает,
 Пусть шепнёт он тебе на ушко,
 Что все страхи вот-вот растают.

И начнётся другая эпоха,
 Где нет статусов и расстояний.
 Впрочем, жить и сейчас неплохо,
 Жить поэзией состояний...

Надо просто быть где-то рядом.

СЮЖЕТ ДЛЯ ПОСЛЕДНЕЙ СТРОЧКИ

Предметы становятся ближе,
 Стук сердца становится чётче:
 Взлететь с беспредельной крыши
 Может лишь смелый лётчик.

Стоящие под трамплином
 В небо устрелят свои руки:
 Он вылепил небо из глины,
 И взят кем-то там на поруки.

Он может значительно больше,
 Ему подвластны сомненья,
 Он чувствует жизнь тоньше,
 Он видит её в движении...

А завтра и лётчик, и тучи
 Сольются в единую точку,
 Как просто забавный случай –
 Сюжет для последней строчки.

В ВОЛШЕБНОМ ЛЕСУ
(сказка)

Катя и Марина подружки. Они сидят за одной партой и учатся только на пятёрки.

Однажды они шли из школы. У перекрёстка, девочки столкнулись со старушкой странного вида. На ней был передник, а в руках - метла.

- Девочки, - сказала старушка, - послушайте меня.

Катя и Марина удивились, но остановились:

- Слушаем.

- Я - учительница пения, и одну из вас приглашаю к себе на урок.

Первой согласилась Марина.

- Ну, вот и хорошо, - кивнула старушка, - скажи свой адрес. Я за тобой завтра зайду, и мы вдвоём пойдём на урок.

На следующее утро Катя пришла в школу и стала ждать Марину. Вот уже и звонок прозвенел, но подружки не было. Тогда Катя забеспокоилась. Может, что-то случилось, может, она заболела? Надо её навестить.

Когда Катя позвонила в дверь, ей открыла Маринына мама.

- Где Марина, почему она не пришла в школу? – спросила Катя.

- Ах, Катенька, я очень беспокоюсь, - ответила заплаканная Маринына мама. – Утром она сказала, что её ждёт во дворе учительница пения. И радостная выбежала из комнаты. А теперь я волнуюсь, потому что не знаю, где она.

Катя пошла домой. Ей надо было поразмышлять. Вчерашняя старушка с метлой спросила адрес у Марины, а свой не назвала и даже не представилась. Так кто же она?

Девочка не могла найти ответа, а чтобы успокоиться, взяла с полки свои любимые сказки. Раскрыла страницу, - и вдруг замерла. На картинке был изображён тёмный лес, избушка... Её поразила, что на пороге избушки стояла с метлой старушка, как две капли воды похожая на вчерашнюю «учительницу пения».

- Ну, конечно же! – воскликнула Катя. – Как это я сразу не догадалась! Это же Баба Яга! Родная сестра Кощея Бессмертного! Значит, она вышла из своей сказки, чтобы сотворить очередное зло!

Нет, эта старушка не из сказки!.. Не она ли на прошлой неделе пыталась нас закружить в лесу, когда мы с родителями ходили за грибами, зажигала огоньки то тут, то там. Надо спасать Марину!.. Старушку видела только я.

Значит, мне её и надо выручать. А мои родители об этом ничего не должны знать. Завтра воскресенье, скажу им, что идём с классом в поход.

На следующее утро Катя, проснувшись, увидела на столе записку. Мама писала:

«Катя, мы ушли по делам, завтрак приготовишь сама».

Катя налила в стакан молока, сделала пару бутербродов и быстро позавтракала. Теперь надо собрать что-нибудь из еды в дорогу. Путь предстоит неблизкий. Она сложила в рюкзак всё, что оставалось на столе, а по дороге решила купить ещё пирожков, которые очень любила. Потом взяла ручку, лист бумаги и быстро написала на нём: «Мама, не беспокойся, ушла с классом в поход. Катя».

Вскоре на автобусной остановке она ждала автобус № 5, на котором хотела доехать до ближайшей деревни, а дальше начинался лес.

Катя благополучно добралась до дороги, ведущей к лесу. Оказавшись в самой чаще, она огляделась и подумала: «Может, я не там Марину ищу?.. Этот лес совсем не похож на сказочный. Птицы поют, белка скачет по дереву, тут яма – наверное, медвежья берлога».

Она, как следопыт, исследовала всё вокруг.

- Ой, - вскрикнула Катя, пройдя шагов пять вперёд, и остановилась. Прямо перед ней лежал самый настоящий волк.

- Что делать, что делать? – встревожилась Катя. – У меня нет ни спичек, чтобы зажечь бумагу, да и бумаги тоже нет.

Тут волк поднял голову и заговорил:

- Здравствуй, красная девица! Куда путь держишь?

Какое-то внутреннее чувство подсказало девочке, что это не тот жадный волк, который ест детей, а совсем наоборот – добрый и, скорее всего, её друг.

Катя решила довериться Волку, - всё равно помощи ждать неоткуда. И она рассказала ему и о Бабе Яге, и о странной учительнице, и о подруге Марине.

- Знаю я эту Бабу Ягу и затею её знаю. Решила она своего братца Кощея женить, вот и ищет ему невесту. Обе понравились вы ей – одну из вас она и решила заманить. Марина попалась на её уловку и теперь её надо спасать. Скоро наш лес кончится, начнётся другой. Там тебя будет подстергать опасность. Только очень смелая и добрая девочка может пройти по тому лесу.

Катя поблагодарила Волка, повесила на кустик рюкзак, так как в заколдованном лесу он ей не нужен.

Волк ей сказал:

- Позови меня, когда тебе станет плохо.

В волшебном лесу Катя видит поляну, в середине её сказочное дерево, обмотанное цепями. К цепям прикован чёрный кот, из глаз которого сыплются

искры. Катя сразу узнала его: вот он какой – кот Баюн, нагоняющий сон на людей!..

Увидев Катю, кот Баюн промяукал:

- Здравствуй, девочка!.. Хочешь, я тебе сказку расскажу?

И, не ожидая ответа, начал говорить. Катя и не заметила, что слушает Кота. Вот уже её глаза начали слипаться, вот уже и лечь захотелось. Но тут Катя вспомнила, зачем она пришла. Собрала все силы, она заставила себя отойти от опасного места.

А лес становился всё гуще и гуще. Нигде никакого просвета!.. Но она шла и шла. И вдруг перед ней, как из-под земли, выросла избушка. Там кто-то разговаривал.

Катя прислушалась. До неё донёсся голос: «Как живёшь, Баба Яга?.. Нашла ли невесту для своего братца?»

- Нашла, Одноглазое Лихо! – отвечал другой - знакомый Кате, голос. – Красавицу, совсем молоденькую. Боюсь только, что найдёт сюда дорогу её подруга и сможет освободить её!..

- Не пугайся – подруге сюда трудно дойти. А если чудом и дойдёт, - кот Баюн её не пропустит. Ещё никто не проходил мимо него!..- сказал первый голос.

Дальше Катя уже не слушала. Она поняла, что Марина где-то поблизости.

Притаившись в укромном местечке, девочка стала ждать, когда обитатели домика уйдут.

Тут дверь избушки закричала ржавыми петлями, на пороге появились двое. Одна – уже знакомая Кате «учительница», вторая - в сером, грязном, длинном одеянии. Туда и сюда она вертела головой, а на лице её был всего один глаз.

Когда обитатели домика отошли подальше, Катя, оглядываясь по сторонам, отворила дверь в избушку. Катя ужаснулась, куда она попала: всюду сновали мыши, от пыли пол и стены были серыми. Будто по мягкому ковру шла Катя. Присмотревшись, она увидела русскую печь, рядом большую - со стул лопату...

Но Кате некогда было рассматривать убранство избушки. Она прошла к единственному грязному оконцу, через которое еле поступал сюда свет. Заглянув в него, увидела вдалеке высокую гору, а на её вершине – чёрный замк.

- Там и надо искать Марину, - подумала Катя. – Но как туда пробраться?

Выходя из избушки, Катя наступила на расписное блюдечко и увидела рядом наливное яблочко. Девочка положила яблочко на блюдечко. И о, чудо, - оно стало вращаться. А на блюдечке, как на экране, стали появляться изображения: башни, залы, подвалы...

Вдруг в одном из залов Катя увидела трон. На нём восседал Кощей Бесмертный. А у трона стояла Марина.

Прислушавшись, Катя поняла, о чём идёт речь.

- Ну, что, девочка, пойдёшь за меня замуж?

- Никогда! - твёрдо ответила Марина.

- В темницу её! – крикнул Кощей.

И двое стражников увели Марину из зала.

И тут в зал вошли Баба Яга, Одноглазое Лихо и Кот Баюн. Лица их были встревожены.

- Что случилось? – спросил Кощей.

- Беда, - замаячил Кот Баюн, - девчонка идёт сюда, она уже в избушке Бабы Яги!..

В это время изображение на блюдечке пропало, - и Катя решила, что пора убираться отсюда. И, торопясь, пошла дальше.

А в это время, Марина, сидя в подвале у Кощея, вспоминала субботнее утро, когда она так легкомысленно согласилась пойти неизвестно, куда с незнакомым человеком, якобы, на урок пения.

- Как я могла согласиться?! Ведь с самых ранних лет меня учили никуда не ходить с незнакомыми – тем более, - подозрительными людьми. Именно такой была «учительница пения»!..

Марина вспомнила Катю, ей стало грустно. Но она верила подруге и знала: Катя не оставит её в беде и обязательно найдёт. Марина пока не догадывалась, что Катя уже у ворот замка.

А подружка, измазавшись грязью, чтобы её приняли за кикимору болотную, постучала в дверь. Открыл ей сам Кощей.

- Ты кто? – спросил он.

- Я - кикимора, возьми меня к себе в служанки. Буду каждый день петь тебе колыбельные песни, - ответила пришедшая.

Кощей привёл девочку в зал и велел ей показать гостям, как она умеет петь колыбельные.

Катя начала со сказки Кота Баюна, которую запомнила. К её удивлению, с первых слов и сам Кощей и его гости зазевали и повалились, где кто сидел. Убедившись, что все спят, Катя стёрла с лица грязь и побежала в подвал, где сидела Марина. Стража пыталась её остановить, но сказка Кота Баюна и здесь помогла усыпить ей всех.

Марине в подвале вдруг тоже захотелось спать, но она пересилила себя мыслью о маме, о папе, о Кате и друзьях.

Вдруг тихо скрипнула дверь. Марина насторожилась: опять, что ли, Кощей?!

Но на пороге темницы стояла Катя – живая, настоящая, любимая подруга.

- Катя! – хотела, было закричать Марина, но подруга предостерегающе остановила её:

- Тише, тише!.. Все спят. Бежим!..

Взявшись за руки, они вышли из темницы. И тут Катя увидела просыпающегося Кощей с гостями.

- Держись за мою руку. Бежим скорее!.. Не спи и не споткнись... Потом всё расскажу.

А Кощей был уже совсем рядом. Вот-вот схватит скрюченной рукой Марину и оторвёт её от Кати. И тогда Катя вспомнила обещание Волка помочь ей в самую трудную минуту. Она поняла, что эта минута наступила, и закричала:

- Серый Волк, по-мо-ги!..

Эхо разнесло её призыв по чаще. Захрустели сучья, - и перед ними возник Волк. Он подхватил девчонок, забросил к себе на спину и быстрее ветра помчал их туда, где они встретились с Катей. Туда, где кончался волшебный и начинался обыкновенный лес.

Здесь Волк пригнуллся, чтобы девочкам легче было слезать с его меховой спины.

- Прощайте, - сказал он на прощание. – Я навсегда уйду из сказочного леса. А вместе со мной исчезают и все, кто обитал в нём. И ни Кощей, ни Баба Яга, ни другие сказочные герои не потревожат больше вас.

Хрустнула ветка, - и серый Волк исчез. Жаль, что навсегда.

Катя сняла с куста рюкзак. Девочки уселись на пенёк, достали вкусные, поджаристые пирожки. Они хрустели ими и наперебой рассказывали друг другу о своих приключениях...

Алексей ИЕВЛЕВ

КОНЦЕРТ

Альфие Коротаевой

1.

Сейчас,

Вот именно сейчас

Идут последние мгновения!

И вы окажетесь на час

Во власти музыки и гения!

На сцене нет простых людей.

В подмостки забивают гвозди,

Чтобы над суголокой дней
Взошли пленительные звезды.

Мир сцены – сказочной страны –
Он и божественен, и вечен!
Да будут вознаграждены
Пришедшие на этот вечер!

2.
В умении наполнить зал
Не только звуком, но и чувством
Я бы свидетельство искал
Существованию искусства.

И в полупешоте мечты,
В горении высокой ноты
Я видел руку красоты
В руке проделанной работы.

Но мастером была взята
Для взоров зрительного зала
На сцену только красота!
Она одна существовала!

3.
Бессмертно творчество артиста!
Хотя бы час...
Хотя бы миг,
В который трепетно и чисто
Контакт со зрителем возник.

И ради этого мгновенья,
И ради этой чистоты
Живут великие творенья
В высоких храмах красоты!

Пусть от рождения до тризны
В заботах пребываем мы -
Здесь каждому в короткой жизни
Часы бессмертия даны!

**О НЕДОВАРИВШИХСЯ НОСКАХ
И ЕЩЁ КОЕ О ЧЁМ
(рассказ)**

Посмотрев годовой план вневедомственной охраны, Николай Яковлевич почему-то сразу уткнулся глазами в пункт: «В честь юбилея охраны организовать выезд личного состава на коллективную рыбалку».

- А первый выходной июля, - чертыхнулся он, - уже прошёл. Что делать?..

- А то и делать: раз не провели в июле – провести в августе.

Но август – время летних отпусков. Обеспечить массовый выезд не удалось. Зато удалось уговорить экипаж машины из трёх друзей – Бориса, Ивана и Анатолия. Правда, они и так собирались на рыбалку и дали начальнику слово, что предоставят ему полный отчёт о мероприятии. А он, в свою очередь, заверил их, что вручит победителю спиннинг с катушкой.

...Вечерние зорьки в августе быстро сменяются непроглядной темнотой. Поставив сети, друзья к избушке добирались уже впотьмах. И хотя дорогу знали, как свои пять пальцев, Иван умудрился-таки, переходя ручей, начерпать в сапоги воды. У избушки он первым делом вылил из них воду и оставил сапоги на улице, за дверью, рассудив, что так они просохнут скорее. Сунул босые ноги в обрезанные валенки, выжал носки и повесил их на бок печурки – быстрее высохнут.

Обратился к товарищам:

- Что доставать-то?.. Обойдёмся консервами или сварим чего-нибудь?

- Сначала антибиотик, - решительно заявил Анатолий. – Ты же ноги промочил, чтоб не заболел...

- Верно, - поддержал его Борис. – Давайте закусим консервами и салом. А если хватит терпения, то сварганим назавтра что-нибудь...

- Ваня, булькай!.. - подвёл итог дискуссии Анатолий. – А я сало порежу. А потом супчик сварю.

- Из чего супчик-то: не поймали и не подстрелили пока ни хрена...

- Голь на выдумки хитра. Гарантирую: не из топора!.. Давай булькай скорей, а то засосало уж под рёбрышками, аж слюни текут!

- Ну, тогда дёрнем хоть за крышу над головой, хоть за общее здоровье!..

Иван опрокинул рюмку, поперхнулся и рассмеялся: - Ничего не почувствовал?..

- А что?..

- В банке-то опарыши были.

- Так они же в муке были обвалены. И на банке было написано: «Свинина пряная»...

Пока пили и закусывали печь загудела, в избушке потеплело.

- Эй, чей туфля горит на печке.

- Блин, мой, - дернулся Иван. – Мои носки, что уже сгорели?

- Ещё нет, пока только развонялись, - успокоил его Анатолий. – Вон проволока натянута над печкой, на неё повесь – через полчаса сухонькими будут...

- Толя, а ты чего сало нарезал без шкурки? – спросил Борис.

- Братцы, это ж и есть моя идея – на этой шкурке я завтра суп сварю. Пальчики оближете!..

Тут закипела вода в поставленной па печь старой кастрюле, и Анатолий отвлёкся на чистку картошки... Праздник продолжался, пока не догорела свечка... Вскоре с лежбища раздался дружный храп.

Где-то за час до рассвета, когда стали меркнуть звёзды, а небо слегка осветлело, Анатолий, как угорелый, выскочил за дверь и тут же зажурчал... Заскочил назад, наткнулся на печку и вспомнил, что весь вечер что-то варил... А во рту после вчерашнего перебора, словно черти ночевали... Он взялся за ещё не остывшую кастрюлю и забулькал бульоном... На третьем глотке на зуб ему попала свиная шкурка, и он стал вгрызаться в неё... Она показалась ему подозрительно мягкой. В предрассветной тьме он рассмотрел, что жуёт носок Ивана и, ударившись о косяк, вылетел в туманную мглу.

Его рёв разбудил друзей. Первым к дверям направился Иван. Увидев на полу свои мокрые носки, не удивился, снова бросил их на печь, стряхнув с них макароны и картошку. Он вышел из избы и завернул за угол. Тут он высмотрел свои сапоги. Взяв один из них, сунул руку в голенище, чтобы узнать, насколько они высохли.

- Блин! – охнул он и выдернул руку. Из сапога вытекло не меньше литра тёмно-жёлтой жидкости. Из второго – тоже...

- Ну, мерзопакостники!..

- Что случилось-то? – высунулся из избы Борис. – Один орёт, другой мычит...

- Я спрашиваю, кто в сапоги надул?.. И носки зачем-то сварили в супе!.. – разорвался Иван.

Схватившись от хохота за живот, Борис выдавил из себя:

- Везёт же тебе, Анатолий, - то опарышей сожрал, то носки чужие обсо-сал...

- Да, сплошная везуха, - без энтузиазма согласился Анатолий.

- Я предлагаю досрочно, до лова, - превозмогая смех, выдавил из себя Борис, - за муки, которые дважды перенёс с нами Анатолий, присудить ему

первое место, вручить спиннинговое удилице. А невинно пострадавшему Ивану – второе место и катушку от спиннинга... А я обойдусь тем, что повеселюсь с вами от души. Так и доложим начальнику!..

Сергей СОКОЛОВ

* * *

Давай прочтем с тобой, что не написано,
Увидим то, что нам не увидеть.
У нас с тобой дорога жизнью высланных,
Мечтать осталось нам с тобой, мечтать.

И утонуть с тобой в траве не скошенной,
И раствориться в тишине лесной,
И на пороге утречком взъерошенным
Узнаешь ты, что ты сейчас со мной.

И по окну не бьют дожди проклятые.
Разлука что? Она не навсегда.
Я нарисую твой портрет из радуги
Сбежим отсюда, ты скажи куда...

Туда, где нет законов обезглавленных
Туда, где нет людской дурной молвы,
И там от солнца у деревьев раненных,
Шалаш построя, сбережёмся мы...

* * *

Пожар на ладьях на быстрине Истры...
Срывая пальцы на сухих руках,
Художник, не багет, терзая кистью,
Возьмет в ночи гитару впопыхах.

И пусть в закрытых окнах лопнут стекла...
И женщина, которой не любил,
Заставит жечь костры его полотна,
Чтоб понял он, что в жизни не один.

Как плачет сладко вялая гитара
Тут вдалеке от родины моей –
Париж... А дома мы у самовара
Баранками кормили бы гостей.

Любимая, нет музыки без ноты,
Без слов моих не сложится строка.
Пусть кто-то задохнётся от зевоты...
В моей руке лежит твоя рука...

Тамара КУРОЧКИНА

**Нине Григорьевич,
лучшей своей подруге, посвящаю**

ДОБРОТА (рассказ)

«Подзалетела», – помертвев, подумала Катя – пэтэушница неполных шестнадцати лет. Она с ужасом поняла, что беременна. Произведя несложные расчеты, подсчитала: беременна уже пятую неделю. «Что же делать?» – в отчаянии ломала голову девчушка, плача по ночам в очень жесткую пэтэушную подушку из ваты. – Домой нельзя: папаня убьет...

Суров был ее отец-лесоруб, проживавший в отдаленном лесном поселке за озером, куда и всё продовольствие на весь-то год завозили на базы в короткую северную навигацию. Катя вспомнила, что он не раз ее предупреждал:

– Добром твоя любовь к этому поселковому донжуану не кончится, помяни мое слово, Катя.

«Как ему теперь смотреть в глаза?» – горевала пэтэушница. Да и подружки о том самом чирикали. «Завидуете, – отмахивалась она от них, как от назойливых мух. – Сами-то все на Димку заглядываетесь...» А те в ответ: «Посмотришь: поматросит да бросит». Влюбленная девчушка только передергивала худенькими плечиками, и, потряхивая косичками, фыркала. Катюша была твердо убеждена, что парень любит ее по-настоящему. Молодость, молодость... Ах, какая же ты наивная и самонадеянная...

И вот теперь такой конфуз. «Пузо скоро выйдет наружу и все в училище узнают о моем позоре, – тревожилась пэтэушница. – А что скажет директор, этот крепыш-боксер, которого побаивалась городская шпана, а потому не обижала приехавших на учебу из захолустных селений пацанок и пацанят?».

В порыве отчаяния Катя написала письмо своему любимому, в котором и открылась обо всём. Из-за тревожной горечи она забыла приписать обычные слова о том, что души в нем не чаёт: так крепко его любит, своего Димочку. Катя вспомнила о своей оплошности лишь тогда, когда сбегала к ближайшему почтовому ящику, который и принял в свою утробу её горестное послание-отчаяние. «Одно к одному», – всхлипнула пэтэушница, твердо решившая (она тогда еще не разумеала, как это делается) не идти на аборт. Она тоже не ведала, что с ней станет в чужом маленьком северном городе.

«А, будь что будет», – подумала она и очень, очень медленно поплелась в свою обшарпанную общагу, провонявшую потными, стиранными от случая к случаю, носками пацанов-однокашников. Через недельку Катя чуть не умерла от счастья: от любимого человека пришел ответ, толстенное такое письмище. Димка писал, что любит, подсказывал выход из тупиковой ситуации, которая еще вчера ей казалась таковой. «Езжай к моим старикам», – читала девчушка прыгавшие перед ее глазами строчки письма. Она то и дело целовала листки бумаги, принесшие тепло любимого человека, ревела белугой от свалившегося на неё счастья. В письме сообщался адрес, куда надо ехать, давались подробнейшие разъяснения, как лучше добраться из северного города в деревеньку в далекой-предалекой для неё Беларуси...

За грязным окном вагона промелькнули вокзал, приземистые дома и деревянные домишки, какие-то сараюшки... Стучали колеса поезда, уносившие ее все дальше и дальше на юг. Путались в голове мысли, а одна острой занозой сидела и мешала спать: как встретят её совсем незнакомые люди в той Белоруссии, которую она перед отъездом нашла на карте СССР, висевшей в коридоре училища.

В Ленинграде, переехав на нужный вокзал, девчушка, закомпостировав билет, отбила коротенькую телеграмму: «Встречайте... Катя!»

И вот уже конец пути. Она – на маленьком полустанке, который скорые поезда проскакивают на полном ходу, а пассажирские останавливаются всего на одну минуту.

Катя вышла, держа в руках маленький потрепанный чемодан (большой не взяла, так как покинула свое общежитие тайком от воспитателей-мастеров), оглянулась. Вокруг глухо шумел лес. Из поезда, кроме нее, больше никто не сошел. Минута пролетела, как секунда: поезд тронулся. Весело застучав колесами, он укатил в темноту, а растерянная Катя стояла на земле, как вкопанная. К ней подошла пожилая женщина, вздохнула:

– Моя младшенькая не приехала. Видно, на следующем поезде приедет (пассажирский здесь ходил по нечетным числам). Я вот каждый вечер прихожу

её встречать, а она всё почему-то задерживается... А ты к кому приехала, детка?

Катя, помявшись, выдохнула: «К Князевым...»

– Знаю таких, на другом конце деревни живут. Пойдем вместе, я доведу, покажу, где их изба.

Женщина неторопливо зашагала по тропе вдоль полотна железной дороги, а приехавшая семенила за ней, стараясь не споткнуться в темноте. Так и дошли до широкой сельской дороги, пересекавшей рельсы, которые отделял от них шлагбаум.

– Нам сюда, налево, – сказала Кате молчавшая до сих пор проводница, чудом оказавшаяся на полустанке.

Вдруг из темноты вынырнула телега. Ездовой сильно натянул вожжи, так что гнедая лошадь даже встала на дыбы. Усатый мужчина лет сорока, развернув телегу, очень лихо спрыгнул на землю и спросил:

– Кто тут к Князевым приехал?

– Я, – пропищала Катя.

– А кто им будешь? Васькина дочка?

– Нет, я Димкина...

– Жена, что ли? Ну тогда садись на телегу, поехали. Меня зовут Яков. Муж Диминой сестры. Тетка Авдотья, и ты садись, – обратился ездовой к женщине, переминавшейся с ноги на ногу и с большим любопытством наблюдавшей за встречей родственников.

– Вось, дякую, Яшачка, – рассыпалась та в благодарности и шустро, не смотря на свою полноту, взгромоздилась на телегу. Поправив лежавшее на ней сено, тетка уселась с предовольным лицом. Женщина еще раз поблагодарила усатого ездового. Она исподволь и с большим интересом разглядывала Катю.

Минут через пятнадцать-двадцать показали огоньки деревни. Остановились у просторного дома, срубленного из бревен, которые со временем сильно почернели.

– Пошли, – скомандовал Яшка.

Навстречу приехавшей из-за огромного стола встала дородная женщина. Ее круглое лицо еще и сейчас сохраняло привлекательность. «Какой же красивой она была в молодости», – почему-то промелькнула мысль в голове Кати. Рядом сидел мужичок небольшого роста, по плечо женщине, с аккуратной бородкой клинышком.

– Никак нашего младшенького жинка? – догадался он, с хитринкой поглядывая на девушку, робко остановившуюся посередине хаты.

– Я – Наталка, matka Димки, а гэта – Афанасий Иванович, яго батька, – нарушила минутное молчание будущая свекровь. – Сходи-ка до магазинщицы, чукушку гарэлки купи, гостью дорогую угастить трэба. А я тут огонь на загнете разведу, яешню сготовлю. Гостья-то, небось, згаладалася...

Мужичок от удивления вытаращил глаза (на войне он дал себе зарок, если выживет – не пить!). Нахлобучив по самые уши шапчонку, он поспешил скорее выполнить чудный жинкин приказ.

Через несколько минут на сковороде засквырчали шматки сала, домашней колбасы, и на Катю стали смотреть желтые глаза яешни. С чекушкой подospel Афанасий Иванович (магазинщица, оказывается, чтобы ночью не ходить в краму, в сенях держала «стратегический запас» горячительного для таких вот экстренных случаев).

– Пойдем во двор, я тебе полью из ковшика. Умоешься, – позвала Катю Наталка. – Да потом перакусим, чым Бог послал.

Усевшись за стол, старшие перекрестились. Выпили по рюмке (Наталка только пригубила водку).

– А ты, детка – еж и рассказывай ўсе, як на духу. Димка, небось, тоже хлещет, как и все, эту заразу, – тыкнула Наталка пальцем в чекушку. Большое беспокойство отражалось на её лице.

А что могла рассказать Катя им о сыне, если сама последний раз виделась с Димкой давно, но интуитивно догадалась: младшенький – их любимец, так что родителей не надо огорчать. Немного замявшись, гостья стала Димку хвалить. Замялась, потому что знала: в глухом лесном поселке трезвенника днем с огнем не сыскать.

– Да нет, выпивает немного по выходным и праздникам. В меру, – поспешила их заверить Катя.

– Ну слава Богу, зняла з сэрга тяжкую ношу, – поспешила перекреститься Наталка. – А то яго деревенские шалапай-ровесники уже балуются самогонкой.

Так и сидели за столом, разговаривали, мешая белорусские и русские слова, и всем было понятно, и у всех было тепло и радостно на душе. У Кати же на душе играла музыка счастья.

Спать гостью уложили на деревянной широкой кровати с матрацем, набитым соломой. Зато в подушках был мягкий-премягкий пух. Засыпая, Катя подумала: «Очень бедно живут родители ее будущего мужа (если получится все хорошо!). Но какие они душевные, какие славные люди!»

Дней через десять почтальонша принесла письмо. «Так и так, – писал Дима, – едет к вам моя будущая жена. Она ждет ребенка. Примите хорошо». А дальше в письме следовала просьба передать приветы всем деревенским родственникам. Читал это письмо, нацепив простенькие замызганные очки,

Афанасий Иванович. Читал вслух, чуть ли не по слогам, а прочитав, поспешил в сад.

– Детка, ты ящэ разок мне лист, не торопясь, чытай (очень редко, оказывається, ее Димка слал в деревню родителям весточки с далекого Севера), – попросила Катю свекровь. – Што-то я не ўсе зразумела, – схитрила она.

Старая и молодая читали снова письмо. Читали и плакали...

Лежа в постели с мокрыми глазами, в тот вечер Катя еще и еще раз мысленно проворачивала в голове события, происшедшие с ней в последний месяц-полтора. Она еще и еще раз мысленно благодарила этих, вчера еще незнакомых белорусов, принявших и обласкавших её – незнакомую им девчушку.

Жизнь в деревне шла своим чередом. Катя, как умела (а умела она совсем немного) помогала по хозяйству. Выросшая в отдаленном лесном поселке, она по существу не пробовала настоящей белорусской бульбы (картофель и овощи, завозимые в поселок в навигацию почти на весь год, были низкого качества: полугнилые, перемятые, подпорченные). А тут свиньям в огромной русской печи варилась такая рассыпчатая картошечка! Девчушка втихаря брала несколько штук картофелин, пышущих жаром и, обжигаясь, ела их, не отходя от огромного черного закопченного чугуна. Однажды за таким занятием её и застала свекровь. Всплеснув руками, та запричитала:

– А Божачка мой! Люди скажут, что Князи голодом заморили гостью. Сорам які, Божа ж ты мой.

Катя, застигнутая врасплох у чугуна, чуть не плакала от стыда, лепетала:

– Да нет же! Очень вкусная картошка. Я такой никогда не ела. Вот попробуйте сами, – протянула она свекрови надкушенную бульбу. – А если еще солькой посыпать да с постным маслом – так будет вообще объедение. Попробуйте вот.

И свекровь составила ей компанию: заставила себя съесть протянутую ей будущей невесткой картофелину. Катя ликовала.

И еще был с ней, дурехой, случай, позабавивший деревенскую женщину. Та, процедив после дойки молоко, оставила немного в ведре для маленького теленка, плеснула туда колодезной водицы. Катя, не зная об этом, зачерпнула глиняной кружкой этой смеси. С куском испеченного накануне свекровью хлеба она уплетала его за обе щеки с зачерпнутым пойлом. «Гэта же пойло для маленького теленка, – заметив Катину оплошность, не на шутку встревожилась свекровь. – Живот же заболит?»

– А я думала это сыродой, – покраснев, призналась будущая мама. – В нашем поселке мы пили подобное молоко из магазина.

Свекровь, обычно не очень разговорчивая, зашла в диком хохоте, вытирая фартуком выступившие слезы. «Ладно, детка, за тобой ящэ глаз да глаз

нужен», – сказала она, и девчушка всем нутром поняла, сколько ласки и нежности было в её словах.

С тех пор, утром и вечером, налив в кружку парного молока, свекровь чуть ли не силком заставляла выпить его до донышка. «Ребенку малоко такое палезна», – поясняла женщина. И Катя больше не сопротивлялась: кружка как-то незаметно пустела сама собой.

В один из вечеров в хату зашел совхозный бригадир.

– Наталка, всем, кто пользуется выгоном и пастбищами для скота, директор приказал нарезать участки бурака для прополки. Участки я сегодня разметил, так что с завтрашнего дня приступайте.

С этими словами он, не слушая возражений, хлопнул дверью.

– Вось паразит, – завозмущалась Наталка. – Мне ужо сто лет в чатверг стукнет, ноги зусим не ходют, нагибаться трудно – спина болит, а ён са сваей праполкой. Як я осилю тот проклятый участок?

– Я помогу, – встряла в её причитания Катя.

Свекровь удивленно глянула на девчушку, оценивающим взглядом обвела ее фигуру, молвила:

– Вось буде парочка: хромая да пузатая на полосе! Вось ужо люди посмеются...

Катя же поняла, что её предложение пришлось по душе свекрови.

Несколько дней они ходили на полосу и с горем пополам справились со своим «уроком». А потом Наталка не могла нахвалиться перед сельчанами трудолюбием своей невестки... Кате, признаться, слова похвалы тоже нравились: в родном поселке за подобные дела девочку почти никогда не хвалили.

От Димки письма стали приходиться часто. В одном из них он писал, что скоро дадут отпуск. Катя, как солдат перед демобилизацией, стала зачеркивать в календаре прошедшие дни...

На Беларуси принято, чтобы невестка свою свекровь называла мамой. А Кате это никак не давалось. «Вот зарегистрируем наш брак, тогда другое дело», – думала она, но чувствовала, что нежелание называть свекровь мамой ту огорчает, хотя та виду не подавала.

Приспела летняя пора: в саду вызревали яблоки, груши, росли огурцы, краснели баклажаны (там так называют помидоры). Белорусская деревня покорила приехавшую девчушку еще и тем, что почти в каждом третьем подворье был роскошный сад. Соседский огород-сад отделяла приусадебный участок Князевых лишь низенькая изгородь – реденький самодельный сосновый штакетник. Развесистые ветви груш, яблонь, вишен, слив очень нахально перевешивались через штакетник, по сути, вызревали на огороде Князевых. Когда-то сосед привез из областного центра скороспелый сорт груш и теперь ядреные плоды соблазняли Катю, как лисицу виноград из всем известной бас-

ни. Истинная северянка, глядя на сочные груши, только слюнки глотала (груши в их саду вызревали попозже, а ждать этого – не было сил терпеть).

– Пойди-ка сюда, детка, – поманила девочку Наталья.

Когда Катя подошла к ней, свекровь сорвала несколько самых спелых груш, вытерла их о подол юбки и протянула невестке со словами:

– На, еж. На тебе греха не буде (для будущего мальчика яны!), а перед соседями потом повинюсь и целую кашолку своих груш снесу. Наши – не чета ихним. Мой мичуринец Афанасий (она лукаво блеснула глазами) такие чудные сорта сам вывел... Вся деревня завидует, саженцы просит для прививок.

А еще Катя терпеть не могла есть свежие огурцы (на Севере в те годы они были в диковинку, а если в поселок и привозили огурцы, то желтые-прежелтые, как семенники и очень преогромных размеров). Свекровь, сорвав самый привлекательный огурчик, зеленый да с пупырышками, вытрет его о подол платья и снова прикажет Кате:

– Еж! Рабенку гэта палезна. Папробуй, смачные...

Так и приучила. Святая женщина! В войну одна троих малолетних детей подняла, пока муж с двумя старшими сыновьями на фронте с гитлеровцами сражались...

...Телеграмма была короткой. На имя Кати: «Приеду послезавтра. Дима». Почтальонша вручила ее Кате под расписку, добавила: «Дождалась, подружка, наконец, своего суженого...». Прочитав слова телеграммы, Катя (и это в её положении) понеслась, как могла, к свекрови, копошившейся в огороде:

– Мама, мама. Димка едет...

Та выпрямилась во весь рост, смахнула рукой то ли пот, то ли слезинки (мол, что-то в глаза попало). Неизвестно, отчего появилась влага: то ли от того, что младшенький сынок, наконец-то, приезжает на побывку, то ли от того, что вот эта тростиночка с уже приличным животом, сама того не замечая, впервые назвала её мамой.

...Каждое лето, когда Димке давали отпуск, Катя (до самой кончины свекрови) тащила его в ту белорусскую деревеньку.

Дмитрия Афанасьевича, мужа Кати, окончившего столичный институт, на работу распределили на Север – в Коми, где он уже проработал более двух десятилетий. У Кати же, то есть у Екатерины Ивановны, перед глазами всегда стоит то её первое белорусское лето. На милой теперь её сердцу Могилёвщине.

* * *

Шахтерам Воркуты и Инты

Мы с Вами добывали уголь
Во чреве матушки Земли.
Никто из нас не мог подумать,
Что доживем до седины.

Мы были молоды, здоровы,
Любили, жили, как могли.
И были счастливы, ей-Богу!
И цену жизни знали мы.

И мы работали на совесть.
И, проходя за метром метр,
Мы в каждой тонне пот соленый
Свой оставляли, как цемент.

Мы не стеснялись грязной роботы.
И в намозоленных руках
Держали уголь высшей пробы,
Как свет в натруженных сердцах.

Конечно, были неполадки...
Их испытала жизнь моя.
Но понимаю – всё в порядке,
Коль дома ждёт меня семья!

Всё пережито. Нам не стыдно.
Трудом овеян жизни путь...
Бывает горько и обидно....
Но нам пора и отдохнуть!

Андрей БОБРОВ

* * *

Я в зеркало смотрю – отраженье
Ехидно крутит пальцем у виска...

Я говорю:

- Ну, где же уваженье?-

Оно в ответ:

- Замучила тоска.

И скорчило смешную очень рожу

И подмигнуло вроде бы не зло...

И полоснуло взором скользким кожу,

Холодное до колик стекло.

* * *

Опускается ночь на безлюдный перрон,

Засыпает луна над безмолвием белым.

Я уеду совсем, сев в плацкартный вагон

И оставлю здесь мир, разрисованный мелом.

Пусть лютует пурга, - буду я далеко...

Не дотянется к сердцу свирепость морозов...

Я уеду, наверно, довольно легко.

Тяжело буду я отходить от наркоза.

Снова властвует ночь в заблудившихся днях

И колдует луна по рассыпанным звездам...

Я не знаю, как можно родиться в снегах...

Но раз люди здесь есть, значит, это возможно.

Николай МАЛЬЦЕВ

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ!

(рассказ)

В полном разгаре была сенокосная страда. Известно, что летний день длинный, а ещё его страда удлиняет, насколько захочет. Не бросить сеностав незавершённым стогом – наверняка случится дождь: весь день парит, душно, трудно дышать. Особенно достаётся Василию Седьорову: старые раны не

дают выдерживать спешный темп стогования, трудно вскидывать пласты сухо-го сена на растущие плечи высокого стога. Возраст-то уже не довоенный.

А у его жены Агнии тягота иная. Долгожданная и беспокойная. Толчки в тугом животе под сердцем стали настолько частыми и настойчивыми, что женщина поняла: пора пришла. В поле придётся родить. Родильный дом далеко в райцентре, до него более двадцати километров, да ещё через Сысолу перебираться. Всех четверых сыновей она родила кого дома, кого в бане, кого на сеновале, а Мишу – того в лесу.

Вот и крикнула Агния бригадиру:

- Густа, вели запрягать лошадь, невольно стало...

Бригадир, тоже женщина, всё сразу поняла, велела другим бабам. А те, Сандра и Матрёна, запрягли в телегу мерина Орлика, разложили на её дне мягкое сено, накинули поверх холщовую палатку – вот тебе и медицинская карета готова. Помогли Агнии устроиться в телеге поудобнее, и «нукнув» как следует, зашагали рядом тягучим шагом, провожаемые беспокойными напутствиями Василия и понимающими взглядами остальных.

Путь до деревни не так уж и короток. В обычные вечера возвращались домой быстро: что ни говори, летом лошади могли нестись и вскачь. Теперь же важность предстоящей поездки требовала степенности. Мирный и бесконечный бабий говор ладно сочетался с мерными шагами Орлика.

Не проехали и половину пути к деревне, как сначала легонько, а затем всё веселее стал дуть ветерок. Светло-голубое марево западной стороны горизонта стало постепенно омрачаться, превращаясь в тёмно-серый плотный полог. Женщины, невольно оборачиваясь в ту сторону, с тревогой поглядывая на молнии над дальним горизонтом и всё усиливающееся грозное ворчание. Сандра стала всё чаще похлестывать вожжами Орлика, когда проезжали нетряссские участки дороги. Старый мерин, будто человек, понимающе ускорял кладку своих чугунно-тяжких копыт, дескать, «сами знаем, кого везём».

Однако туча заволакивала небо необычайно быстро. Хотелось найти некое укромное место, где бы чувствовалась некая отчуждённость от смутной тревоги, но страшная необычность момента убивала всякое желание, кроме одного: восхищаться дьявольской мощью, подкрадывающейся с разбойным упорством на окружающий лес, беззащитной мышью притихший и смирившийся перед беспощадным и неотвратимым, но величавым и завораживающим роком надвигающейся бури.

Беспокойно зашептали деревья, ближе и пугливее засверкали острые, извилистые мгновенности молний, а за ними поспешнее приближались устрашающие раскаты грома. Проехали взгорье Вочачой, дорога пошла густым хвойным лесом. Стало прохладнее, темнее, и не только от тёмно-изумрудной занавеси. Туча наваливалась на путников не просто из-за леса, а как будто

вместе с лесом: плотно, неотвратно, с наглым спокойствием. Она нависала не как обычно – сначала неровными облачками, - а сверху и сразу плотной тёмной крышей, грозной и неотвратно страшной. «Наверно, также начали войну фашисты», - невольно подумалось Матрёне, потерявшей мужа в эту войну.

Подул ветер сначала сильный, потом мощный. Закачались, возмутились деревья. Полил дождь, немедленно превратившись в бушующий ливень, в сатанинскую симфонию звука и движения. Говорят, что обычно сначала бывает молния, а потом гром, но вдруг стало неразлично, что раньше, а что потом.

Сандра не была бы Сандрой, если бы не приновилась заранее повернуть лошадь в густой придорожный сосняк. Матрёна привязала вожжами Орлика к крайней сосне, и обе женщины быстро перетасили «постель» Агнии на почти сухое место под огромной сосной. Помогли ей дойти до ложа и расположиться на сене, а холщёвый полог накинута сверху, нацепив ляжки палатки на обломки воткнутых ими в землю еловых веток.

Говорят, что во время грозы нельзя становиться под большие деревья. Но некогда было выбирать, куда можно, куда нет! Авошь, Бог оборонит от злосчастья. Да и сосна эта, по рассказам рыбаков и грибников, в любую непогоду была пристанищем и кровом, даже называли её своеобразно по коми: Батюшко-пожём, что по-русски звучит, как – Батюшка-сосна.

Ливень, сверканье молний, непрерывный грохот грома – будто бы сама природа рвала и метала, гудела, ревела, бесновалась в неумолимо яростном своём бешенстве. Вся округа потонула в бурлящем водопаде, словно поменялись местами Земля и Небо, дрались за своё место в этом бушующем мире. «Наверно, таково же было и на войне, коли большинство мужиков не вернулись домой...», - казалось Матрёне. Бабы крики:

- Спаси, Земля!

- Господи, спаси и помилуй! - тонули в грохоте стихийного ада. Орлик дико ржал и тщетно пытался сорваться с привязи.

Ливень проник и под сосну, не оставив сухого места, кроме пятка под лежащей Агнией. «Опять придётся рожать в «бане», - с шуточной иронией подумала она. Сама она мысленно молилась и шептала:

- Господи, пронеси невзгоду, помоги мне, помоги во имя безгрешного младенца, не отдавай его в руки дьявола, дай ему жизнь, Боже!

Шёпот роженицы становился всё чаще и громче, стал переходить в крик, и тогда Сандра и Матрёна, забыв про беснующуюся непогоду, наклонились к Агнии, хорошо понимая, что скоро начнутся роды. И как им было не понимать, ведь с каждой из них случалось подобное и не раз.

Погода успокаивалась не сразу. Силы зла ещё заставляли смесь Земли и Воды барахтаться в беснующейся и грохочущей круговерти в непрерывном рёве, в порывистом стоне ветрища. Иногда казалось, будто невидимое солнце треснуло и со злостью разбросало ливневые брызги, сопровождая свою ярость дикими аккордами грозы. Казалось, что и мощная, словно с картин Шишкина, сосна – Батюшко готова была сдаться дьявольской буре, с надсадным скрипом сопротивлявшаяся натиску шквала. Но ветер постепенно сам начал устывать, видимо, понял безумность своей затеи покорить лесного великана. А, может быть, осознал, что сосна – Батюшко осеняет своей кроной рождение новой жизни? Вскоре рёв грозы начал переходить в удаляющееся картавое ворчание обиженного старика.

Тёмная туча покойно удалилась к восточному горизонту, казалось, ехидно серебрились огрызки её извилистых очертаний. Она лениво, с чувством недо-выполненного сатанинского долга, урчала уже не страшными громовыми раскатами:

- Я ещё вер-р-рнусь...

Закончился «содом». Вместо карусели взбесившейся воды и озверевшего ветра заиграл хоровод света, сопровождаемый многоголосьем возрадовавшихся внезапному затишью птиц. Вот он всёпоглощающий и очищающий гимн жизни!

И вот оно свершилось! Выносят к телеге кричащее чудо, явившееся из матери, из бури. Что-то требующее и провозглашающее о своём появлении на свет.

Природа своей чистотой, умытой слезами ливня, ясной и светлой тишиной требовала прощения. Яркая до рези в глазах зелень и оглушающая тишина... Лишь ритмично чавкающие звуки конских копыт и мерное покачивание телеги слагали гимн матери и одновременно колыбельную песнь новорождённому.

Человек родился!

Белый конь торжественно шествовал по притихшей после недолгого ненастья деревенской улице. Казалось, что и свежая зелень на обочинах дороги, и обхлестанные шальным ветром деревья, и зернисто-терпкий озон, и неистовая лазурь небесного бездонья – весь мир благословлял вступление малыша в большую должность будущего человека. Пели песнь о мировестнике. Деревня в светлом молчании встречала парадное шествие.

Было лето сорок пятого года. Человек родился! Мальчика решили назвать Борей – родился в буре...

Перевод с коми Андрея КАНЕВА

* * *

Кто православный, тот и русский
Ф.М. Достоевский

Будет и горько и колко,
Что же поделать, мой свет, -
Надо быть русским – и только,
Тут даже выбора нет.

Только уж не обессудьте
(Нас единит не мороз),
Надо быть русским по сути,
А не по месту, где рос.

И не широким, не узким
(Есть или нет борода),
Надо быть попросту русским
И человеком всегда.

На человеческом поле –
Там, где немало всего,
Надо быть русским –
Не боле,
Но и не мене того.

Как говорил достославный,
Тот, кто лепил, не деля:
Русский, он суть православный,
Всё остальное – земля.

Где бы меня не носило,
Помню я дело своё:
Незачем славить Россию,
Надо быть частью её.

* * *

Раскачайтесь выше на качелях жизни...

Александр Блок.

Судьба, раскачивай качели!
Пусть маята и вечный бой...
Самозабвенно, еле-еле –
«Само собой, само собой».
Предайся бегу кобылицы,
Ветрам кобыльих кораблей.
Пускай «Он не утомится!»
Кричат вослед тебе... Ей-ей!
Бумажный бал телес и масок,
Разнузданное конфетти...
Как мотылек, сквозь буйство красок,
К белее белого – лети...
Нонконформист, включи конфорки
И, забывая об огне,
Не дай сердечной переборке
Предаться воздуху вполне...

ВИНОГРАД

Жители зеленые города вина...
Завязь потаённая взору не видна.
Гронки – словно пагодки, дверки на крючок,
Копошится в ягодках зелен паучок.
Изумрудным крабиком прыснул под листву,
А кузнечик бравенький – в «хаки» на посту.
Охраняет всячески город Виноград,
Но считают часики кузнецу наряд.
Виноградарь гроздьями вычерпнет лозу
И спугнёт невинную зелень-стрекозу.
Тяжким обвинением жителям грозит:
Город виноградарем в бочки перелит...
Дубово-бордовая, пузырьком дыша,
Вызревает новая жителей душа.

Возвышаются, словно колонны,
Убеленные снегом стволы.

На священные камни столицы
Снег скользит, словно птичье перо,
А порой, как чужак, сторонится
Перекрёстков и станций метро.

По проулкам блуждает без толку.
В глушь дворов, в обветшалый амбир
Забредёт и подолгу, подолгу
Смотрит в тёмные окна квартир.

Приглядитесь, - с неспешностью некой
В час привычный взойдя на крыльцо, -
У вечернего белого снега
Человеческое лицо.

Александр СУВОРОВ

ВЕРА В ЭПОХУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Человек у иконы поклоны кладёт,
Душу грешную чистит от хлама.
Но дорога, которая к храму ведёт,
Увести норовит и от храма.

Мир грешит и беснуется – сходит с ума,
Полыхает огнями реклама.
И сгущается в душах лукавая тьма
И всё дальше уводит от храма.

Неужели мы сбились с прямого пути,
Одурев среди шума и гама?
Но вдали, там, куда предстоит нам дойти,
Блещут маковки вышнего храма.

ДУША

Разглядишь ли в бинокль театральный,
Что творится в актёрской душе?
А она перед сценой финальной
Умирает в игре гениальной
И не думает о барыше.

А она, может быть, не воскреснет,
В горле горьким застрянет комком.
И бинокль театральный не треснет,
И огонь в громком зале исчезнет,
И актёр душу в урну – плевком...

НЕВЕСОМАЯ ТЯЖЕСТЬ СУДЬБЫ

Невесомая тяжесть легла,
Будто грех на усталую душу,
Ждёт, что я позаброшу дела,
Что себя, словно город, разрушу.

Ждёт, что сдамся на милость врагам –
Равнодушию, скуке и лени,
Врёт, что бросит меня к их ногам,
Что поставит меня на колени.

Я иду, как всегда, по прямой,
Доверяя любви и надежде –
Не согнулся и на ночь домой
Возвращаюсь с работы, как прежде.

И над строчками бьюсь досветла
В страшных поисках истины вечной.
И счастливо сгораю дотла,
Обмирая от боли сердечной.

Вот, добавилась новая прядь
В бороде – совершенно седая.
А судьбе лишь бы мир изменять,
Пылью дней на душе оседая...

МУЗА

Муза крылья расправит
Над моёй головой,
Словно в сердце оставит
Радость, мир и покой.

И нашепчет мне тихо
Золотые стихи.
Словно сладит портниха
Мне кафтан от тоски.

Муза в людях ославит...
Где ж тут мир и покой?
Только крылья расправит
Над моей головой...

СУДЬЯ

Казнить нельзя помиловать...
Попробуй, поставь запятую!
Судью невозможно шокировать:
Задачу решить непростую.

Попробуй, всё взвесь и отмерь
Ты сам на весах у Фемиды!
Решенья колотятся в дверь,
Цепляясь за нить Артемиды!

А чёрная мантия скроет
Душевные муки твои.
А сердце? Оно ведь живое!
И тоже болит у судьбы...

Судью невозможно шокировать,
Задачу решил непростую.
Казнить нельзя помиловать...
Он ставит свою запятую!

РОССИЯ

Твоих полей шальной простор
И сталь булатного закала,
Россия, синь твоих озёр –
Мне в душу навсегда запала.

Россия – мой удел, отчизна,
Интеллигентская печаль...
Люблю тебя я больше жизни,
Её отдать тебе не жаль!

Валентин ГРИНЕР

ЗНОЙНОЕ ЛЕТО 54-ГО (повесть)

Курс теплохода «Чернышевский» лежал к Чёрному морю, а нам с Вовой Малеевым предстояло высадиться в Днепропетровске. После окончания изыскательских работ в пойме реки Трубеж начальство не позволило долго задерживаться в Киеве: было приказано сдать в камеральный отдел полевые журналы для дальнейшей обработки, а самим отправляться к месту нового назначения.

Вскоре мы ступили на днепропетровский причал, как на раскалённую сковородку, хотя было только начало девятого. Мне это напомнило среднеазиатскую спеку, наступающую с первыми лучами солнца - сразу же после холодной ночи. Правда, цементная душегубка города Вольска тоже могла идти в некоторое сравнение.

-Куда ты меня привёз? - Спросил я у Вовы, будто мы были вольные люди и могли распоряжаться своим назначением.

-Это ты меня привёз. А что, были варианты?

-Конечно. Предлагали Конотоп?

-И чем бы мы там занимались в свободное от работы время? Нет уж, с меня хватит Бобрика, где на всё село одна солдатка, преданно ждущая своего любимого, - расхохотался Малеев.

Помещение экспедиции состояло из огромной барачной комнаты, уставленной множеством обшарпанных столов, таких же старых стульев и скамеек. Слева простиралась длинная дощатая выгородка с дверью и табличкой "склад"; справа – выгородка, покорооче, с табличкой "начальник". В общей комнате было душно и тихо, как в бомбоубежище, пахло дешёвым одеколоном и

свежевымытыми полами. Здесь работали две молодые женщины. Одна из них, голубоглазая круглолицая блондинка в цветастом сарафане и с пышным "конским хвостом", забранным высоко на затылке. Она коротко глянула в нашу сторону и, не отрываясь от дела, сказала:

-Смелее, мальчики. Все уже знают про ваш приезд. Вчера была телеграмма из конторы...

Из двери с табличкой "начальник" вышел невзрачный мужчина в полосатой футболке, и молча наблюдал за происходящим.

-Это наш начальник - товарищ Антонов. Просим любить и жаловать,- громко сообщила Сима. Она манерно склонила пухлую ручку в сторону руководящей двери. - У нас очень хороший начальник. Вам никогда не захочется уезжать отсюда...

Начальник вяло улынулся и кивком головы позвал нас в свой кабинет.

Антонов был совершенно бесцветный человек. Он с нами тепло побеседовал, объяснил, какими видами работ нам предстоит заниматься. В конце дал бумажку с адресом дома, в котором для нас арендовано жильё, велел устраиваться, отдыхать после дороги, а завтра утром обещал лично отвезти нас в район производства работ и всё показать на месте. Начальник предупредил, что нынешняя небывалая засуха и жара заставили экспедицию поменять режим работы. Теперь большинство инженеров и техников начинают трудовой день в 4-5 утра и заканчивают в час дня. После полудня наступает сильная жара, и пребывать на открытом солнце санитарная служба города не рекомендует. В субботу все итээровцы собираются в конторе, приводят в порядок полевые журналы, согласовывают с начальством и между собой план действий на предстоящую неделю.

-Одним словом, вливайтесь, ребята, в наш дружный коллектив и становитесь его активными сотрудниками. Люди вы боевые, служивые и, думаю, тяготы кочевой жизни вам не страшны. - С пафосом заключил Антонов, пожимая наши руки. Он проводил нас до двери и пояснил, как ближе пройти к арендованному жилищу...

Солнце уже поднялось достаточно высоко, и мы почувствовали его силу.

-А может, Конотоп лучше? - вздохнул Малеев, истекая потом и перебрывая из руки в руку свой чемодан, где, кроме флотского кителя лежали ещё несколько рубашек.

Мы отыскали улицу Песчаную, остановились у нужного номера и пришли в уныние. Это была мазанка, крытая соломой. Пустынный двор с огородом и садом, состоящим из одного вишнёвого дерева. К дереву была привязана однорогая коза. На пороге нас встретила старая, как и её дом, женщина, повязанная традиционной украинской косынкой. Звали хозяйку баба Ганя. Пол в хате был глиняный, потолок очень низкий, стены белены мелом так ярко, что

больно резали глаза, даже при занавешенных до половины окошках. Старуха явно ждала квартирантов. Она бесцеремонно осмотрела нас, спросила имена и только после этого проводила в комнатушку за печкой. В комнатушке находилась изъеденная шашнем мебель: колченогий стол, застланный газетой, и два гнутых стула, на которых лежали грубые рядна домашней выделки. Бабка принесла два куля старой соломы, разбросила их на полу, застлала ряднами и сказала:

-Оце вам, хлопці, найкраща у світі постеля.

* * *

22 июня мы решили отметить печальную дату - день начала войны. Пока собирались, чистились-гладились и добирались в Центр, открытые рестораны "Заря" и "Лето" были переполнены. Пришлось довольствоваться "Асторией" - зимним, крайне неудобным рестораном, выходящим высокими окнами прямо на тротуар проспекта Карла Маркса. Недолго посидев в духоте, вышли на улицу. Ехать домой не хотелось. На противоположной стороне проспекта манил фонарями и музыкой парк Чкалова, и мы решили "прошвырнуться" по центральной аллее.

Слева за входной аркой выгибалась длинная полусфера ресторана "Лето". Там за полосатыми шторами стоял гул многочисленной нетрезвой публики и надрывался саксофон. Мы двинулись вглубь центральной аллеи просто так, без всякой надежды поймать не только золотую, но даже глиняную рыбку. Обычно к этому времени все "приличные люди" бывали разобраны. Но вдруг у рекламного щита под фонарём сбоку аллеи нарисовались две девушки. Мы подошли и остановились сзади. Вова сразу начал разведку боем:

-Девочки, если вы ищете рекламу типа: "требуются напрокат хорошие артисты" - так мы здесь, в натуральную величину. - И сразу же представился: - Меня зовут Вова, а моего друга Валя.

Они повернулись слаженно, как по команде "кругом". Были девушки примерно одного возраста, одного роста, и достаточно плотного телосложения. Одна - блондинка, гладко зачёсанная; вторая - жгучая брюнетка, волосы её спадали на плечи крупными естественными завитками, большие глаза, с едва заметной косинкой, светились ироничным блеском.

-А вас как зовут? - допытывался Малеев.

-Вы всегда так знакомитесь? - спросила блондинка.

-Как же ещё? - ответил я храбро.

-Тогда, возможно, и в ресторан сразу пригласите? - обронила брюнетка. - Чтобы уравновесить душевное состояние...

Она учуяла нашу нетрезвость, и трудно было понять: шутит девушка или спрашивается в ресторан поужинать? Мы знали, что в парк Чкалова ходят

дамы "на ловлю счастья и чинов". Но эти смотрелись домашними, не похожими на "профессионалок".

-Можно уравновесить! - храбро заявил Вова. Он, вероятно, запомнил, что наши финансовые возможности позволяли, в лучшем случае, угостить девушек мороженым с лимонадом.

-Вы ошиблись адресом, ребята. Подождите...

-Как долго ждать?- Не унимался Малеев.

- Недолго. После дождика - в четверг. - Игриво парировала брюнетка. Острая на язык, она была явным лидером в тендеме.

И в эту же секунду произошло невероятное: за всё время нашей жизни в этом душном металлургическом городе мне на голову впервые упала огромная дождевая капля. Подумалось: не птичка ли? Но тут же упала вторая, десятая... Небо расколола молния. Город задрожал от раскатов грома. Хлынул невероятной силы дождь. Даже не дождь - сплошная стена воды.

Единственным укрытием на территории парка оказался ресторан "Лето". Вся гуляющая публика ринулась под его крышу. Как сквозь землю провалились девушки, с которыми не успели толком познакомиться. Преодолевая стену воды, мы с Вовой тоже пошли к ресторану. Принципиально пошли шагом, наслаждаясь потоками воды, омывающими тело. Промокшие до нитки в первые секунды, решили, что терять нечего. Но гроза смотрелась страшно, и мы решили всё же укрыться.

При каждой ослепительной вспышке в парке и, казалось, во всём городе мигал свет, но тут же загорался снова. Войти в "Лето" с парадного крыльца оказалось невыполнимо, там было всё затрамбовано мокрыми телами. Мы зашли сбоку, подняли полосатую штору, перевалились через перила и ступили на деревянный помост между столиками. Перед нами, как "рояль в кустах", лицом к лицу оказались те самые девушки. Платья прилипли к их телам и рельефно вырисовывали фигуры. Это взволновало. Я приблизился к брюнетке совсем близко и шепнул ей в ухо:

-Надеюсь, вы понимаете, что это судьба?!

Она не ответила, только отстранилась ладонью...

Ливень бушевал не более получаса, но успел "наломать много дров". За тридцать минут на землю упала трёхмесячная норма живительной влаги. Были размыты многие участки улиц, повалены столбы и вырваны с корнями деревья, снесено железо с крыш, затоплены полуподвалы, где в те времена ещё обитали люди...

Стихия закончилась также внезапно, как и началась. Наступила кладбищенская тишина. Только шумные потоки воды нарушали тревожно замерший город, переполненный озоном. Люди молча покидали парк. Не сговариваясь, мы решили проводить девушек, а затем добираться домой, на левый берег.

Трамвайные пути в нижней части города оказались повсеместно затоплены, так что рассчитывать на транспорт было бессмысленно.

Омытые дождём, девочки значительно подобрали и сообщили свои имена. Вызвавшую громы и молнии, звали Эмилия, а блондинку Ариадна. Если коротко: Эмма и Ада. Эмма выглядела типичной представительницей Востока и была в моём вкусе...

За входной аркой начиналась бурная река под названием проспект Карла Маркса. Ливневая канализация главной артерии города не смогла принять потоки, бегущие с верхних улиц. Во многих местах вода выбила люки из колодцев, и они фонтанировала мутными столбами. Идти было опасно, но и стоять промокшими в ожидании погоды - бессмысленно. Вова оторвал штатетину от парковой ограды, велел нам взяться за руки и двигаться след в след, как по минному полю. Нашему примеру последовали другие посетители парка: сухие и мокрые, трезвые и выпившие. Ни машин, ни трамваев - только приглушённые человеческие голоса. Стремительный поток, несущий отломки деревьев и всякий городской мусор, доставал выше колен. Малеев медленно шёл впереди, прощупывая твердь тротуара и обходя фонтанирующие колодцы. Свободной рукой он удерживал Аду, за Адой шёл я, ведя Эмму. Почему-то хотелось, чтобы она была наиболее охраняемой и защищённой. Это желание возвышало меня в собственных глазах, будто я вёл за руку любимую, принадлежащую мне женщину.

Но всё кончается. Кончилось и наше необычное путешествие по реке Карла Маркса. На углу улицы Исполкомской, резко уходящей вверх от проспекта, Ада сказала:

- Вот мы и дома. Спасибо, ребята...

- И всё?! - возмутился Малеев. - Просто "спасибо, ребята" и ничего более?... - Он облокотился на моё плечо и стал выливать из туфель воду. Затем я сделал то же самое. И мы без приглашения двинулись вслед за девушками - вверх по левой стороне Исполкомской. По обочинам проезжей части стекали быстрые ручьи. С наших брюк - тоже. - Еще только десять часов... такой романтический вечер... сплошной озон... самое время погулять... - Изощрялся Малеев в примитивном красноречии.

- Погулять в положении мокрых куриц? - рассмеялась Эмма.

Мы остановились у старинного двухэтажного особняка. Я чувствовал, что девушки не знают, каким образом от нас отвязаться. Они о чём-то пошептались, и Эмма сказала:

- Хорошо. Подождите. Мы сейчас переоденемся и выйдем. - Они торопливо нырнули в подъезд, а мы остались на тротуаре и простояли довольно долго. Малеев, не терпящий поражений, начал иронизировать:

- Только круглые идиоты могут поверить, что они выйдут, - негромко возмущался Вова. - По-моему, здесь проходной двор, через который можно прошмыгнуть на третью улицу. Девочки местные, знают каждую подворотню... А если они всё-таки выйдут, ты какую берёшь?

-Конечно, чёрненькую.

Вова расхохотался:

-Ладно тебе делить шкуру неубитого медведя. Поехали домой. Хмель улетает, душа остывает и вообще - как-то неуютно.

И тут из подъезда вышла Эмма. Я незаметно толкнул Малеева в бок. Он всё понял, но не отреагировал на мой сигнал, только спросил:

-А где ваша подружка?

- Ада - не просто подружка. Она моя двоюродная сестра. Отдала мне последнее платье, последние туфли, всё-всё последнее из своего гардероба, чтобы я не простудилась по пути домой. Самой же решительно нечего надеть.

- Эмма иронизировала. И была она действительно в сухой одежде, явно с чужого плеча - чуть-чуть тесноватой в талии, но это ещё рельефнее вырисовывало её фигуру. - Вы хотите проводить меня?- Спросила она, сверкая своими огромными глазами с косинкой.

-Я хочу! - Видимо, окрик мой был настолько отчаянным, что Малеев тут же согласился:

-Он хочет...

- Лучше вместе, - попросила девушка. - Я живу недалеко. На Ленина. Можно пройти верхней улицей. Там уже наверняка подсохло.

-Нет. В таких случаях третий лишний. - Я доверяю вас в надёжные руки друга, - высокопарно произнёс Малеев. Он распрощался на ближайшем перекрёстке, и свернул налево, а мы - направо. Некоторое время шли молча, потом Эмма спросила:

-Ваш друг обиделся?

-Просто он привык быть первым. А сегодня пришлось уступить.

-По просьбе трудящихся?

-Представьте, да, - ляпнул я ни к селу, ни к городу. И ещё более пошло добавил: - Пока вы ходили переодеваться, мы договорились, что я беру вас...

-В каком смысле "беру"?- Она даже приостановилась от этого наглого заявления. - Брать можно вещь...

Я не успел достойно ответить: тротуар перед нами оказался перегорожен отломком старого тополя, разбитого грозой. Я подхватил Эмму под руку и бережно обвёл вокруг преграды, волнуясь от прикосновения к упругому телу. Метров через пятнадцать валялась еще ветка, далее - еще и ещё. Здесь гроза поработала основательно. Я взял Эмму за руку, как берутся дети, и больше не выпускал. Так и шли мы - рука в руке - до самого парадного на улице Ленина,

44. И она, - удивительное дело! - не возражала, не делала попыток освободиться, не имитировала боязни споткнуться и упасть.

По пути Эмма разговорилась. За короткое время я узнал её несложную биографию. Отец девушки был крупный инженер. Сразу после Сталинградской битвы его послали на восстановление знаменитого тракторного завода имени Сталина. В школу она ходила по узкой тропке, проложенной сапёрами в минных полях: шаг вправо, шаг влево - смерть. Затем отец восстанавливал "Ростсельмаш". В Ростове Эмма получила аттестат зрелости, а отца перебросили строить Куйбышевскую ГЭС на Волге. Там он и умер от инфаркта. Ушёл из жизни совсем молодым - в сорок пять лет. В сталинские годы о таких одержимых начальниках было принято говорить с нескрываемой гордостью "сгорел на работе". Управление, которым руководил отец моей спутницы, подчинялось тресту "Днепростальконструкция". Трест этот располагался в первом этаже дома, у которого мы остановились на улице Ленина, 44. Всё, что заслужил крупный инженер, "сгоревший на работе", - маленькая комнатка в общей квартире, где теперь обитала мать Эммы с пятнадцатилетним сыном. К ней-то и приехала повидаться моя спутница перед выездом на работу. Она закончила факультет иностранных языков Куйбышевского педагогического института. Мне стало очень важно знать: куда её направили работать?

- В Марийскую республику.

- Где такая республика?

- Понятия не имею. Говорят, где-то в Поволжье...

- А когда вы уезжаете?

Помолчав, она посмотрела на меня очень внимательно и ответила:

- Скоро...

- Можно конкретнее?

На втором этаже вспыхнуло окно и тут же погасло.

- Это мамочка беспокоится, - тихонько сказала Эмма - А для чего вам знать время моего отъезда?

- Если скажу "просто так" - будет неправда.

- Понятно. Любовь с первого взгляда. Бывает. Но вы же при дневном свете меня не видели. Может, у меня лицо в прыщах или в оспенных рытвинах. Может, у меня характер Бабы Яги... - Она протянула руку. - Прощайте, Валентин. Спасибо за грозу, которая освежила город и наши души. Мы больше не увидимся. Никогда. Я уезжаю послезавтра...

- Тогда давайте встретимся завтра. Ведь есть ещё целые сутки.

- Нет. Завтра я занята. У меня день рождения.

- Пригласите...

- Вы шутите? У нас не принято приглашать в дом случайных людей. Можно сказать, людей с улицы. Ведь я вас впервые вижу...

- Но я обязан рассмотреть вас при свете дня, чтобы навсегда запомнить. Как мимолётное виденье...

- Как гений чистой красоты... Может, вы ещё и стихи пишете? - рассмеялась Эмма.

- Пишу. И очень давно. С детства.

- Это уже интересно... - Она помолчала. - Попробую завтра ненадолго удрать из дома. Давайте в восемь. Под часами у главпочтамта. При одном условии. - Она снова сделала многозначительную паузу. - Учтите, я совершенно не выношу запаха спиртного. Так что постарайтесь...

- Постараюсь! Это мы сегодня отметили день начала войны.

- Вы помните этот страшный день?

- Конечно, помню. И несостоявшийся день рождения помню - своё десятилетие. И беженство под бомбами помню. И долгую дорогу в Казахстан...

- Мы с вами дети войны. Это особое поколение. - Я взял её за руку и тихо спросил:

- Можно я вас поцелую? На память...

Она мимолётно глянула на окно второго этажа и подставила левую щеку, затем правую. И быстро скрылась в парадном. Я стоял в оцепенении. Такого состояния со мной никогда не было.

Весь путь на "тот берег" почти не зацепился в памяти. Добравшись, тихо постучал в окно, разбудил Малеева. Но баба Ганя тоже поднялась и стояла среди "зала" в белой, до пят, сорочке, как привидение. Спросонок она не могла понять, что происходит в её хате. Вова тут же принялся задавать не очень корректные вопросы относительно упругости резинки на трусах и размера лифчика новой знакомой. Отвечать не хотелось. Я послал его подальше, стащил сырые брюки, мокрые ботинки, свалился на солому и быстро уснул...

* * *

Никогда не ждал я с таким нетерпением окончания рабочего дня. А он никак не кончался. Предстояли сложные инструментальные наблюдения и вычисления по переброске координат первого класса с двадцатиметровой вышки на вышку второго класса, пониже. Мне казалось, что не смогу забраться по системе лестниц и переходных площадок так высоко, а если смогу, то не выдержу головокружения и свалюсь немедленно. Я убедил напарника перенести эти работы на другой день, поскольку после дождя "плывёт" атмосфера и будут большие погрешности в координатах. Напарник мой - опытный инженер Безбородько - недолго подумал и согласился, но всё же заставил меня, варвар, залезть на вышку и визуально убедиться в неподходящих условиях для измерений после благодатного вчерашнего дождя.

Перед поездкой на свидание предстояло "подкатиться" к Симе и выпросить денюжат "до полочки". При этом терпеливо выслушать экономическую лекцию на тему: всего три дня назад был аванс, а ты уже "пустой". И как собираешься жить, когда обзаведёшься домашним хозяйством? Несчастливая твоя жена и бедные твои дети. Но полусотенную купюру всё-таки выдала, как обычно, грозя пухлым пальчиком с указанием на дверь Антонова, которого совершенно не боялась...

Флотский аккуратист, Малеев постоянно доставал меня за недочёты во внешнем виде: не тщательно отутюжены брюки и рубашка, плохо почищены ботинки, небрежно причёсан, не гладко побрит - всё это вызывало у него кривую ухмылку и прямую критику. 23-го июня Вова заинтересованно наблюдал за моими сборами, давал ценные указания. В качестве последнего штриха обильно побрызгал меня "шипром" из собственного пульверизатора, покрутил вокруг оси и остался доволен:

-Теперь ты выглядишь, как новые двадцать копеек. Но если она не придёт, будешь дураком стоять под часами с помытой шеей?

-Придёт! - отрезал я уверенно, хотя в душе соглашался с Вовой.

В половине восьмого я был на проспекте Карла Маркса. Под часами. Основные отделы Главпочтамта уже закрылись, работал только телеграф и междугородная телефонная станция, там же выдавали корреспонденцию "до востребования". А большие часы на фасаде стояли. Вернее: часы шли. Но слишком медленно. Я прохаживался по тротуару, как маятник: отсчитывал двадцать шагов вправо, возвращался в исходное положение и отсчитывал двадцать шагов влево. Кто придумал, что в часе должно быть 60 минут?! Видимо, тот человек никогда не испытывал чувства тревожного ожидания. Интересно, во все времена существования человечества был такой отсчёт времен или применялись другие исчисления?..

Наконец, большая стрелка с трудом подобралась к двенадцати, а маленькая - к восьми. Стало обидно. Эмма не пришла. Время двинулось быстрее: десять, пятнадцать, двадцать минут девятого...Я начал успокаиваться. Не пришла - и не надо. Значит, не судьба. Так даже лучше. Всё, пора уходить! К трамвайной остановке в сторону вокзала было значительно ближе, чем к остановке в противоположную сторону. Но я почему-то пренебрёг законами геодезии, геометрии, логики, законами кратчайшего пути - и пошёл влево. Шагов через тридцать увидел Эмму. Шла она быстро, почти бежала, как это делают люди, опаздывая к важному событию. Я обрадовался и окликнул её. Мы бросились навстречу друг другу, как давние влюблённые, а не знакомые менее суток. Она с трудом перевела дыхание:

-Прости, я никогда не опаздываю, но гости... Говорят: пришёл гость - "спасибо", ушёл - "большое спасибо"...Куда мы пойдём, если пойдём?

У меня отлегло от сердца. Я почувствовал какую-то маленькую победу.

-Куда скажешь. Можно на "ты"?

-По-моему, я сделала это первая. Здесь рядом Детский парк. Пойдём туда. Дети, надо думать, уже спят. А мы посидим недолго. У меня ещё не собран чемодан в дорогу.

Рядом была "Астория", но я не решился пригласить Эмму за столик. Мы пошли в Детский парк, нашли скамейку в укромном месте и просидели до сумерек. Девушка изредка поглядывала на меня, явно демонстрируя своё лицо. В обрамлении смоляных локонов лицо было без прыщей и рытвин. Лицо было по-настоящему красивым! С таких моделей старые художники писали портреты, не имеющие теперь цены. Неужели, думалось мне, у этой "модели" нет парня, или жениха, или мужа? Возможно, он остался в другом городе, пока Эмма уехала в Днепропетровск повидаться с матерью? Неужели за годы учёбы в большом городе она никого себе не нашла? Или никто не нашёл её? А если нашёл, так я готов немедленно вызвать его на дуэль и стреляться...

Эмма глянула на меня в последний раз долгим изучающим взглядом.

- Всё. Мне пора, - сказала она, вставая.

- Разреши проводить тебя до дома.

-Ни в коем случае!- испугалась девушка, будто я собирался совершить что-то непристойное. И я окончательно убедился, что у неё кто-то есть. Не может не быть! Я провокационно спросил:

-Твой муж тоже едет в Марийскую республику?

-Я не замужем. И никогда не была...

-Тогда оставь хотя бы свои координаты.

Она вздохнула:

-Я ещё ничего не знаю о своей судьбе. И никаких координат тоже не знаю...- Немного подумав, добавила: - Город, куда я еду, называется Йошкар-Ола. Между прочим, столица республики. Надеюсь, там существует главпочтамт, куда можно писать "до востребования". У тебя есть блокнот и карандаш?

У меня ничего не было, кроме носового платка, пачки папирос и коробки спичек. Мы вышли за ворота Детского парка. Я остановил первого встречного и попросил на минуту ручку, чтобы записать необходимые данные на папиросной пачке. Первым встречным был солидный мужик в соломенной шляпе, похожий на бочку. И несло от него, как от пивной бочки. Таких экземпляров на Украине очень много.

-А как же ж, - весело отозвался мужик с готовностью, и стал копаться в толстом портфеле, поставив его на асфальт. - Может, и бамажка требуется. Можна и бамажку. Дело ясное, шо время тёмное. - Он протянул мне карандаш и лист бумаги из ученической тетради. - Оливець (карандаш) дарю на добрую

память...У мене этого, звиняйте за выражение, добра, куры не клюют, бо я снабжаю канцпрыладдам весь "Дніпрокульттор"...

Я отошел в сторону и стал записывать необходимые данные. Культ-снабженец остался стоять на месте и, слегка покачиваясь, с интересом наблюдал за нами. Я крикнул ему "спасибо". Он помахал рукой и что-то ответил. Но слова его потонули в грохоте пронесшегося мимо трамвая.

Недалеко от своего дома Эмма сказала:

-Давай расстанемся здесь. Сегодня нет грозы, и все дворовые бабки сплетничают на лавочках. Возможно, и моя мама среди них. - Она протянула руку, тёплую и упругую.

У меня сжалось сердце. Неужели я больше никогда не увижу эту девушку...эту женщину...эту Мадонну? Если так, то зачем она согласилась на свидание буквально перед поездом?! Или версия об отъезде ложь, позволяющая избавиться от случайного ухажёра? Или обиженная кем-то когда-то, она получает удовольствие от игры на чужих нервах? Всё может быть. Случаются жестокие женщины. Особенно такие (по заключению многоопытного Малеева) дамы восточного типа...

Мысли путались. Как быть: установить слежку за её домом? Немедленно отправиться на вокзал и узнать расписание прямых и проходящих поездов на Москву? Весь завтрашний день шпионить на вокзале? Почему же я не спросил номер поезда и время его отправления? Впрочем, если бы захотела, сама могла сообщить. Но она испугалась, когда я предложил проводить. Почему? Собственно говоря, что произошло? Почему я так расписиховался? В чём момент истины: в броской внешности? в незаурядном уме? в том, что к двадцати трём годам не вышла замуж, дожидаясь, вероятно, принца на белом коне? Но я далеко не принц, и нет у меня не только белого коня, но даже чёрного велосипеда. Ничего пока не заработал, жил одним днём. Потому и предыдущая любовь ушла от меня к обеспеченному офицеру...

С этими невесёлыми мыслями я возвратился домой. Малеев встретил меня саркастическими пассажами.

-Пиво кончилось, ресторан закрыт, - сказал он, откладывая в сторону очередной читаемый роман.

-Не пришла?- спросил Малеев.

-Пришла. И даже целовались...

-Быстро ты справился. За каких-то два часа... Вместе с ездой туда - обратно?..

-Долго ли умеючи? - Ответил я излюбленным Вовкиным вопросом.

-Умеючи долго...

Баба Ганя крикнула из "зала", чтобы гасили свет и закрывали "хвирсточку". Свет мы погасили, но долго ещё перешёптывались в темноте.

-Ты что, собираешься в Освенцим? - спрашивал Малеев. Это означало на его языке - "жениться".

-Неужели я похож на обречённого?

-Тогда для чего эти интеллигентские штучки? Баба завтра отваливает в какую-то Марийскую республику, а он бежит на первое и последнее свидание. Чушь собачья! - Помолчав, Малеев перешёл на обычную вульгарщину: - Ты там случайно резинку на трусиках не прощупал?

-Случайно прощупал.

-Тугая?

-Как тетива.

-Тогда спи. И выбрось из головы эту лирическую муть. Тоже мне Ромео. Надо осенью мотать в Москву и поступать в Литературный институт. Или хотя бы в МГУ на факультет журналистики. - Вова продолжал доказывать святую правду, но я уже не мог ни о чём думать, кроме как о девушке, которая завтра покинет этот горячий город...

* * *

Через неделю после отъезда Эммы я стал ежедневно заезжать на почту и терпеливо выстаивать в душном зале очередь к окошку "до востребования". И хотя понимал, что времени прошло совсем мало, надеялся на чудо. Две сменщицы, - совсем молоденькая и пожилая, - заметив меня, ещё издали сообщали: "молодой человек, не стойте, вам ничего нет". Они уже прекрасно знали мою фамилию, но не называли её. Не положено. А когда сменщица не успевала познакомиться с порцией вновь поступившей корреспонденции, она возвращала мне паспорт с дежурной фразой "вам пишут".

Вам пишут! Вам пишут! Вам пишут...

Ответ из Йошкар-Олы пришёл на девятый день. Эмма коротко описывала первое впечатление от города, затерянного в таёжных дебрях. Главную ценность республики представляет лес: его добыча, переработка, а также всё, что в лесу живёт и произрастает. Других серьёзных отраслей промышленности, кроме мясомолочного производства и сбора даров леса не существует...

Чувствовалось, что все сведения о жизни Марийской республики она почерпнула из какой-нибудь популярной брошюры. В первом письме угадывалось разочарование местом назначения, которое она окрестила «кошмардырой». Письма шли часто. И всё более напряжённые. Занятый работой, я едва успевал отвечать. Неожиданно в середине августа поступила телеграмма из трёх слов: "Если можешь, приезжай".

Это было, как выстрел в упор.

И я поехал...

* * *

Эмму я заметил из вагонного окна и некоторое время с трепетом наблюдал за ней, уступая проход другим пассажирам. Девушка одиноко стояла у двери, выходящей на перрон и периодически вертела головой, как кукушка, присевшая в чужое гнездо, чтобы подбросить свои яйца. Я покинул вагон последним. И мы неторопливо двинулись навстречу друг другу, как незнакомцы. Я и впрямь смутно помнил девушку, с которой был знаком всего несколько часов, а теперь зачем-то примчался в эту столичную деревню.

Эмма смело взяла меня под руку и шепнула:

-Здравствуй. И для началаними шляпу. Интеллигентов в шляпах здесь бьют...

Она повела меня на привокзальную площадь, куда минуту назад ринулась основная масса вагонных пассажиров. Эти люди хорошо знали местные порядки и торопились захватить сидячие места в автобусах, ждущих прихода поезда на конечной остановке. Два современных "ЛАЗа" смотрелись здесь слишком громоздко и были забрызганы грязью до такой степени, что с трудом угадывалась их заводская раскраска.

Мы едва втиснулись во второй автобус. Первый захлопнул двери перед нашим носом и отошёл... Мы с трудом втиснулись во второй. Мужеподобная кондукторша трубным басом настаивала "уплотняться и обилечиваться". Но уплотняться было невозможно и бессмысленно. К тому же Эмма сообщила, что нам выходить через одну остановку, у гостиницы. И ещё - очень сковывал полупустой чемодан, в котором хранился весь мой гардероб на все случаи жизни. После демобилизации я еще ничего не успел заработать...

Автобус тронулся. За окном потянулись серые бревенчатые избы с великим числом окон по фасадам. Дома, в основном, были крыты осиновой щепой, а вдоль заасфальтированной улицы Советской, избилующей колдобинами с грязью, тянулись деревянные тротуары.

Гостиница называлась "Анар", что в переводе означает "богатырь". Эмма взяла у дежурной ключ и под сопроводительным взглядом стража порядка ввела меня в тесную комнатку. Там стояли две односпальные кровати с анодированными пупырышками, два стула и маленький столик. На столике - букетик георгин.

-Цветы тебе, - сказала Эмма. - За отвагу. Честно говоря, я слабо верила в существование таких отважных парней. - Она перехватила мой взгляд, случайно брошенный на вторую кровать, и сказала: - Не волнуйся, насиловать тебя не собираюсь. И кровать эта не для тебя. Со мной живёт одна девочка. Кстати, твоя коллега - геодезистка. Она закончила в Москве институт и получила направление в эту кошмар-дыру. - Кошмар-дыра прозвучала очень смешно, но и печально. Мы рассмеялись. Затем Эмма спросила:

- Ты не жалеешь, что приехал?

- Пока не жалею... Но хочу понять...

-А что тут понимать? Просто молодой красивой девушке очень надо выйти замуж. В жизни случается так, что руку и сердце не всегда предлагают мужские особи. Иногда это делают женщины. Глупые женщины могли бы предлагать себя чаще и успешнее, но соблюдают фальшивый этикет. А я не умею быть фальшивой. И хочу стать женой человека, которого всерьёз полюбила. Если, конечно, этот человек готов разделить мои чувства. Я испытала сильный удар током, когда ты вёл меня по реке Карла Маркса в Днепропетровске. Потому и прибежала в Детский парк накануне отъезда...

Эмма замолчала. Я тоже потерянно молчал, не находя достойных слов, а банальные слова не могли ничего объяснить этой неординарной девушке. Она положила руку на моё плечо и попросила:

-Обними меня. Я очень по тебе соскучилась. И не сочти мое поведение легкомысленным. Это маска от пристававал, как от комаров или назойливых мух. Поверь, их было много. Но ещё в юности, когда тело с трудом подчинилось рассудку, я дала клятву сохранить себя для человека, которого люблю. Теперь я нашла такого человека. Ты можешь спросить: к чему такая поспешность, если мы знакомы всего несколько часов? Отвечаю. Месяц назад я побывала в деревне, куда меня распределили на работу, прожила там несколько дней и поняла, что если меня не принудят выйти замуж за какого-нибудь передовика колхозного производства, то споят самогоном, изнасилуют и пустят по кругу, как сельскую шлюху. А через месяц я сойду с ума или повешусь. Ты не можешь представить всю эту первобытную дикость и жуть... - Она опустила голову и тихонько заплакала.

Я хорошо понимал состояние городской девушки, выросшей в интеллигентной семье и оказавшейся вдруг среди деревенской неустроенности. Уличный туалет, примитивный умывальник, душная баня раз в неделю по субботам, отсутствие электричества, телефона, сразу за порогом грязь по щиколотки... Она ещё не могла в полной мере представить себе, что увиденное - малая часть деревенской неустроенности, какая ожидала молодую учительницу с началом учебного года. Ей предстояла встреча с коллективом сельских учителей, далеко не всегда склонных к приёму в свою среду городских "фифочек". Знакомство с учениками, зачастую воспринимающих "немок" и "англичанок", как нечто инородное, необязательное, достойное осмеяния, имело свои грани и особенности.

Я обнял её, вытер мокрое от слёз лицо, спросил:

-И что дальше?

-Я сбежала оттуда. Пришла в министерство и сказала: можете меня судить, но в деревню я не поеду. Инспектор отдела кадров, вроде нечаянно,

подказала: надо иметь мужа с городской профессией, тогда и мне найдут работу в городе. Вот я и отправила тебе срочную телеграмму.

-Ты действительно согласна стать моей женой или это необходимость, чтобы избежать деревни?

-Клянусь! - тихо сказала Эмма, глядя мне в глаза. - А если не хочешь или не веришь, давай заключим фиктивный брак. И можешь считать себя свободным.

-Дудки! Если быть, так быть настоящим! И до конца! - выпалил я, хотя не был уверен в способности нести бремя мужа и главы семейства.

Наш первый серьёзный разговор в крошечной комнате гостиницы «Анар» происходил в полдень 20 августа 1954 года. А первого сентября Эмме надлежало явиться на работу к месту распределения. Следовательно, оставалось десять дней для решения всех вопросов. Прежде всего, требовался штамп в паспорте. Поэтому дальнейшее выяснение отношений и чувств мы оставили на вечер. Сразу после обеденного перерыва отправились в городской загс, где был нанесён первый удар по нашим благим намереньям - немедленного создания новой семьи.

Звучание торжественного марша Мендельсона в нашу честь откладывалось на десять дней. Именно столько предназначалось тогда молодым людям для проверки прочности своих моральных устоев и душевных порывов перед сотворением роковой глупости. В те далёкие времена мы ещё умели краснеть и не умели давать взятку ни огромными коробками конфет «Красная Москва», ни даже борзыми щенками, если бы они у нас были. Думаю, работники йошкар-олинского городского загса тоже ещё не научились брать взятки, не краснея, как кремлёвские башни на огромных коробках конфет фабрики «Красный Октябрь». Тогда многое ещё было красным и без душевного напряжения рифмовалось с «прекрасным», как рифмуются «кровь» и «любовь»...

Свободных мест в гостинице, как обычно, не оказалось. Правда, в такой же двухместной комнате пустовала койка, но жилец свободного места регулярно его оплачивал. На стойке перед дежурной, слева и справа, стояли роскошные букеты бордовых георгин. Вся гостиница знала, что живые цветы здесь можно купить в любое время суток. А хозяином нездешних букетов был жилец из комнаты №13. Тогда Эмма сказала администраторше, что это не справедливо, не по-советски, когда пустует койка, а человеку негде ночевать. Она сообщила также, что шапочно знакома с жильцом необычного номера и попробует с ним договориться.

-Вряд ли ваш друг сможет там нормально жить, - загадочно проговорила администраторша, виновато отводя в сторону глаза. – А если договоритесь, то руководство возражать не станет...

-Этот человек сейчас дома? – допытывалась Эмма, проявляя бойцовский нрав.

Дежурная бросила взгляд на стенд под стеклом, где хранились ключи от комнат.

-Да. Номер тринадцать у себя...

Мы быстро отыскали в полутёмном коридоре нужную дверь и постучали.

-Заходи...- Донеслось изнутри...

Я открыл дверь. Но пройти дальше порога оказалось затруднительно: помещение было сплошь заставлено картонными коробками разной величины и формы. Коробки стояли на полу, на стульях, на столе, на кровати, которую предполагалось «отбить» для моего проживания. Коробки были полны сочных цветов. Точно такие, собранные в букеты, красовались на стойке гостиничной администраторши. Они там продавались по договорной цене, которая никак нигде не выставлялась и письменно не афишировалась...

Хозяин двухместного номера лежал в дальнем от входа углу, подомашнему обнажённый. Кровать под ним была явно не казённого образца и напоминала царственную лежанку: высокий пружинный матрац, дюралевые спинки с крупными шипами плохо вязались с убожеством обшарпанных стен, выцветших занавесок и всей прочей гостиничной атрибутикой. Над кроватью красовался гобеленовый коврик с пlyingщими в никуда лебедями. Чувствовалось, что постоялец устроился здесь давно, комфортно и независимо, обладая всеми нужными связями, какие могут потребоваться приезжему человеку в чужом городе.

Очень скоро мы узнали, что цветочно-мандаринового представителя солнечной Грузии в маленькой поволжской республике зовут Резо Вахтангович Колотозашвили. И что в гостинице с её деревянными окрестностями он уважаемый человек.

А тогда мы увидели на царственном ложе волосатого кавказца неслабых габаритов и довольно сурового вида, облачённого в тот минимум одежды, какой принят на общественных пляжах в очень жаркий день. Это был упрощённый образ беззаботного Голиафа, опочивающего после трудной работы. Лицо Резо Вахтанговича смотрелось крупно, мясисто; орлиный нос высился над щетиной крашенных смоляных усов, которые казались приклеенными перед выходом на сцену.

Увидев у двери Эмму, Резо Вахтангович торопливо сел на кровати, взял из трёхэтажной стопы коробку и поставил её на колени, прикрыв таким образом пляжную оголённость нижней части тела.

-А я тебе знаю, - сказал он Эмме. – Ты живёшь в это...Раз-два-три-четыре...- Он быстро загибал толстые пальцы. - В пятом номере...Да?..

-Вы совершенно правы, - охотно согласилась Эмма.

-Проходи...гостем будешь...Это кто с тобой?..

-Это мой брат, - слушавила Эмма.

-Похожий... Даже очень похожий ...Один лицо, можно сказать. А где жи-
вёт твой брат?..

-Пока нигде...Вот ищем ему место...

-Нет. Я спрашивал: откуда ему родина будет...Мой родина Грузия, Гори,
где родился товарищ Сталин. А где родина твой брат?

-В Киеве, - ответил я торопливо, чтобы Эмма случайно не запуталась в
моей родословной и биографических данных, о чем почти ничего не знала. Как
я почти ничего не знал о её прошлом.

- Вах! Знаю...Я там воевал. Даже получил медаль «Отваги»...

-Значит, мы с вами почти земляки, - сказал я с облегчением и надеждой,
что «коечный» вопрос будет решён. Это стало тем более вероятным, когда
Реваз Вахтангович философски заметил с большим значением, вознеся над
головой руку с указательным пальцем:

-Все люди земляки. Все живут на одной земле, которая нас кормит, поит
грузинским вином и радует сердце цветами...Хочешь, буду угощать ... цинан-
дали. Толко штаны одену, и буду угощать...- Вах, какой у тебя красивый сест-
ра...

-Мне тоже нравится, - согласился я искренне.

-Нет, нет...Нам некогда, у нас дела, - торопливо запротестовала Эмма. –
Мы к вам по делу...Мы знаем, что у вас пустует кровать. А брату негде ноче-
вать...Вот мы подумали...

-Зачем так плохо думали?.. Вот пустой койка...Пусть спит, сколько душа
просит...

-Спасибо! Мы за всё заплатим, - обрадовалась Эмма.

Резо снова выразил притворное недовольство: покачал головой и «поцо-
кал» языком:

-У тебя дядя американский капиталист Рокфеллер? Или папа твой Мор-
ган? Всё заплачено... Я здесь хозяин, генацвале... Зови дежурную - Мари
Ванну.

Обрадованный, я шагнул к двери, но Резо остановил меня строгим окри-
ком, уже почуяв какую-то свою власть:

-Ты кто здесь? Ты здесь – никто! Сестра будет звать. Надо правильно
всё делать. И законно...

Мы торопливо согласились, и Эмма отправилась звать дежурную админи-
страторшу Марию Ивановну.

Я не сразу понял, для чего этому хитроумному грузину надо было отпра-
вить Эмму. Как только за ней прикрылась дверь, Резо молодецки поднял с
кровати своё грузное тело, мигом натянул тренировочные брюки и полосатую

футболку. Затем выкатил из-под своего царского трона ажурный бочонок, снабжённый специальной подставкой, и водрузил его на край стола, потеснив коробки с цветами. Тяжело переводя дыхание от напряжения, немолодой этот человек достал из тумбочки вместительный рог, наполнил его из ажурного краника красным, как кровь, вином, и протянул мне душистый сок виноградной лозы.

Себе он залихватски плеснул вина в большую глиняную чашку с национальным орнаментом и с тихой таинственностью выговорил:

-Давай выпьем за твою сестру...Вах, какая это будет женщина!..- Прежде чем поднести к губам чашу, Резо собрал в щепоть пальцы левой руки и громко поцеловал это собрание. - Я всё вижу насквозь, - сказал он, играя подвижными глазами. Мы успели сделать всего несколько глотков, когда вошла администраторша, а следом за нею - Эмма.

-Вы уже пьёте? – сказала моя любимая с плохо скрытым недовольством. – А у нас ещё куча дел...

- Разве пить хорошее грузинское вино плохое дело? – искренне удивился Резо Вахтангович с приторной обидой. – Я так не думаю...

С первых минут знакомства я заметил, что девушка, с которой хотелось завести серьёзные отношения, – ярая противница спиртного. Но тогда, в Днепре, я не придавал этому значения, хотя во время сборов на первое свидание даже не подумал слегка «употребить» для храбрости. В подсознании уже поселилась мысль о непереносимости Эммой спиртных запахов. И теперь я не придавал значения протестному замечанию девушки потому, вероятно, что она уже окончательно покорила меня не только своими внешними достоинствами, но и неординарностью суждений, какие казались просто ошеломляющими.

Резо Вахтангович заявил дежурному администратору – Марии Ивановне – фигуристой женщине средних лет, с шестимесячной белокурой завивкой, что отныне брат Эммы является его, Колотозашвили, братом и будет занимать свободную койку. Мария Ивановна тут же согласилась, и только несмело заметила, что надо как-то оформить человека в гостинице на случай милицейской или административной проверки.

-Всё оформим, - заверил Резо. И велел сменить постельное бельё на моей кровати. Мария Ивановна охотно соглашалась со всеми доводами постояльца и, как выяснилось, не только из соображений услужливого отношения к гостю, а потому, что некоторые сотрудники гостиницы (директор в том числе) были связаны с цветочным бизнесом предприимчивого грузина. Хотя слово «бизнес» вошло в российский обиход спустя десятилетия...

Мы проводили с Эммой целые дни, нетерпеливо дожидаясь истечения испытательного срока, который заканчивался 31-го августа. А первого сентяб-

ряд ей надлежало явиться на работу в сельскую школу, или предъявить брачное свидетельство и справку о городской профессии мужа.

Я приходил в №13 и занимал свою койку поздно вечером, а просыпался с рассветом. Рано утром в комнате появлялись разновозрастные люди, говорящие по-грузински. Это были торговые агенты Резо Вахтанговича. Они вели с хозяином громкие беседы, осуществляли денежные расчёты, причащались вином из бочонка. Были среди агентов и два татарина, которые объяснялись с Резо по-русски, а ругались на родном языке. Но я ещё хорошо помнил узбекский по жизни в Бухаре, а татарские и узбекские ругательства, как и языки в целом, почти единокровны.

Когда в комнате появлялись эти «русскоговорящие» агенты, обзывающие моего патрона последними словами на родном языке, я утыкался лицом в подушку, чтобы присутствующие не слышали моего сдавленного хохота. Оказалось, что в нашей комнате расположена центральная цветочная база, куда самолётом прилетает нежный товар из Грузии и откуда он развозится в города Татарии, Чувашии и Мордовии...

Деньги у нас давно закончились, а одолжить было не у кого, кроме Эмминой соседки по комнате – Нины Васильевны Савенковой – главного геодезиста Управления по делам строительства и архитектуры. Но она сама недавно приехала из Москвы после окончания института и перебивалась с хлеба на воду – от аванса до получки, и - от получки до аванса. Конечно, я мог одолжиться у своего покровителя, но мне крайне не хотелось этого делать, поскольку я жил в его комнате бесплатно, как бедный родственник.

Однако накануне важнейшего в жизни события выяснилось, что брачное свидетельство и штамп в паспорте стоит 15 рублей. Деньги для такого события ничтожные, когда они есть. Мы шли в заковском списке первыми – в 9 утра. Делать нечего. И я обратился к Резо Вахтанговичу с просьбой о долге.

-Почему так мало? – искренне удивился он, не представляя, для чего мне нужны эти деньги. – За такие деньги в ресторан не пойдешь и хороший обед не купишь. – Он достал из кармана и протянул мне мятую полусотенную купюру. – Я всё понимаю, генацвале. И вижу человека насквозь. Когда заработаешь – отдашь, если будут лишние деньги. Не отдашь – тоже на здоровье!..

Ровно в 9 утра 31 августа 1954 года мы вошли в кабинет заведующей городским загсом Йошкар-Олы и произнесли торжественную клятву на супружескую верность друг другу...

А в 10 утра я вошёл в кабинет второго секретаря Марийского обкома КПСС и выложил ему свою просьбу. Времени не было, и я решил действовать наверняка - через верховную власть, чтобы без долгих хождений по инстанциям и бумажной волокиты. Тактика оказалась правильной.

Я вошел в это партийное святилище автономной республики совершенно свободно. Меня не остановил милиционер на входе, а секретарша в приёмной тут же доложила обо мне своему шефу. И он принял меня без проволочек.

Навстречу мне поднялся крупногабаритный человек, каких природа создаёт специально для того, чтобы непременно сделать большими начальниками. К тому же он оказался моим тёзкой. Звали секретаря по промышленности Валентин Петрович Пономарёв. Он внимательно выслушал меня и сказал:

-Вы нужны нам, как ложка к обеду. У нас работает геодезическая экспедиция московского «Гипрогора», они создают опорную сеть для составления генерального плана реконструкции города. Подключайтесь. Фамилия начальника экспедиции Лебеденко. Вашу супругу мы устроим немедленно. – При этом он поднял трубку и позвонил министру образования республики, предварительно включив селекторную связь, чтобы я мог слышать весь разговор...

-Доброе утро, Валентин Петрович. Слушаю вас, - ответил на другом конце провода певучий женский голосок с марийским акцентом.

-Надо найти место в городе молодому преподавателю немецкого языка. Городу очень нужен её муж...

-Я знаю об этой девушке. Она у меня была. Еще незамужней... Сделаем, Валентин Петрович. Есть вакансия в школе №12. Пусть придёт за приказом...

-Ну вот, вы всё слышали, - широко улыбнулся секретарь обкома, явно удовлетворённый своей посреднической миссией - Если не секрет, вы давно женаты?

- Очень давно. – Я глянул на часы. – Уже час с четвертью...

-Поздравляю. – Он крепко стиснул мне руку с пожеланиями долгой счастливой жизни.

Приказ министерства просвещения был получен тоже «в темпе вальса». По пути в гостиницу мы зашли в магазин и потратили 35 рублей – сдачу от уплаты за свидетельство о браке и штампы в паспортах. На всю эту сдачу купили бутылку шампанского за 29 рэ., баночку кильки в томате – за 3.15. И половину буханки белого хлеба.

В тот же день я признался во всём своему покровителю. Резо отругал меня последними словами, правда, на грузинском, которого я совершенно не знал, как он не знал татарского, на котором его ругали казанские цветочные агенты. После взбучки он повёл нас в ресторан «Анар», где произнёс длинный тост благословения, а затем накормил и напоил самым изысканным, что было в «заначке» этого заведения для особо важных гостей. Резо, конечно же, значился в этом списке не последним номером.

Так мы отпраздновали один из самых светлых дней жизни. Теперь уже достаточно долгой.

Ни у меня, ни у моей спутницы не было рядом родителей, не было близких друзей и подруг, именуемых Свидетелями Государства или Посланцами Господа. Но оказался случайный человек, торговец прекрасными цветами любви – Резо Вахтангович Колотозашвили. С его благословения мы разменяли в уходящем году 55-й километр совместной дороги. Это не была дорога, усыпанная только благоухающим миллионом песенных роз. Всё случилось в долгом движении: и арктические морозы с непроглядными метелями, и пустынный зной, от которого некуда деться. Но непогода обязательно сменялась безоблачным небом.

Иначе и не бывает на дороге жизни двух разных людей, вручающих друг другу свои души, тела и судьбы. Чем длиннее путь, тем труднее переставлять усталые ноги, уже сбитые в кровь малыми неровностями и большими провалами. Мы еще не пришли к Храму, хотя Храм уже маячит на другом берегу реки, которую предстоит переплыть. Чем ближе этот неведомый маяк, тем чаще вспоминается наш грузинский благословитель, вопрошающий безумное человечество:

- Для чего нужна дорога, не ведущая к храму?!

Нина ОБРЕЗКОВА

* * *

Цвета твоих глаз
сошью себе я платье...
Надену
и ищи меня в небесах...
Или с глади воды,
с волн
тихонечко в лодку свою возьми...
Может,
усну я среди василькового поля...
Только не вспугни мой сон.
Цвета самых любимых глаз сошью себе я платье –
Найди меня,
стороною не пройди.

* * *

Я из твоего колодца полной горстью
зачерпну воды,

вкусной,
чистой...
Я из сердца твоего зачерпну тепло
сердцем своим...
Не знаю я,
долго ли, коротко ли буду жить,
Одного боюсь –
чтобы тепло в твоём сердце
вдруг не закончилось.

* * *

Хочешь –
лодкой тебе буду...
Уплывем с тобой далёко,
Хочешь –
ветром буду...
Только ты успеешь меня поймать.
Хочешь –
я звездою буду...
Ты достань меня...

* * *

Тихо я о тебе молюсь
в своей молельне – в сердце...
Светлого, теплого, чистого
вымаливаю для тебя...

* * *

Подари мне цветы,
большего не прошу.
Всё себе я могу подарить,
только цветы не могу.

* * *

Есть мужчины,
которым рождаешь детей,
Есть –
которым стихи.

**О ТРИШЕЧКЕ
(побасенка)**

Жила-была на белом свете Тришечка. Миленькая, забавненькая, безобидная Тришечка. Жила, ни кого не трогала, дарила радость - сколько могла, но от всей души. У неё было много друзей. Больше всего она любила петь и улыбаться. И пусть первое у неё получалось не очень хорошо, зато второе - великолепно. Поэтому все с ней улыбались. Даже, когда она пела.

И однажды эту милую улыбку увидел с неба гордый конь Пегас. Увидел, подлетел, потоптался рядом, пофыркал и взлетел обратно. Тришечка и ему улыбнулась. Помахала вслед ручкой и продолжила жить.

Долгое время Пегас летал в небе и думал о своем. В гордом одиночестве. Такой красивый и неприступный.

Но улыбка творит чудеса. Пегас стал все чаще спускаться с неба полюбоваться на улыбку Тришечки и вскоре не проходило и дня, чтоб они не встретились. Эти встречи всегда случались по желанию Пегаса. Ведь Тришечка, как бы ни хотела, не могла найти Пегаса... Попробуй, разыщи его в таком огромном небе. А она, ходящая по земле, всегда была на виду.

Так улыбались они друг другу до тех пор, пока Тришечка не поняла, что влюбилась в этого гордого коня. А поскольку ничего и ни от кого она скрывать не привыкла, то сразу ему об этом сказала. Конь фыркнул и лизнул Тришечке нос. Потом подхватил и понес с собой в небо. Ничего более прекрасного не случалось с Тришечкой за всю её жизнь(а прекрасного было много, поскольку никто никогда Тришечку не обижал, а всегда делали ей приятно). Но это было забываемо. Сладкие, нежные облака, теплое солнышко, мягкий ветерок... И рядом он - любимый Пегас. Тришечка позабыла обо всем на свете. А Пегас посадил её на одно из облаков и улетел. Она долго бродила по этому небу одна. Она была счастлива. Ведь у неё было всё. Даже Пегас. Пусть только в мыслях, но он же был её... Он же забрал её с собой. Прошел месяц и Пегас вернулся. Но лишь затем, чтоб сбросить Тришечку с облаков на землю.

Одна незадача - летать-то Тришечка не умела... И сила притяжения взяла своё. Тришечка полетела вниз. Больно ударилась она о дорогу, на которую упала. Её тут же окружили друзья, которые очень соскучились по ней. А Тришечка горько плакала... Ведь это очень больно - падать.

А потом кто-то из друзей Тришечки тихонько запел. И Тришечка улыбнулась - ведь это её любимая песня... И запела сама...

Она стала жить как и прежде... Петь и улыбаться... Пусть чуть грустнее.. Иногда это было даже не заметно...

А потом вдруг вернулся Пегас. Лизнул Тришечке нос и ушко. Но она ему уже не верила. Он звал её с собой в небо, но она знала, что такое падение и страх мешал ей отдаться лошадке. И все же... когда очень кого-то любишь (а Тришечка по-прежнему любила Пегаса), то хочешь ему верить. И она снова поверила Пегасу.

На этот раз он поднял её ещё выше. И облака были еще слаще, и солнце еще теплее, и ветерок еще мягче. И Тришечка была еще счастливее, чем в прошлый раз.

Она только об одном просила Пегаса - не поднимать её очень высоко, чтобы падать было не так больно. Но Пегас просил верить ему, и поднимал все выше и выше. И маленькая, глупенькая Тришечка верила... Верила, что нужна коню, что он не бросит её, что будет рядом, что не сделает больно...

Глупенькая...

Владимир ЦИВУНИН

* * *

Трава под окнами всё гуще.
Могучий катится июль.
И тени тополевой кущи
Ложатся на ажурный тюль.

И пахнет в комнате цветами.
И, неожиданно-легки,
Вдруг обращаются стихами
Вчерашние черновики.

* * *

Век замкнулся в своём торжестве
Над взыскующей бедной душой.
Так осенний мороз обещает листве
Под снегами унылый покой.

Так желанною станет зима
Для того, кому нечего ждать.
И декабрьская густо опустится тьма,
Чтобы старость помочь коротать.

* * *

Недолги дни багряной желтизны.
Недолги сны осеннего покоя.
Уже порывы ветра и шальны,
И злы, как месть недавнего изгоя.

И капает докучливым дождём
Не грусть уже, а маета глухая.
И мы, под звук холодный засыпая,
Наутро солнца яркого не ждём.

А ждём — зимы скорей бы уж прихода
И тихого в смиренности Покрова,
Когда с великой мудростью природа
Спокойно опускает рукава.

Валентин ЛЫЧКОВСКИЙ

КАК ЕГОР НИКОЛАЕВИЧ В ПЛЕН ПОПАЛ (рассказ)

Егором Николаевичем, совершенно не по возрасту, звали одного старшего сержанта из нашей автороты. Прежде всего — за его размеры. Ростом он обладал двухметровым. И еще — за характер. Как и большинство по настоящему сильных людей — а здоровее его в роте никого не было, Егор Николаевич отличался добродушием. И, к тому же, своеобразным чувством юмора. Все мы любили слушать, как он «травит» разные байки на темы армейской жизни.

Егор Николаевич никогда не обижал молодых и слабых, но и себя не давал в обиду. Если кто-то из офицеров, обращаясь к нему, не вполне точно называл по званию: «Товарищ сержант!», Егор Николаевич с вежливой улыбкой непременно поправлял:

— С вашего позволения, я не сержант, а старший сержант.

При этом у него было такое «юморное» выражение лица, что все солдаты покатывались со смеху. Офицеры, которые были в ладу с юмором, воспринимали его поправки спокойно. А юмором не обладавшие, кипели от злости, но придраться ни к чему не могли, так как Устав требует точного обращения. В конце концов все, включая командира роты, так привыкли к его несколько своеобразному характеру, что стали называть по имени-отчеству.

Хотя Егор Николаевич и любил «травить» байки на темы армейской жизни, однажды он сам попал в такую историю, что до конца службы сделался объектом шуток, впрочем, скорее сочувственных, а не злых.

В годы зстоя «большой казахстанский урожай» убирали, что называется, всем миром, так как население северных районов Казахстана весьма малочисленно, и рабочих рук не хватало. И вот однажды летом, — это было в начале 70-х, — нашу автороту перебросили с Дальнего Востока в Тургайскую область Казахстана. Там ее разделили на две части. Взвод, в котором служил я, и тот, где служил Егор Николаевич, направили в расположение зерносовхоза «Маяк». Но поселили нас не в самом поселке с одноименным названием, а на полевом стане, километрах в пяти. Там находился дом, который нам отвели для жилья, а автопарк и полевую кухню мы оборудовали сами. После чего приступили к работе — возить зерно с полей на элеватор.

А в сам поселок мы наведывались субботними вечерами. Попариться в бане, посмотреть кино в дырявом сельском клубе, купить в нищем сельмаге сигареты и карамельки.

Тут и случилась с Егором Николаевичем такая история. Как-то раз субботним вечером он в одиночку возвращался из поселка в расположении взвода по степной дороге, которая представляла собой просто наезженную колею. А в тех краях темнеет очень рано, поэтому старший сержант пропустил развилку, бывшую примерно на половине пути, и теперь шагал совершенно в другую сторону. Когда он понял, что взял не то направление, стояла уже глубокая ночь, что и колеи не стало видно.

В самом этом факте не было ничего страшного, так как ночи стояли очень теплые, в одной гимнастерке и то было жарко. Поняв, что в темноте ему не найти дороги, Егор Николаевич здраво решил дождаться рассвета и вернуться по той же колее. Вокруг стояли копны соломы, он забрался в одну из них и спокойно уснул.

Приключения начались на рассвете. Рано утром на убранном поле, где в одной из копен мирно почивал старший сержант, явилась ракетная воинская часть местного военного округа для проведения плановых учений. Развернули свою грозную технику, а по периметру, как положено, расставили часовых. Не знаю уж, какие там у них стояли на вооружении ракеты, может, новейшие и сверхсекретные, но караулы поставили усиленные, на каждый пост — по два часовых. И надо же такому случиться, что один из постов поставили именно около той копны, которую наш герой выбрал себе для ночлега.

Далее произошло то, что в такой нестандартной ситуации и должно было произойти. Когда наступил рассвет, часовые услышали, что в копне кто-то шевелится. Потом копна сдвинулась с места, и показалась заспанная физиономия старшего сержанта. Часовые, естественно, в такой ситуации приняли

его за какого-то диверсанта. Навели автоматы, командовали: «Руки вверх!». Короче, задержали по всем правилам, представили пред очи своего командира. На вопрос, кто он такой, старший сержант, еще не вполне проспавшийся, привычно ответил:

— Я — Егор Николаевич! Старший сержант, с вашего позволения!

— Из какой части? — спросил командир ракетчиков.

Егор Николаевич назвал номер в/ч 1115. Но командир ракетчиков, чей дивизион дислоцировался далеко от места происшествия, о такой части даже и не слышал. А документов у нашего героя при себе не оказалось, так как собираясь в село, он, разумеется, переоделся в повседневную форму, забыв документы в кармане рабочей спецовки.

В общем, старшего сержанта ракетчики приняли за шпиона и под усиленным караулом отправили в комендатуру райцентра — город Державинск. Там солдат повторил свою историю. Военный комендант, конечно, знал о нашей автороте, но порядок требовал официального подтверждения личности задержанного. Поэтому он отправил старшего сержанта в кутузку, приказав кому-то из подчиненных сообщить о происшествии ротному командиру и потребовать его к себе с документами задержанного.

А вот выполнить это распоряжение оказалось делом не простым. Никаких радиостанций у нас и в помине не было, а телефонная связь в той глухомани работала, как на войне. Пока дозвонились до командира, да пока тот приехал в расположение, да пока разыскали спецовку, где лежали документы... Короче, только на третий день ротному удалось вызволить из «плена» мнимого диверсанта.

Помню, никакого взыскания ротный ему не назначил, так как положенные за разгильдяйство «законные» трое суток тот уже отсидел на нарах. Только перед строем ротный высказал на типовом армейском, то есть далеко не парламентском жаргоне, все, что он думает о старшем сержанте. А после команды «разойдись» мы обступили Егора Николаевича и потребовали рассказать о его приключениях, что он и сделал с удовольствием и всевозможными красочными подробностями.

Надо заметить, что специфика работы «целинной» автороты такова, что весь ее личный состав полностью собирается очень редко: кто-то находится в дальнем рейсе, кто-то — на ремонте, и т.д. Поэтому еще целую неделю Егору Николаевичу пришлось неоднократно повторять рассказ о своих приключениях для тех ребят, которые не присутствовали на построении. Потом — для солдат из двух остальных взводов, которые дислоцировались в другом поселке, и даже для местных русскоязычных жителей. В результате он сделался героем целинного сезона, страшно этим гордился, поэтому никогда не вскипал, когда кто-то просил его: «Борис Николаевич, расскажи, как ты в плен к ракетчикам

попал?». Тем более что книг у нас было очень мало, газеты не доходили вообще, и устные рассказы Егора Николаевича в какой-то мере заменяли нам недостаток чтения...

Анатолий ВОТЯКОВ

СТЕПАНЫЧ (рассказ)

Ехал я как-то в поезде из проведённого на Чёрном море отпуска домой, много читал и обнаружил в книге петербургского писателя Михаила Веллера серию рассказов под общим названием «Байки скорой помощи». Погода стояла совсем не июльская, за окном моросил дождь. Зная, что автор весьма далек от мира медицины с её весьма специфической профессиональной деятельностью, удивило меня, как точно и правдиво он описывает случаи из практики неотложной медицины. Я имею право это утверждать, так как сам являюсь врачом выездной бригады скорой помощи. Ситуации, описываемые им, весьма узнаваемы и стандартны, в каком бы уголке России не происходили эти трагикомические случаи.

И я не смог удержать творческого зуда, что бы не дополнить эти байки случаями, происходившими со мной и моими коллегами. Тем более, что ситуация к сочинительству располагала как нельзя лучше, трое моих престарелых попутчиков почти всю дорогу дружно спали.

- Не смогу что ли? - спросил сам себя.

И сам себе ответил:

- Конечно, смогу!

Вынул из дорожной сумки блокнот и авторучку, чуть подумал с чего начать, вернее с какой истории, да и написал следующее...

В одной из квартир одного многоквартирного дома одного из районов нашего города жил одинокий пожилой человек. Звали жильца Степаныч, у него было большое сердце, и соседи знали об этом. Когда люди долго живут в одном подъезде, они, как известно, ведают почти все о каждом живущем в этом мирке от первого до последнего этажа. Это на западе людям дела нет, что происходит за стенами их жилища. А у нас в России в сознании людей, где-то в подкорковом слое еще сохранились пережитки общинного строя и память десятилетия коммунального воспитания.

Так вот, однажды по осени соседи заметили, что Степаныч, у которого было большое сердце, несколько дней не выходит из квартиры. Осень, как известно, унылая пора, очей очарованье. В тот день на щербатый асфальт-

ными выбоинами двор падал пушистый первый снег. Неоднократно и безрезультатно позвонив и постучав к нему в дверь, встревоженные соседи задумались.

- Ну что, - спросила старуха Вырыпаева с первого этажа ещё двух-трёх старух с разных этажей подъезда, - будем в «скорую» звонить?

- Придётся, - ответили те, - видать Степаныч Богу душу отдал...

Решено, значит, сделано, позвонили по всем известному номеру «03», вызвали помощь. Карета с красными крестами по бокам вскоре притормозила у подъезда. Вскоре к старухам присоединились и пенсионного вида подъездные мужички. Сильно беспокоясь о здоровье, а может и о жизни одинокого, пожилого человека с больным сердцем, соседи, помогая войти в квартиру бригаде скорой помощи, выломали входную дверь. Случай этот происходил несколько лет назад, в то удивительное время, когда еще и в помине не было стальных фирменных дверей «Гардиан», как и домофонов и телекамер в подъездах.

Поиски одинокого мужчины завершились в ванной комнате, где вышеупомянутый гражданин лежал в ванне с холодной водой в позе эмбриона в матке периода конца беременности. Обнаружила его пронирливая старуха Вырыпаева, всплеснула руками и чуть не грохнулась в обморок:

- О, Господи, преставился...

Выданный на гора бабкой диагноз, тут же всех устроил. Кожные покровы были явно цианотичны (медицинский термин переводится на человеческий язык значением – посиневшие). Характерная неподвижная поза в совокупности с окраской кожных покровов подтверждали мрачное предположение Вырыпаевой.

Известно, что медицинские работники, как и все нормальные люди, за исключением патологоанатомов, не любят возиться с трупами. Решив не тревожить брэнное тело, почившего в бозе, хорошего человека, врачи бригады скорой помощи оставили на полочке в ванной направление в морг и удалились. За ними, грустя:

- Отмаялся, сердешный... - и, склонив головы, гуськом покинули квартиру и добровольные помощники нашей славной неотложной медицины.

Но на этом события в квартире одинокого пенсионера не закончились. Согласно приказу Минздрава, бригада передала телефонограмму дежурному городского отдела милиции о факте смерти в квартире по такому-то адресу и умчалась на следующий вызов.

Через некоторое время, прибывший на место происшествия наряд патрульно-постовой службы обнаружил следующую картину. По квартире ходил разъяренный Степаныч в трусах и фуфайке на голое тело и страшно материл-

ся, а, увидев прибывших и очень удивленных работников милиции, зычно заорал:

- Вы власть или не власть, мать вас ети?

Милиционеры на всякий случай скромно потупились и ответствовали:

- Немножко, кое-где и кое-когда...

Почуяв в их ответе утвердительные нотки оживший «синяк» ещё строже потребовал:

- Так разберитесь, по какому такому праву и причинам у меня выломали дверь и оставили на полке в ванной направление в морг!

- Конечно, конечно, - ретировались к выходу обескураженные происходящим блюстители порядка.

- Это что, шутка такая! – Не унимался выскочивший за ними в подъезд босиком Степаныч.

Сердобольные соседи, участники взлома двери, таились в своих квартирах и на подмогу доблестной милиции носа в подъезд не выказали.

Вскоре произошедшее недоразумение объяснилось просто. Склонный, в силу одинокого образа жизни, к употреблению алкоголя, Степаныч впал на несколько дней в состояние, именуемое запоем. Затем, в силу определенных обстоятельств, а может, по причине отсутствия денег, съеденных зеленым змием, решил выйти из этого пагубного для здоровья состояния и принять ванну. Но по причине усталости организма и благотворного влияния теплой воды, пенсионера разморило, и он заснул.

Вода, где находилось тело крепко спящего человека, постепенно остыла, чем и объяснялся несколько синюшный цвет кожи купальщика, который и ввел в заблуждение медицинских работников и обеспокоенных соседей.

Бригада скорой помощи, конечно в полном составе, предстала на ковре у главного врача для объяснения этого трагикомического происшествия, и каждый получил по выговору. А их пациент и по сей день жив и относительно здоров, чередуя временные интервалы трезвого образа жизни с периодами употребления алкогольной продукции местного винно-водочного завода...

Вот и получился рассказ под стук колёс. Я положил записную книжку и шариковую ручку в сумку. Поезд плавно подъезжал к симпатичному родному вокзалу с истрёпанной ветрами вывеской: «Сыктывкар»...

ФИАЛКИ НЕ С МОНМАРТРА
(очерк)

Когда разбежались с лирическим баритоном Юрием Геннадьевичем, пришлось вспомнить, где расположена касса театра; расставаться с оперным театром я не собиралась, а время пригласительных, понятно, закончилось. Дармовщины я и раньше не любила, потому спокойно, без напряжения приняла новую для себя реальность. Впервые рассмотрела интерьер кассового зала, афиши, репертуарные листы. Понравилась старушка-кассирша, в бывшем Ленинграде такие же старушки, спокойные, с чувством неистребимого достоинства, и к тому же бывалые театралки.

Так вот, приехала как-то в театр, размашистой походкой «свободной, но не смирившейся женщины» ввалилась в кассовый зал за предварительными билетами. Никого. По-хозяйски ставлю сумочку, называю спектакль, неспешно беседуем. Пока кассирша рассказывает о ценах, о рядах, бегло читаю какое-то объявление, написанное на скорую руку. «... Объявленный спектакль драматического театра... отменяется...» Высокомерно не дочитываю, так как интерес к драматическому театру давно потерян. Лет пять назад здание театра было снесено с лица земли, новое еще не построено, с тех пор труппа кочует, где может, и на сцене оперного театра тоже. Их терпят со скрежетом зубов, и, увы, «драма» понимает это. Ребята, и вы меня поймите, моя любовь к вам прошла. Вы – моя первая работа, мой первый грех. Мои жалкие попытки реанимировать хоть какие-то чувства натываются на сопротивление – не могу.

Расплачиваюсь за билеты, отхожу от кассы и все же машинально дочитываю объявление до конца. «... спектакль отменяется ввиду смерти актеров». Так, стоп. Возвращаюсь к билетерше: «Простите, а кто умер?» Мне вежливо: «Супруги Вербины». Что-о? Несколько секунд стою соляным столбом. Во рту сухо, ноги не держат, выхожу на воздух и плачу не стесняясь...

Так я и знала. Все напрасно. Все напрасно – бывшие коллеги, коллеги по мастерским, актеры, персонал... Когда-то приняла этот коллектив как свою семью, потому интересным стало все; и спектакли, и репетиции, и редкие праздники, междусобойчики, которые все упорно называли чужим именем «капустники». Я пришла в театр, когда очень многое уже ушло в легенду. Говорили – «Ну, это не героиня. Вот в наше время были героини!» «Это разве премьера? Вот в наше время были аншлаги!» «Вот это робкое чаепитие – это ваш хваленый «капустник?» Вот у нас в молодости были праздники – до утра гудели! Стены дрожали от смеха, от песен, от выдумок!»

Никто не знает, были ли на самом деле аншлаги, праздники до утра. Я аншлагов не помню. Полупустые залы, бывало, уходили и в антрактах. В компаниях, узнав, что я из театра, начинали жалеть, соболезновать. «В кои веки пришли в театр, не досидели до конца. А ты, бедненькая, видишь это каждый день». Трудно быть объективной, когда наезжают на твою семью. И все же...

Если хочешь быть счастливым, будь им. Хочешь получить радость от встречи, от праздника, а радость все не приходит, ну не знаю, заставь эту радость прийти, не скулить же всю жизнь! Найти другую эрогенную зону, рассмотреть другой повод для радости. При неудачном репертуаре театра у актеров есть возможность переключиться на другие темы: на обустройство квартиры, дизайн ландшафта (это я о даче). Люди семейные имели шанс «раствориться в детях». Когда же творческая нереализованность все-таки начинала зудеть во всех членах - ставили чайник, надевали обновки и придумывали повод прийти в зал ВТО. Это мог быть чей-то юбилей, премьерный спектакль, что угодно. И приходил Эрнст Васильевич Вербин, которого втайне ждали все. И начинался праздник.

Он сам был человек-праздник, легкий, смешливый, умеющий найти смешное в самых безнадежных серых буднях. Таким я его запомнила. Хотя, возможно, это еще одна легенда. Хожу вокруг да около, никак не сообщу главное. Эрнст Васильевич писал дивные стихи и эпиграммы. Не относился к ним серьезно. Никогда не цитировал себя, вглядываясь в вечность и оттопырив пальчик. Писал на клочках бумаги, а после праздников выбрасывал. Но слышали бы Вы (это не легенда!) хохот в зале - театр пробуждался после скуки, спячки. Ругаю себя страшными словами, что не записывала, не подбирала эти бумажки и не складывала в какую-нибудь архивную коробочку. Запомнила всего одну эпиграмму и храню два листка бумаги со стихами, написанными, извините, для меня.

Был молоденький актер, кажется, Дима, проработал сезон или два, но нервы измотал абсолютно всем. «Вы обязаны мне как молодому актеру...» «Я должен питаться... Вы мне должны платить...» И вот на восьмое марта, отчитавшись перед дамами, Эрнст Васильевич достает последний листик: «Не для женщин». Все весело насторожились. Он прочёл:

Он не признан и не признан,
Бредет по городу как тень.
Ждет прихода коммунизма
В международный женский день...

И под общий хохот положил листик с эпиграммой ему на колени. По моему, мальчик обиделся.

Ко мне Эрнст Васильевич не относился как-то особенно. Просто я сохранила свои листики, а другие не сохранили. Первая эпиграмма появилась неча-

янно. Не было ни юбилейной даты, ни праздника. Я с детства страдала тиками, лицо ходило ходуном. Были времена, когда я избегала людей. «Брось, Ирочка, жизнь вообще прикольная штука. Правда?» И тут же сочинил экспромт:

Взгляд психолога или нарколога,
Губы – розы, брови дугой,
А улыбка – щипцы гинеколога
У Ирины, у дорогой.

Я хохотала полчаса. Эрнст Васильевич сделал то, чего не смог врач-психотерапевт. Я перестала себя стесняться.

Второе произведение было написано к восьмому марта. Помню, было много срочной работы, а работали тогда красками на ацетоне, запах стоял... чуть не сказала «вонь». Потому на традиционное театральное чаепитие я идти не собиралась – не хотелось быть внешним раздражителем для сотрудников. Эрнст Васильевич пришел в мастерские и радостно произнес: «Щажже сымай халат и айда!» Я сняла рабочий халат и отправилась на праздник. В тот странный день эпиграмма была написана только одна. Для меня. Не знаю, почему.

Фиалки не с Монмартра –
С базара Сыктывкартра,
Дарю к восьмому марта
Ирине дорогой.
Ее люблю азартно,
Целую троекратно,
Пусть не поймут привратно –
Ей руку жму рукой.
Я поздравляю Иру,
Желаю счастья, миру,
Отдельную квартиру
И мужа, может быть.
И Вербинская лира,
Как песня из трактира,
Ей арию Надира
Должна сегодня выть...

После этого вынул из-за спины руку с букетиком фиалок и, сказав завмугу с баяном: «Играй!», запел арию Надира «В сиянье ночи лунной тебя я увидал...»

Потом все переспрашивали меня: «Ирочка, у тебя, наверное, день рождения?» На что я радостно отвечала: «Нет. С чего Вы взяли?» Я чувствовала

неловкость совсем недолго. Несколько секунд. А потом воспринимала все, как должное. Разве мужчина не может посвятить мне стихи? Даже без повода.

А потом прошло много-много лет. Иногда я забегала в театр, иногда встречала бывших коллег где-то на улице. Все в жизни меняется. Встречаясь с Эрнстом Васильевичем, понимала – и у человека-праздника могут быть грустные будничные глаза.

Была у Эрнста Васильевича жена, актриса Юлия Анатольевна. По закону жанра у яркого, талантливого мужа была, как бы сказать тактичнее, обыкновенная жена. «Всего лишь» спокойная, любящая. Любовь и преданность – скучные качества, незаметные. Они вырастили сына и прожили всю жизнь вместе. Позже мне рассказали, что Юлия Анатольевна долго болела. Когда ее не стало, Эрнст Васильевич не смог прожить без нее и дня. Их хоронили вместе.

Валентин ЗЛОБИН

НЕЗРИМАЯ РУКА ВАША...

(очерк)

Я родился в Воркуте. И мои мысли о родном гнезде всегда в пяти цветах: чёрном, золотом, белом, синем и красном... Чёрное – как символ печали по десяткам тысяч заключённых и вольных, оставшихся навсегда в мёрзлой тундре. Золото – как символ богатства, как огни в ночи моего родного посёлка. Белое – как снег, как чистота мысли, как стремление людей выжить и состояться. Синее – как Чёрное море, куда мы все улетали летом. Чтобы вернуться. Как птицы. Красное – как символ любви. К женщинам, к людям, к Воркуте.

В общем, получились цвета двух знамён старой России: монархической и демократической одновременно... Только у нас в России такое и может быть. Если задуматься...

Я благодарен своим родителям за то, что они научили меня с детства чётко различать все цвета жизни. И у меня никогда не было никаких иллюзий. Были только два завета матери и отца: верить в любовь и верить в людей. Тогда – ни слова о Боге. Время было такое. Но они знали: это придёт. Каждому – в своё время.

Моя мама, Софья Петровна Гаврилкевич, родилась в девятьсот седьмом в старинном русском городе Зарайске в мещанской семье. Её мать – Вера Ивановна Ильина, была портнихой-белошвейкой. После революции семнадцатого года семья переехала в Москву. Там, спустя десять лет, мама вышла замуж. Разбирая семейный архив, я нашёл фотографию молодожёнов с

надписью: «г. Сочи. 1927 год». Маме было двадцать лет. Вскоре родился Евгений, мой старший брат. О том времени я никогда не расспрашивал маму: стеснялся, да и не хотел ворошить старое. Через некоторое время после рождения сына она вышла на работу в Московское управление картографии.

Счастье было недолгим. Её первого мужа Григория Гаврилкевича, полковника НКВД арестовали, впоследствии он был расстрелян в лагере в первый год войны. Софья Петровна, как член семьи изменника Родины, тоже была осуждена Особым Совещением на восемь лет лишения свободы. Мэру наказания отбывала в Воркуте. Здесь же, уже в конце войны, вышла замуж за моего отца – Агафона Васильевича Злобина.

Отец родился в тринадцатом году в крестьянской семье, прибывшей по Столыпинской реформе из Вятки в Башкирию осваивать новые земли. Переселенцы осели неподалёку от Уфы и Стерлитамака.

Получив землю, те, кто хотел работать, стали богатеть. Отец Агафона Василий Семёнович ушёл на войну 1914 года. Со старинного фото «*Cabinet portrait*» как с твёрдой обложки книги дед смотрит на меня, стоя в форме: из серого смушка папаха, шинель, ремень. После войны и революции старший Злобин с двадцать четвёртого по тридцать первый год был председателем Пушкинского сельсовета Бакалинского района. Во время обобществления земли и коллективизации спасал, кого мог.

Мужики ломали шапку:

– Василий Семёныч, делай документы... Бежать надо...

– Откуда знаешь?..

– Свояк работает в органах. Днём пришёл, предупредил... Завтра ночью будут...

И дед эти документы делал. После чего мужики запрягали тройку, грузили семью и то, что могли унести, и уезжали на станцию. Там бросали повозки, привязав лошадей к дереву, и садились в поезд. Теперь уж как Бог пошлёт...

Подобное «самоуправство» не прошло даром. Деда сняли с должности, и он перешёл на работу в «Маслопром» Башкирии. Не даром говорят, что хороших людей Бог берёт к себе рано. Спустя три года в возрасте сорока лет Василий Семёнович скончался от рака. Агафон остался жить с мачехой – Фаиной Павловной Злобиной. Она была из купеческой семьи. В семейном архиве хранится фотография, на обратной стороне которой написано: «Отец Фаины Павловны – Бочкарёв Павел Васильевич. Купец 1-й гильдии. Убит в 1917 году при переезде из селения Бакалы в Белебей при неизвестных обстоятельствах».

После окончания девятилетки и курсов счетоводов отец служил в армии. Там окончил заочно курсы старших бухгалтеров при экономическом институте Наркомвнутрторга. В своей автобиографии в 1956 году он писал: «После де-

мобилизации из армии с 4.12.37 г. по 6.12.43 г. работал главным бухгалтером шахты № 1 комбината «Воркутауголь»...».

А архивная справка МВД Коми гласит: «Выдана гр-ну Злобину Агафону Васильевичу, осуждённому военным трибуналом 85-й Ордена Ленина стрелковой дивизии Уральского военного округа 19 марта 1938 года по ст. 58.10 (антисоветская агитация) УК РСФСР на 6 лет лишения свободы с поражением в правах на 3 года, в том, что он действительно отбывал срок наказания в местах лишения свободы с 4 декабря 1937 года по 3 декабря 1943 года, откуда освобождён после отбытия срока».

Выйдя на свободу, отец много лет трудился главным бухгалтером на разных воркутинских шахтах. Вскоре в семье появились дети, сначала в сорок пятом родился я, а через два года сестра Наташа. Память снова возвращает в детство. Помню, на улице светило солнце. Но было холодно. Мама хлопотала на кухне:

– Женя, я пирожки испекла. Идите с Валею, отнесите заключённым. Они вон с утра на стройке...

Рядом строили жилой дом. Мы вышли на улицу. Отец, помню, учил:

– Сначала подойдите к охранникам. Видишь, сидят у костра с ружьями. Ты дашь им пирожки, скажешь кому. А они сами распорядятся...

Мы приблизились, отдали пирожки. Конвоиры часть взяли себе, а остальные отнесли заключённым, которые тоже грелись у другого костра. Вернувшись домой, обо всём рассказали маме. На следующий день солдат принёс деревянного резного чижика для лапты. Это эски сделали для меня.

В начале пятидесятых наша семья жила в старом посёлке шахты № 27. В небольшой клуб взрослые ходили на собрания, по праздникам, в кино или на танцы. Я иногда тоже бывал с родителями. Кажется, тогда я с мамой выучил:

Ещё не погашены лампы...

Вся степь в золотых огоньках,

Как будто донецкое солнце

Горит у шахтёра в руках...

Неважно, что донецкое! Важно, что шахтёр... Мама восхищалась Руслановой и Шульженко и пела их песни.

Родители могли ездить в отпуск, начиная с 1948 года. Каждое лето всем сердцем мы рвались в Москву. В Москве жила и живёт вся наша родня по матери. В 1951 году Евгений с красным дипломом окончил Художественную академию Сурикова. Он стал известным художником. В девяносто девятом в честь 70-летия на Крымском валу организовали выставку его картин.

Мы с Наташей выросли. И обожали мать и отца. В нашем воспитании были и понятная, разумная строгость, и полное равенство в отношениях с

родителями, когда это было необходимо. А когда я рассказывал отцу о своей жизни и событиях на улице, то он отвечал так:

– Главное – не влезать в конфликт. Потому что, если влезешь, там уже правых нет. Одна драка... Поэтому надо заранее думать и принять все меры, чтобы конфликт просто не возник. Дураков и пьяных обходи сразу. Не трать времени и сил.

А мама при этом заметила:

– Только, Валя, будешь защищать женщину, особенно любимую, не раздумывай ни секунды...

Но ни мать, ни отец людей не сторонились. Относились ко всем равно, по добром. И нас так учили. Я этому удивлялся, но внутренне гордился: никакой лагерь не повлиял на их отношение к жизни. Хотя всякое бывало. Примерно в это же время пришёл к маме какой-то человек – из уголовников. Серьёзно предупредил, что на сходке – на командировке шахты № 27 – семью главного бухгалтера приговорили. Трое суток нас охраняли милиция и дружинники. Обошлось.

Дома папа не говорил о своей работе. А если и говорил иногда, то с уважением. В его трудовой книжке много поощрений. Среди них единственная медаль – «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». И ею отец чрезвычайно гордился, хотя и был беспартийным. Он проработал главным бухгалтером ровно пол века.

Когда я думаю о родителях, то, понятно, их сравниваю с другими. Понимаю, что для каждого родители – это всё... Но для меня мои – это люди, которые никогда ни в чём не дали мне повода усомниться в том, что они говорят и что делают. Их личный пример в любом деле показывал нам с сестрой правильный путь...

Кажется, только в восьмидесятом году мама рассказала о том, что хотела забыть, и не получилось. Как в тридцать седьмом после предварительного заключения, следствия и тюрьмы в Москве, после подмосковного лагеря повезли их поездом на северо-запад. Потом через Белое море северным морским путём отправили к устью реки Печора. И дальше к городу Печора. А ещё дальше «теплушками», гужевым транспортом и пешком до Воркуты. Как при переходе по Белому морю уголовники ломились к женщинам, круша переборки в барже. Как страшно кричали женщины, и бились, вместе с конвоирами, за свою жизнь... Отец вообще ничего не вспоминал. Сказал мне только однажды: «Тюрьмы не бойся. Везде надо быть человеком».

В 1985 году ушла мама, а в восемьдесят седьмом отец. Похороны были тихими и спокойными. Без надрыва. Без музыки. Хорошие люди сделали на Земле всё, что могли...

На могиле мамы и отца посадили ёлочку. И сейчас стоит она, пятиметровая, вечнозелёная. Как символ памяти и жизни. А мы с Наташей написали на мраморе: «Незримая рука ваша будет хранить нас всю жизнь...»

Мама, это – твои слова...

Литературное объединение СГУ (руководитель А. Попов)

Владимир УСТЮГОВ

* * *

Я в доме твоём ночевал.
Сентябрь валялся в грязи,
Плескался в холодных дождях,
Съедал по кусочкам луну;

Тревожно шептал домовой,
Ворочался с боку на бок,
Скреблась беспокойная мышь
В невидимом темном углу.

Ты долго смотрела, как я
Неровно вздыхаю во сне,
Как едкие капли дождя
Желают пробраться ко мне,

Ты видела, как в темноте
Рождался сияющий стих -
Строка в первородном огне
В густых сновиденьях моих.

Александр СЕЛЯКОВ

БОЧКУ ЗАКРОЙ!
(рассказ)

В маленькой теплушке горел тусклый свет. По бокам двухъярусные кровати, у окна стол, на котором грязная клеенчатая скатерть. Бутылка водки,

шпроты, соленые огурцы, черный хлеб, лук, солонка в псевдославянском стиле и двое вахтовиков.

- Я тебе скажу одно – дураки они все здесь. Все как один, - Виталий провел рукой по небритой щеке, как бы убеждаясь, что нужно побриться.

- Это верно, - тяжело выдохнул Дмитрий и потянулся к бутылке.

Он уверенно плеснул водку в пластиковые стаканы и пододвинул один соседу. Виталий сунул в стеклянную банку руку, чтобы выудить огурец. Пальцы не совсем слушались, но все-таки ему удалось зацепить самый крупный. Он достал его, подождал, пока стечет рассол, выпил водку и захрустел огурцом.

- Я Шувалову вчера говорю, мол, закрой ты бочку, а то вода в соляру падает, - продолжил Виталий. – Он смотрит на меня, глазами хлопает, не ругайся, говорит. А я: че не ругайся, ты просто бочку закрой. Сегодня специально зашел – не закрыл ведь, придурок.

- Не, ну а че ты хотел, они мозги все свои давно пропили тут в деревне своей, - включился в разговор Дмитрий. – Пьют херню всякую, вымрут скоро все.

- И не жалко. А что, ведь все такие, как Шувалов. Лесники хреновы. Ума нет, чтобы научиться работать на нормальной технике, думают, что все на них держится. Я бы уволил их всех с их пилами. Какие они кубы дают? Маленькие. А потом удивляются, что копейки им платят. Задолбали их сопли, хорошо, что завтра наша вахта заканчивается. Во сколько автобус-то?

- В шесть.

- Класс! Две недели балдеть будем. Гуляй, душа!

Виталий медленно встал с табуретки, накинул спецовку и вышел из домика.

На улице холодно. Зима в самом разгаре, как и сезон заготовки леса. Около поселка Харитоново вахтовики день и ночь валят лес на современной технике. Несколько современных домиков на колесах, столовая, банька – весь вахтовый поселок.

Все вокруг давно примелькалось. Виталий медленно проскрипел по узенькой тропинке до туалета и обратно. Около домика закурил. Завтра ехать домой, а не хочется. Потому что никто там не ждет, одна только тоска смертельная. Придется все свободное время отравлять алкоголем. А потом снова сюда – на вахту. Зарабатывать деньги, чтобы потом пропить. А зачем еще они нужны? Жены нет – ушла давно, не выдержала буйного характера Виталия. Как выпьет, так обязательно в драку ввяжется. Кого бить – без разницы, мог и жену ударить, и сынишку шестилетнего.

Виталий кинул окурочек в снег и зашел в домик.

- Я вот че подумал, - снимая куртку, сказал он. – Скоро не будет никаких таких поселков, как это Харитоново.

- В смысле?

- Ну вот умрут старики, подохнут алкаши и все, не будет здесь хозяина на сотни километров. Только такие, как мы, будут на вахту приезжать. Две недели отработали, приехали другие.

- Да ну, не верю я.

- А че тебе верить, наливай лучше.

Дмитрий налил остатки водки по стаканам. Оба выпили без слов. Закусили.

- Только бесят меня такие тупицы, как Шувалов наш, - жуя лук, продолжил Виталий. – У него мозги вообще не шевелятся. Стоит, дебил, вниз смотрит. Убил бы, урода.

- Да что ты пристал к этому Шувалову?

- Морду охота набить ему. Вот и все. Поехали!

- Куда?

- Морду бить.

- Какую морду в жопу? Ночь на дворе!

- Да ты че, защищать его вздумал?

- Нет, но...

- Одевайся!

Виталий и Дмитрий в распахнутых куртках и вязаными шапками на затылках вывалились на улицу. Дмитрий упал в сугроб, товарищ помог ему встать. Оба шатаясь подошли к КАМАЗу. Виталий сел за руль. Машина вздрогнула и начала монотонно и громко урчать. Из своего домика выбежал мастер, но КАМАЗ резко тронулся и, поднимая снежную пыль, скрылся за поворотом.

- Собираемся в городах и живем, как в муравейнике, - в углу рта Виталия тлела сигарета, от дыма он щурился. – Нам насрать на все. Мы, бл... ни за что не отвечаем. Вот случай вспомнил. Ты че, спишь?

Дмитрий поднял опущенную голову и туманно посмотрел на коллегу.

- Ехали мы с вахты в прошлом году на Славкиной тачке, - подождав пару секунд, снова заговорил Виталий. – Осень поздняя. Темно. Вдруг смотрим, на обочине дороги что-то лежит. А это лосиха! Представляешь, ее кто-то, видать, на машине сшиб. Она лежит, шевелится. А мы знаешь, че делаем!

Виталий шутя толкнул Дмитрия, закашлялся и продолжил:

- Мы из багажника топорик достаем и давай ей ноги отрубать. Живой еще, бл...! Отрубили и поехали. Пришел домой с ногой лосиной волосатой, а она в холодильник не влазит. Бросил в ванну, нах. Жена утром испугалась. Но не в этом дело. Где это видано: отхерачили живой лосихе ноги под корень на супы и спокойно поехали домой? А это потому, что нам насрать на все, Димон. И

тебе, и мне. А вот этим, местным не насрать, им еще жить тут, хотя Шувалову, думаю, тоже посрать, он и утки подстрелить не может, алкаш.

КАМАЗ въехал в поселок. Недостроенная кирпичная школа, на деревянных столбах не везде горят огни, часто встречаются дома с проваленной крышей, где-то лают собаки. КАМАЗ проскочил к дому Шувалова, зарылся в сугроб и заглох. Оба лесника вышли через пассажирскую дверь. Виталий дернул калитку, та упала. Чертыхаясь, он подошел к массивной двери и постучал по ней кулаком. В доме зажегся свет. Через минуту в дверях появилась лохматая голова Шувалова. Он вышел на улицу во фланелевой клетчатой рубашке и валенках на голую ногу. Виталий схватил его за ворот рубашки и поволок со двора.

- Сколько тебе говорить, закрывай бочку, урод! – глаза Виталия блестели.

Он толкнул Шувалова в сугроб.

- Нет, ты мне отвечай, полудурок. Ты сам денег не получаешь и хочешь, чтобы из-за простоя техники я без них остался?

- Я не специально, - невнятно ответил Шувалов и попытался встать.

Виталий ударил его ногой в живот. Громко выматерился, потом бросился к машине и достал из кабины металлическую трубу. Подбежал к скрючившемуся Шувалову и с размаху ударил его по голове. Тот откинулся назад и замер.

Снег впитывал черную кровь. Труба выпала из рук Виталия. Его глаза больше не блестели.

Елена КЕШЛИН

* * *

Андрею Попову

Воздух вылеплен из снега
И от тяжести провис,
Даже птицам не до неба,
Крылья вымокнут и – вниз.

Что глазам твоим преграда?
На небесный перевал
Через темень снегопада
Смотришь, словно увидал

Сына. Ты сильнее многих,
Вот и выжил, и живёшь.
В дом и в храм ведут дороги,
По которым ты идёшь.

Это солнце догорает,
Это свет в дому зажжён.
Эта боль тебя не знает,
Вот и лезет на рожон.

Татьяна РИВЧАК

ФОРМУЛА ЦВЕТА (эссе)

Серым будним днем он ехал в автобусе по делам своей службы. Проехав мимо тумбы с афишей и прочитав название постановки «Волки и овцы», подумал, что этот перечень можно продолжить «козлики и гуси, мыши и кролики» - все они были серыми. Да и сам он казался бесцветным, хотя на нем была куртка в какую-то клеточку. Отвернувшись к окну, он пытался вспомнить, кормил ли сегодня домашнего серого кота и все ли бумаги везет своему начальнику, по-деловому сидящему в высоком сером кресле.

Я ждала на остановке подругу, которая вот-вот должна была подъехать. Высматривая ее в салоне очередного автобуса, я разглядела чье-то тусклое лицо... и улыбнулась. Сначала ничего не произошло. Тогда я улыбнулась так, чтобы стало понятно, что улыбаюсь именно ему, и увидела в глазах испуг (это бывает от неожиданности), а потом недоверие, и, наконец, удивление. Так он и уехал - очень удивленный. А когда протискивающаяся между кресел кондукторша приказала ему убрать с прохода свои серые колени, он вдруг рассмотрел, что у этой громкоголосой женщины волосы яркого желтого цвета, как у клоуна Олега Попова - самого замечательного клоуна его детства. Хозяйка же солнечных волос и пассажиров, видя, как уголки губ уже обилеченного раздвигаются к ушам, будто их тянут сзади за веревочки, растерянно сказала, что ноги в таких голубых джинсах следует держать поближе к сидениям, а то за-

пачкают.

Откуда мне все это известно?

Я знаю формулу цвета: серый + улыбка = цветной.

(При замедленной реакции повторить).

Александра ПАРШУКОВА

ПОЛЕ

Была погода летняя,
Да болтик открутился,
На поле, на обычное,
Сесть самолёт решился.

В кабине самолёта,
Штурвалом управляя,
Сидел прекрасный лётчик,
С фамилией Петров.

«Товарищи летящие,
Прошу всех пристегнуться.
Мы делаем посадку
На поле для коров».

Как только скорость стихла
И двигатель умолкнул,
Второй пилот полету
Подвел такой итог

«Возрадуйтесь, ребята,
Судьба к нам благосклонна.
Спасибо всем за стойкость,
Да будет с нами Бог!».

И лишь коровы в страхе
Бежали по долине,
И молоко доили
Потом с адреналином.

Клавдия КОСТРОМИНА

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

...Странная тетка Одиночество. То исчезает, то вновь появляется. Нет у не постоянного графика работы. Надоело! Накричала: «Перестань приходить! Только настроение портишь»

...Уже целых два дня не приходит. Наверное, обиделась...

...Как одиноко без тебя, Одиночество...

* * *

- Из чего твои крылья?
- Из бересты
- Они же плохо летают
- Зато как горят!

* * *

Мы поставили точку, но она расплылась от упавшей слезы

* * *

Я хочу стать тенью.

Меня все будут видеть, но никто не почувствует.

Максим САМАРИН

* * *

Не твоё, не моё – а печалится
и беспомощно ищет пути.
И всё небо бездонностью валится,
разрезая железо груди.

Кто-то ищет, страницами вешними
свою жизнь исписав до крови.
Кто-то полнит пустыми скворешнями
свои ямы, канавы и рвы.

Кто-то – новый, а кто-то – непризнанный
(этот кто-то не ты и не я),
но уходит молчанием изгнанный,
как отшельник к горе бытия.

Литературное объединение при еженедельнике «НЭП» (руководители Н. Бывалина, Е. Карпов)

Евгений КАРПОВ

* * *

Как давно мы не виделись!
И забвенья река
Плещет тихо, лениво в свои берега.
Кружит память спокойный, равнодушный поток.
Словно это осенний, пожелтевший листок,
С ветки сорванный, брошенный в водоворот...
Как давно мы не виделись!
Но и это пройдет.
Как давно мы не виделись!
Но на улице вдруг
Будет стиснуто прошлое между двух наших рук.
Взгляд твой нежный,
внимательный снова душу кольнет.
Как давно мы не виделись! –
Но и это пройдет.

* * *

Надежде Бывалиной

Не покидай меня надежда, не исчезай.
Хотя земля круглее круга — я вижу край.
Я ощущаю дыхание жизни и пустоту.
Все понимаю и принимаю и, вот, иду.
Иду, и встретить меня готовы и ад, и рай...
Не покидай же, меня, Надежда, не исчезай.
Подходим к дому, и расставаться уже пора.

«Не пропадите» - ты снова скажешь
мне как вчера.

* * *

Памяти друга детства Женьки Леушева

Ты лежал так долго на спине -
Камнем стали мягкие подушки.
Ходики ходили на стене,
Куковала как в лесу кукушка.
Проще всех тебе ей было лгать,
И неумолимо, безнадежно
Время истекло, и чуда ждать
Дальше стало больше невозможно.
Ты ушел. Был так январь суров.
В путь тебя последний проводили.
Снег скрипел под тяжестью шагов,
Как часы когда-то заводили.

Эльнара ФЕЙЗУЛЛАЕВА

DANKE ОКРИКУ

Мало кто вслед кричал,
С шага меня сбивая...
Окрики - гимн начал -
Будто сигнал трамвая:

Звякнуло - отходи,
Или опасность, или
Резкий конец пути,
Тянущегося мили.

Взглядом тебя схватив,
Остерегаю: милый,
Чувство - оно как тиф -
Миг - и отнимет силы.

И... Еще больше даст!

Окрику я, как другу,
Danke скажу за нас,
Danke за эту руку,

Что, прокричав "Вернись!",
Ты протянул за чувством...
Danke за пару виз
В мир, где не будет пусто.

Татьяна ПАШИНСКАЯ

НЕЖНОСТЬ

Дождь вечен.
Мелодия грустная
Бесконечна.
На клавишах-листьях
Играет беспечно
Нежность босоногая.
Из белых бессонных ночей соткана.
Ритм меняя, берет ноты высокие.
Бережет слова,
Ждет мотива, прощаясь с августом.
Нежность строптивая
Клянчит радости.
И ночует одна
На пароме
Между мечтой и верой.
Нежность брэнная
Смотрит в небо.
Не послушны
Клавиши-листья.
Нежность разбитая
Бьет коромыслом,
Все расплескав.
Нежность забытая
Сгинет в снегах.

Надежда БЫВАЛИНА

* * *

Я в глаза твои посмотрю,
В них несказанное прочту.
И звездой яркой зажгусь,
Небо темное освещу.

Пусть тепло мое до тебя дойдет,
И не страшен станет самый сильный дождь.
Тучу грозную я с небес сгоню,
Ярким пламенем душу напою.

Одиночество не страшно теперь,
За окошком нашим льется птичья трель.
Говорят, зима, холода придут.
Но звезда теперь согревает путь.

Литературное объединение Эжвинских поэтов и писателей «У камелька» (руководитель – Л. Ханаева)

Людмила ХАНАЕВА

* * *

Сгущается бесшумно тень ночная.
Огни зажег поселок и притих.
Здесь все дома и улочки я знаю,
И помню, и люблю я с детства их.

Во тьме белеют крыши в снежных шапках,
Над ними дым неспешно вверх плывет.
И в доме вашем намывает лапки
К приходу моему знакомый кот.

У звезд нарядных мирные заботы,
Как убаюкать к ночи Нижний-Чов.
По улицам усталый ветер бродит,
Калитка ловит скрип моих шагов.

Опять растянем мы надолго ужин,
Душистый чай пить будем за столом,
И кот рассказы будет тихо слушать
О прошлом, о далеком, о былом...

Людмила ЧЕБЫКИНА

* * *

Я буду некрасивою,
Рассерженною, грубою,
А может быть бессильною,
Бессмысленною грудною
Вдруг опрокинусь во поле,
Как сноп соломы брошенной,
Под непогоды воплями,
Когда все травы скошены...

Но буду и восторженной,
И нежною, и пламенной...

Сумеешь ли, хороший мой,
В душе увидеть главное?

Игорь ХУДОЛЕЙ

* * *

Т.

Ты для меня была в тот вечер только тем,
к чему я прикасался болью, ничуть не заботясь,
как я выгляжу в этом
дамском платье.
Незастенчиво
(оставив биографической прозе
припоминать посекундно вечер;
рассаживать - согласно этикету мемуарному;
отмечать, что лампа, от неловкости –

в стол смотрящая,
что-то знала заранее; заметить равнодушно,
что в приоткрытое окно - непрерывно
скользит сигаретный дым,
подобный призраку змеи,
сквозняком
рвущийся.)
- я расплескивал молоко
из стаканов своей биографии - по столу
и - исподлобья и с интересом,
рисую на жидкости монолог,
рассматривал эту грязь,
точно алхимик - реторту с гомункулом.

Бормотанье поэта - опаснее,
чем оплошность молочника: расплещешь
катастрофичнее, чем Господь-потоп.

К несчастью, тень, оставленная мной в квартире,
в кухне, у окна в углу, на табурете,
словно бы - загнанная,
теперь напоминает очертаньем слизняка-
беззащитного, неприятного, влажного, -
но отчего-то
словно бы
на листе
лавровом.

Наталья ЗОНОВА

* * *

В лимонном свете тишина
Струилась с прикроватной лампы.
Ей непонятен был мотив
Бушующих страстей.
Пройдя сквозь белый потолок,
Стустилась серой ватой
Тень обветшала невзгод
И выгоревших бед.
На полыхающих устах
Алела правда жизни.

...Убегает к реке переулок знакомый.
На дощатом мосту – стук моих каблучков.
Отпускная пора – наконец-то я дома! –
Двор, и детства река, и покой берегов.

Как и в прежние дни, бродит солнце по крышам,
А над ними лазурь рассекают стрижи.
И, как раньше, отец напеваёт чуть слышно,
И лежат на столе перед ним чертежи.

Здесь не видят усталых морщинок на лицах,
Не считают седин в прядях наших волос.
Дела нет никому до недетских амбиций,
До больных честолюбий, заслуг и постов.

Здесь лишь прозвищем прежним меня называют
И заботливо утренний сон берегут.
Здесь негромкая речь, неизменно простая,
И привычный уклад, и привычный уют.

А в назначенный час в суматохе вокзальной,
Отсекая безоблачной жизни главу,
Мы прощаемся,

но,

время опережая,

Я надеждой на новую встречу живу.

Екатерина ФИЛИПЧЕНКО

* * *

Вглядываюсь в жизнь подслеповато.
Розовыми линзами в оправе,
Или потемневшими когда-то,
В краски дня свои вношу поправки.
Вести долетают до окраин:
Карта не отыграна России
В игрищах коварных заэкранных,
Нравов чуждых тонкое засилье,

Кто-то ладит сетевые войны -
Взять реванш в истории новейшей,
Властные колонны беспокойны,
Тени поднимаются зловеще...
Зябко. Я за розовое прячусь,
Розовой надеждой согреваюсь.
Тихо для себя прошу удачи -
Видеть, как Россия оживает.

**Литературное объединение «ЛИСТ» Национально-культурного
центра СПК им. И.А. Куратова (руководитель А.В. Канев)**

Анастасия БЕЛЯЕВА

МАРТ

Луч солнца бьет в мое окно,
И на душе светлым-светло.
Капель танцует рок-н-ролл,
А в небе светло-голубом
Пушистый снег кружит, кружит...
И таять, в общем, не спешит.
Однако всё твердит народ:
- Весна идет! Весна идет!

Любви так хочется весной...
Я наслаждаюсь красотой.
Глаза как зайчики блестят –
Ребята смотрят на девчат.
Мы в вечной гонке за мечтой,
Любовью, счастьем, красотой...
Нам весело скворец поет:
- Весна идет! Весна идет!

БЛАГОРОДНОЕ СПОКОЙСТВИЕ

Какое благородное спокойствие
Царит порой в заснеженном лесу.
В том царстве великаны елки с соснами

Достоинo охраняют красоту.

И хочется на миг остановиться
И насладиться сказкою лесной.
И до ветвей дотронувшись, влюбиться...
Меня укроет снежной пеленой.

Здесь чистый воздух, тишина, сугробы,
Искрится белый ласковый снежок.
Лыжня зовет и манит, мол, попробуй,
Давай, скатись с горы еще разок!

Есть в том лесу неведомая сила,
Разбудит душу каждому она.
По-царски серебром своим укрыла
Прекрасный лес красавица – зима!

* * *

Люблю я идти, забываясь
По улочке тихой одна.
И небо, в глазах отражаясь,
В мечты погружает меня.

Не вижу вокруг никого я,
Не слышу ни звука вокруг.
Девчонкою я не покоя,
Я чуда хотела, мой друг...

Юрий КОНАКОВ

* * *

Страна бесправных, оскорблённых,
Где правит бал бесовский род,
Земля духовно оскопленных,
Страна рабов, страна господ.

Свободы дух – в газетных «утках».

По тёмным улицам твоим
Стоят, как стража, проститутки,
Вдыхая сигаретный дым.

Обманом воздух пересыщен,
Повсюду пахнет воровством,
Потоком кровь с экранов хлыщет,
Убийство стало ремеслом!

Каменья нынче время собирать.
Коль самоцвет - на свет, бульжник – в грязь.
Чтоб Божий дух в России стал опять,
Знаменьем крестным, смуты не боясь.

Весь род людской потерпит измененья,
Решения не избежит никто.
Кто светел - вверх без промедленья,
Кто тёмен - к Дьяволу, на дно.

ПРОЩАЛЬНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Опустевшим пляжем мы с тобой идём.
За стеной молчанья грёз забытых сон.
Как проснутся птицы, нам прощаться вновь...
Мне бы помолиться за твою любовь.

Больше не вернёмся мы с тобой сюда,
Призрачное счастье унесла вода.
И в тумане утра ты растаешь вновь...
Понесёшь другому ты свою любовь.

Твой сотрется образ в памяти моей,
Назову другую радостью своей.
Видно наши судьбы нам не обмануть...
Звездочкой упавшей для меня ты будь!

МНЕ НАДО...

Как штык, в податливое вражье тело
Вонзаюсь в суетность уклончивого дня.

Мне надо, чтобы замерло мгновенье,
Застыла цепь причин и следствий для меня.

Мгновенье, стой! Мне надо разобраться,
Что есть добро, что зло, а что любовь?
За что я попадаю в круги адские
И не могу из них вернуться вновь?

Смерть за плечом я чую неизбежно.
Она прекрасна, девственно чиста.
Со знаньем дела, ласково и нежно,
Готова плоть отринуть от креста.

В высоком мире воспарю я, млея,
Спадёт с очей духовных пелена.
Был на Земле рабом я на галере,
Прикован цепью к днищу корабля...

Лана ШЛЫЧКОВА

* * *

Не-до-любила, не успела,
Не-до-будила, не пропела.
Так много не-до-понимала,
Припав к груди, не обнимала,
А где-то в мыслях своих бранных
Жила покоем эфемерным.
Не напоила, не согрела,
Не объяснила, не сумела...
О главном так и не сказала.
На зиму свитер не связала.
Святой водою не омылась.
И за тебя не помолилась...

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

* * *

Куда летят эти птицы,
они вернутся обратно?
Наблюдать мне нравится,
когда они стаями.
Создаётся впечатление,
что эти крылатые
Рисуют картины
на светло-голубом фоне.
И я доволен,
когда поднимаю вверх голову,
Они машут мне крыльями,
летя в разные стороны...
А то, что я мечтал с детства,
как птица полететь,
Но сила тяжести мне
не дала взлететь.
И что это я себя часто спрашивал,
глядя вверх,
Летят птицы,
почему же прохожие
поднимают их на смех?
Так что лучше,
не бредить этой глупой мечтой,
А спуститься на землю
и идти спать домой.

Виктория БАЖУКОВА

ПОГОНЯ

Через лесную и густую сень,
Сбивая с елей вековых иголки,
Промчался белой молнией олень,
А по следам его шальные волки.

Он продирался сквозь деревья вглубь,
Рога свои он уронил на плечи,

Вздыхалась силой молодая грудь.
Он уходил от самой страшной встречи.

Свидетелями стали только ёлки,
И много лет уже трухлявый пенёк,
Как вдруг нагнали всё же его волки,
Но бился с ними молодой олень.

Стужались в этот час над Пармой тучи,
И по небу тащились втихомолку...
Олень бессилён был, олень замучен,
Смеялись, скалясь, над оленем волки.

Ужасен, был его последний миг!
Лишь скорбно на ветру скрипели ёлки...
Олень сорвался на предсмертный крик...
Победно взвыли над убитым волки...

Андрей КАНЕВ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА РЕСПУБЛИКИ КОМИ В 2008 ГОДУ

В одном из своих интервью «Российской газете» известный современный писатель Владимир Маканин на вопрос журналиста, что же такое литературный процесс, по его мнению, ответил: «Существует два литературных процесса: один – созидания текстов, другой – потребления этих текстов. Писатель отвечает за первую часть. А вот то, как будет принята его книга – экранизирована или забыта, или отодвинута на пятьдесят лет, – это проблема уже общества. Думаю, потребление в последнее время становится более примитивным, чем было. Доминирует привычка к экрану, а магия слова уже мало кого зазывает. Книга становится придатком кино. Люди сначала ждут экранизации, а потом уже читают. Если вообще читают. Представьте, лет через пятьдесят будут говорить о ком-нибудь с восхищением: этот человек умеет читать?! Сейчас подобная ситуация мне уже не кажется фантастичной. Мы всё больше мыслим сценами, а не мыслями. И это совсем не радует».

Прочитал и задумался. А так ли это на самом деле. И мне, показалось, что в нашей Республике Коми, где существует одна из самых сильных писательских организаций, ситуация пока ещё не дошла до той точки, о которой говорит Маканин.

В этом 2008 году писатели республики порадовали наших читателей замечательными книгами, вышедшими в свет в разных изданиях. О них и поговорим. На моём рабочем столе стихотворные сборники Надежды Мирошниченко «О любви», Александра Лобанова «Табакерка», трёхтомник Альберта Ванеева, сборник «Эпоха на кончике пера», книги Андрея Попова «О любви и смерти» и «В гордом мире роковом». Из прозаических книг меня заинтересовали сборник повестей и рассказов «Последний бой» Александра Лобанова, «Мужские повести» Сергея Журавлёва. Есть, на мой взгляд, что почитать и в литературных альманахах «Моим Северам», «Белый бор», «Капельки жизни», «У камелька», «Сыктывкар», а также «тематическом» номере журнала «Наш современник», посвящённом литературе Коми края и сборнике статей и произведений под общей редакцией Вениамина Полещикова «Репрессированные писатели».

Итак, сначала о поэзии...

Мне всегда было сложно писать о творчестве большого русского поэта **Надежды Мирошниченко**. Как говорится, соразмерная её таланту ответственность за сказанное слово давила на плечи. Творчество её, меня всегда завораживало. Она, так случилось, была первым профессиональным поэтом, который обратил внимание на мои ещё далёкие по молодости от совершенства поэтические вирши. Но, прочитав её новый сборник стихов, вышедший в издательстве журнала «Арт» в 2008 году, названный просто и философски - **«О любви»** - не могу умолчать о своём восхищении данной книгой.

С другой стороны о поэзии Н. Мирошниченко писать просто, ибо, как она сама признаётся:

На спичечных коробках, на подножках,
На небесах, бумагу зря не трать,
Пишу стихи и радуюсь немножко,
Что вся земля мне – школьная тетрадь.

После прочтения книги, можно с полной уверенностью заявить, что поэтический сборник «О любви», собравший под своей обложкой более четырёхсот стихотворений автора, представляет собой наиболее развернутое издание творчества Надежды Мирошниченко. И говорится в книге не только о любви лирической героини к мужчине, как это может показаться с первого взгляда, но и ко всему окружающему миру. Несмотря на это её стихи не лишены политизированности, той самой темы, которую в своём раннем творчестве Н. Мирошниченко удачно избегала:

До той поры, пока народ в загоне,
До той поры, пока подлец в чести.
До той поры, покуда вор в законе,
Я вынуждена кружево плести.

Как Пенелопа в доме Одиссея.
Но я дождусь, вы слышите, дождусь,
Не плача, не сдаваясь, не старея,
Как снова расцветёт Святая Русь...

«Поэзия, - как написал в своей вводной к сборнику статье «Сильное сердце» поэт Александр Суворов, - прекрасная дочь Любви человеческой. Нежная, сильная, печальная, светлая, горькая, верная – все определения жизненных состояний применимы к ней, потому что она бьётся пульсом во всех клеточках бесплотной и чуткой души, и стоит угаснуть этому трепетному пульсу – пропадёт и Поэзия. Можно сказать даже, что Поэзия и есть сама Любовь, неуловимое и необъяснимое состояние души, которое удерживает нас на ломкой грани человечности. Это состояние не связано с биологией напрямую, мы воспринимаем его теми же неизвестными науке рецепторами, что и Божью благодать. И как же трудно и счастливо добывается порой эта небесная духовная энергия!»

Новая книга стихов Надежды Мирошниченко «О любви» насыщена ею в запредельной концентрации:

Вот мне говорят, что поэзия – это стихия.
А может, и впрямь, как цунами, как штиль, как гроза.
Но, если по правде, затем сочиняю стихи я,
Чтоб слушали люди своих же сердец голоса.

Более восьмидесяти философских стихотворений включил в себя новый поэтический сборник известного поэта в Республике Коми и за её пределами **Александра Лобанова «Табакерка»**, вышел в свет он в 2008 году в издательстве ООО «Миян кыв» небольшим для нашего региона тиражом в пятьсот экземпляров. Открывает страницы своей книги стихотворец поэтическими строчками («Терем»), посвящёнными поэтессе Надежде Мирошниченко, в которых А. Лобанов сравнивает написание поэзии со строительством загадочного терема русской души:

В слюдяных моих оконцах
Заискрятся чудеса.
Станет терем красным солнцем
Золотить окрест леса.
И забудется дурное,
И пророчества волхвов.
Всё моё и всё родное
Ляжет в томики стихов.

В своей статье «Золотой терем» поэт и литературный критик Владимир Подлузский так оценивает творчество Александра Лобанова: «Но мало кто знает, хотя многие и догадываются, что А. Лобанов – поэт. Оригинальный,

особенный. Богатый по настроениям и по ритмике. Автор неожиданных образов, пытающийся в силу своего характера понять их видимый, так и невидимый мир. Он настоящий философ, воспитанный и на античных трудах, которые, как известно, стали предтечей христианского миропонимания. Отсюда в книге прописались и языческие боги, и средневековые дамы, и рыцари, в которых легко угадывается намёк на современность, и чувствуется трепетный взгляд доктора. Не на пациента, а на личность. Даже если она на операционном столе. Всё вместе создаёт стройную по гаммам и чувствам книгу, очерченную по периметру военной романтикой. Главные темы в ней наплывают волнами». После такой оценки становится ясно, что в данном случае поэт поэту, как ворон ворону, поэтическое око не выключет. Ибо, если вчитываться в лобановские стихотворные тексты, от образности, образно говоря, мурашки бегут по коже («Стремена»):

Стремена опустели. Скакун одиноко
Отмеряет ковыльскую серую степь.
Небо залито кровью, натёкшей с востока,
Где к утру был изрублен в атаке рассвет.
Не меняя аллюра, двужильная лошадь
Содрогает металлом калёных подков
Древний пласт перегнаю когда-то усопших
И впрессованных в степь древовидных веков...

До «Табакерки» поэзия Александра Лобанова выходила в свет как в Различных журналах и литературных альманахах (особенно часто в «Сыктывкаре»), так и отдельными книгами: «Ларец души» и «Космодром». В стихотворении «Табакерка», давшем название новому сборнику, где «Лес – серебряная табакерка», описывая природу Севера России, поэт пишет:

Стопудово, недюжиннойковки,
Прокатилось в тумане ядро,
Изорвавши в сажени от кромки
Горизонт, опрокинув ведро
Золотое полуночной сини,
Что, вскипев, как янтарь, и горя,
Полилась по безбрежью России
Листокрылой красой сентября.

В поэтическом сборнике «Табакерка» избранно представлены стихотворения последнего десятилетия. Автор в настоящее время – офицер уголовно-исполнительной системы, в прошлом войсковой врач, выпускник военно-медицинского факультета Куйбышевского мединститута. За плечами подполковника Александра Александровича Лобанова служба в ракетных войсках стратегического назначения, на космодроме «Плесецк», в отдельном баталь-

оне гвардии непризнанной Приднестровской Молдавской Республики. Тема службы звучит у него во многих стихах («Комбат»):

В ответ размышлениям ветер нагнал
Дым пороха, вьедливо приторный,
Который, как демон, кружил и пугал
Грядущими смертными битвами.
Речушка журчала себе, а комбат,
Стряхнув пыль, прилипшую с кителя,
Пошёл к батальону. Ведь он для солдат
Был видимым богом с лицом победителя.

В 1996 году Александр Лобанов был принят в члены Союза приднестровских писателей, филиала СП России. Отец Александра Александровича – русский, орловский. Мама – киевлянка, украинка. Трагедия разделения двух братских народов-близнецов не осталась без внимания на страницах прозы и стихов А. Лобанова. Как и трагедия развала некогда могущественной и многонациональной державы – СССР. Но торжество справедливости, любви, красоты – вот лейтмотив творчества поэта Александра Лобанова («Солнечные брызги»):

Берёзки же сыпали бисером,
Отлитым из солнечных брызг.
Сверканье их было немислимым,
Ослепнуть – отъявленный риск.
Веснушчатые, загорелые,
Лоснились травую луга,
И что-то весёлое пела им
Скворечня моя высоко.

Закончить рассказ о новой книге стихов Александра Лобанова хочется заключительными словами статьи предваряющей сборник: «Перед нами русский поэт-патриот, военный человек по мундиру и очень штатский по душевным переживаниям. Настоящий офицер и настоящий поэт. Со своим видением жизни. А оттого и интересный. Строящий золотой терем из брёвнышек стихов. О том свидетельствует «Табакерка»».

Альберт Ванеев всегда был певцом своей малой родины:

А в нынешнем сердечном перекале
Стыдят меня – вполголоса и в крик,
За то, что я ни в чём не упрекаю,
Не проклиная отчий материк.
До смертного конца не расплатиться
За хлеб и соль земли. И от и до
Меня поймёт ликующая птица,

В краю родимом вьющая гнездо.

В 2008 году в сыктывкарском издательстве «Арт» увидело свет **трёхтомное собрание сочинений** известного учёного литературоведа, народного поэта Республики Коми Альберта Ванеева. В трёхтомник включены написанные им в разные годы стихи, сонеты, поэмы, переводы, критические и литературоведческие статьи, а также воспоминания о нём. К сожалению, Альберт Ванеев, ушедший из жизни в рассвете сил шесть лет назад, не смог увидеть своё творчество собранным вместе в трёх солидных томах.

Самым верным переводчиком поэтического творчества Альберта Ванеева с коми на русский язык выступал поэт Андрей Расторгуев, хотя и не зная языка, всегда работал с «подстрочниками», его переводы однозначно воспринимались самим автором очень точными:

В душе неистребимую осталась
Военных лет недетская усталость,
Но и такая тяжесть не смогла
Сломать мечте мальчишеской крыла.
И на простом лоскутном одеяле
Нам отблески полярные сияли...

Подбор стихов и литературного наследия А. Ванеева сделала его вдова, литературовед Ирина Михайловна Ванеева. Она же предоставила из домашнего архива многочисленные снимки мужа, которые завершают каждую из трёх книг. Первый том предваряет фотография Альберта Ванеева на фоне соснового леса, сделанная известным в 60-70-е годы в Коми республике журналистом и литератором Валентином Гринером, в последние годы проживающим в Новой Зеландии. Краткую вступительную статью к собранию сочинений написала педагог Елизавета Ганова.

Как написала в своей статье «Стихи цвета Пармы» литературный критик Анна Сивкова «Книги оформил художник Юрий Лисовский. На обложке каждого тома в зелёном переплёте помещён стилизованный коми охотничий календарь. Такой символ не случаен: в большинстве стихов Альберт Ванеев воспевает природу, родная парма – лейтмотив всего творчества поэта». А вот и подтверждение её словам:

Где речку нерестовую не тронет
Рыбак, где не поставит перемёт,
Махорочного пепла не уронит,
Пылающего угля не швырнёт...
Мы о природе вроде бы пасёмся,
Клянёмся рекам в верности своей,
Но время множит заводи, где сёмга
Не хочет нереститься, хоть убей.

Трёхтомник произведений Альберта Ванеева выпущен в свет тиражом в тысячу экземпляров, он поступил во все крупные библиотеки республики.

Вышедший в свет в 2008 году **сборник «Эпоха на кончике пера»** объединил под своей обложкой стихотворные подборки около тридцати поэтов-журналистов, работавших какой-то период своей жизни в республиканской газете «Красное знамя». Палитра авторов получилась самая разнообразная как по возрасту, так и по степени поэтического дара. Начиная Виктором Савиным («Завещание» в переводе с коми Ивана Рыжикова) и заканчивая стихами нынешнего главного редактора газеты Евгения Горчакова («Весна в наступлении», «В Питер», «Сюжет для последней строчки», «Прощальные взгляды», «Сыну»). В своём «Завещании» Виктор Савин написал:

На последнюю дань природе,
На последний земной приют,
Пусть девчата
Парней приводят,
Песни радостные поют!
Может, вспомнят меня случайно,
И тогда на земле опять
С их весельем,
А не с печалью
Доведётся мне побывать.

Во многом сборник «Эпоха на кончике пера» стал данью памяти уже ушедшим от нас поэтам, и за это издателям земной поклон. Ведь в своих стихах они продолжают жить и радоваться жизни.

Наиболее яркими представителями поэтического цеха среди журналистов, опубликованных в книге, как мне кажется, можно назвать **Александра Рекемчука** («Щенок из подворотни», «Баллада о двух дамах», «Озеро Баскунчак», «Княжпогост», «Напиток сладкий, душистый, липкий...»), **Василия Журавлёва-Печорского** («Ромашковых обочин белизна...», «Ночные звонки», «Уже недолго буду вспоминать...», «По старому тракту»), **Валентина Гринера** («Реквием по родине», «Я просыпаюсь по ночам...»), **Юрия Гринько** («Вместо предисловия», «Акварель»), **Виктора Кушманова** («Кто гремит метелью в ставни...», «Осень»), **Анатолия Смирнова** («Напиши письмецо», «Вербное воскресенье»), **Владимира Блинова** («Осень приносит обиды...», «Костёр»), **Александра Суворова** («Мальчик молча смотрит в небеса...», «Часы с кукушкой»), **Надежду Мирошниченко** («Речка Чёрная Калитва», «Сыктывкарский вальс»), **Виктора Демидова** («Тиньганы», «Вездеход в тундре»), **Андрея Попова** («Смысл жизни в тех...», «То птицу видел, то звезду...»), **Владимира Цивунина** («Время листьев», «Чайная ложечка») и других.

Сыктывкарский поэт Игорь Вавилов представил в сборнике подборку из пяти стихотворений («В воскресенье замри...», «От одиночества обхвата...», «Картофель вырыли, в полях – покой и воля...», «Я о нём ничего не знаю...», «Горячий хлеб и кружка молока...»). Стихи этого автора всегда казались мне какими-то необычными, нетрадиционно написанными, трудно воспринимаемыми без специальной подготовки, всегда приходилось продирается сквозь строки, чтобы понять, о чём хочет сказать автор. Этим, думаю, Вавилов и интересен:

Я о нём ничего не знаю –
Не при мне с креста его снимали.
Я тогда был далеко очень,
Не успел увидеть всё воочию...
И сейчас я далеко очень,
Знаю ровно столько, что и раньше,
Где-то прочитал про плащаницу,
Что, мол, отпечатки и так далее...
У меня молитвослов дома,
Краткий, как и наша жизнь, в общем.
Находя своё незнание кокетством,
Я его читаю, когда плохо.

Любовь Галоян представила в книге остро социальное стихотворение, вскрывающее кровоточащие раны нашего сложного времени «Изгой»:

Однажды шла я городским кварталом,
Весенний воздух бодрость придавал.
Но только вмиг весны в душе не стало:
Увиденное было – как удар.
У мусорного бака мужичонка
Съестное длинной палкой достаёт,
У ног его – худая собачонка
В надежде ждёт: авось, перепадёт...

Четыре замечательных стихотворения опубликовала в разделе «Верность музе» Ирина Шиллер («Убегу, убегу...», «Когда-нибудь вне времени, пространства...», «Побудь со мной, сентябрь дождливый...»). Особенно из её лирики мне понравилось стихотворение «Ты найдёшь меня там...»:

Ты найдёшь меня там,
Где дожди отдыхают от будней,
Где не знают плащей и зонтов.
В том краю нас никто не осудит.
В том краю нет несбыточных снов.
Там не надо бояться желаний

Или прятать под сердцем любовь...
Я тебя повстречаю на грани
Наших схожих духовных миров.

Сборник, несомненно, получился талантливым. И тем прискорбней наткаться на совершенно провальные, на мой взгляд, строки, опубликованные на его страницах.

Чтобы не быть голословным приведу примеры из «нетленок» **Валерия Туркина**: «Раздобревшая луна рыжей кошкою бездомной...» (хочется задать ему вопрос, когда это у нас бездомные кошки были «раздобревшими?»), или «Держись, как этот безымянный / Боец на ножке деревянной, / Души несломленный горнист / Осенний лист.» (если вдуматься, картинка получилась ужасающая своим садизмом: боец на ножке деревянной (видимо инвалид Великой Отечественной войны) держится, зацепившись протезом за что-то, как осенний лист, раскачиваясь, вниз головой...). Ещё пример: «В электрической перхоти / Потолок и стена... / Как во сне, словно нехотя, / Танцевала Она.» (об «электрической перхоти», нехотя танцующей по потолку, может, как мне кажется написать лишь профессиональный электрик от поэзии). Или ещё, например: «Словно конь прядёт ушами – осень / Холод пьёт» (мне всегда казалось, что осень – это девочка, а конь – по крайней мере, мальчик, и одним и тем же они быть не могут). И таких «перлов» можно привести ещё немало. Можно, конечно, представлять себя поэтом в собственных глазах, но это не значит – быть поэтом.

В следующем сборнике на моём рабочем столе много Бога, любви к трагически погибшему сыну, непонимания Родины, которая становится под влиянием западных идеологий другой, раздумий над брэнностью собственного бытия и тоски по себе прежнему, до кончины единственного сына. Написал эту поэтическую книгу **Андрей Попов**, и назвал он её: «**О любви и смерти**». Открывается сборник просьбой автора: «Смиренно прошу у читателей церковных и домашних молитв об упокоении души раба Божьего Димитрия», а так же стихотворением, написанным в день гибели сына «То птицу видел, то звезду...», в котором поэт надеется на то, что:

И, может, после снов больших
Стихи когда-нибудь напишешь,
Которые Господь услышит,
И мир подумает о них
Всего два слова: «Поднят выше!».

Поэзия Андрея Попова всегда отличалась высокой патриотичностью. Не даром, как отмечала в одной из своих статей «Золотое перо» - орудие труда лучших поэтов» культуролог Галина Соболева: «Надо сказать, российский, а теперь уже и международный конкурс «Золотое перо» проводится всего лишь

в пятый раз. Его учредителями являются комитет по культуре Москвы и Институт социально-культурных программ. Наш земляк в недавнем прошлом воркутинский поэт, а ныне сыктывкарец, Андрей Попов уже дважды стал дипломантом «Золотого пера» в номинации «Лучшее патриотическое стихотворение». Одним из лучших в сборнике патриотических стихотворений, на мой взгляд, можно назвать «Деревня Вёшки смотрит телевизор...», в нём А. Попов пишет:

И напрягает зрение и нюх
Рябой упырь. И рокер стриты рушит.
И за измену босс девицу душит
И прячет тело в ящик для подушек.
Деревня Вёшки затаила дух.
Былин не помнит. Не поёт частушек.

Поэтический сборник «О любви и смерти» Андрея Попова, проиллюстрированный сыктывкарской художницей Полиной Гайнерт, вышел в свет в издательстве ООО «Амбур». Книга включила в себя более ста проникновенных философских стихотворений. В одном из них поэт пишет, задавая себе и окружающим вечный вопрос русской интеллигенции:

Как воеет метель! Как темно!
Проходят минуты и годы.
Душа моя смотрит в окно
На грозную смуту природы.
Зачем я живу на земле? –
Стареет душа и томится.
Зачем мои звёзды во мгле
Тревожные спрятали лица...

Сборник высокопробной поэзии «О любви и смерти» разбит тематически автором на несколько глав: «И ангел взял его за руку...», «Постигая небо, умираем...», «Любовью блаженной согрей...». В каждой из них красной нитью проходит память о безвременно ушедшем из жизни сыне. Так происходит, например, в стихотворении «Сколько зим и сколько лет...»:

Сколько всякой чепухи!
Жизнь проходит. Мне бы
Написать тебе стихи
На седьмое небо.
Может, ангел – тихий свет –
Вдруг в душе начертит
Молчаливый твой ответ
О любви и смерти.

Андрей Гелиевич Попов родился в 1959 году в Воркуте. Он окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Сорок

пять лет прожил в Воркуте. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Север», «Арт (Лад)», «Орион», «Мир Севера», «Войвыв кодзув», «Крещатик» (Германия), «Московский вестник», переводились на венгерский и коми языки. Он лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2000 год.

Оканчивается его новая книга стихов «О любви и смерти», которая вышла в свет благодаря помощи поэта Николая Герасимова, программным, на мой взгляд, стихотворением для всего современного творческого периода А. Попова «Снедает душу вовсе не нужда...», в котором он призывает:

Со мною помолись, осилим страх,
Злосчастье в сердцах и у ворот.
В земных исканьях и на небесах –
Одна любовь спасает и спасёт.

«В гордом мире роковом» - так назвал ещё один свой сборник стихов, вышедший в 2008 году в издательстве ООО «Анбур» сыктывкарский поэт Андрей Попов. Редактировал его другой не менее талантливый поэт Владимир Цивунин. Книга включила в себя более трёхсот восьмидесяти поэтических текстов – это немалый труд стихотворца. Этот сборник тоже пронизан памятью о погибшем сыне:

Только Господу известно,
Почему удел такой:
Сын живёт в стране небесной –
Я живу в стране земной.
Так легко смутить поэта.
Плачу я в земном краю.
Как понять мне благо это,
Правду Божью, скорбь мою...

Книгу Андрей Попов разделил на несколько циклов. Это «Не хочу понимать это время», «Увижу сумерки заката», «Воспоминания о плохой погоде», «Вам будет очень не хватать меня», «Январь и вечность», «Как не сбыточно слово!», «Поднят выше». Последний раздел полностью посвящён переживаниям поэта, связанным с гибелью единственного сына Дмитрия. Это плач умудрённого нерастраченным по назначению жизненным опытом взрослого человека над ушедшим в иной мир ребёнком. Для него он словно продолжает жить, только в ином измерении:

Дима, у нас наступает весна,
Время светлеет от тёплой погоды.
Птицы поют. А в душе тишина.
Скорбь приумолкла, хотя не проходит.
Там, где Господь поселил тебя в рай,
Что открываешь в небесной минуте?

Пьёшь с бергамотом заваренный чай,
Сутками не выключаешь компьютер?

Читая эти строки, начинаешь понимать, что для поэта гибель единственного сына от рук бандита – это не просто его личная трагедия, а трагедия всей современной России, в которой молодые здоровые парни гибнут просто так не героически, а как бы промежду прочим. В этом и заключается весь ужас переживаемой поэтом трагедии:

Чему же удивляться?
Русский снег.
И человек, не выстояв обедни,
Тревожит небо: «Что это за век?!»
Как будто он не знает, что – последний.

Или вот ещё («У птицы цель...»):

У птицы цель –
Она летит на Север,
На родину, где даже смерть мила.
А я брожу по Северу без цели
И не могу забыть –
Но не простор,
Не климат неприкаянной судьбы,
А только Родины позор.

А ещё в книге Андрея Попова «В гордом мире роковом» много почти что космической жизнеутверждающей энергии, много света и любви к родной земле, к родине, к простым русским людям, к природе и к самому дорогому, что есть у любого литератора – к литературе:

Что годы судьбы и света
Куда-то легко уносит,
О том, что в душе поэта
И в небе – поздняя осень.
На небе моём огромном
Сегодня темно и хмуро.
О чем остаётся помнить?
Что смерть – не литература.

Республиканскую прозу, на мой взгляд, в 2008 году достойно представили книги Александра Лобанова и Сергея Журавлёва.

Война для Российской государственности – можно сказать, обычное состояние конца двадцатого и начала двадцать первого веков. И естественно то, что литература, являясь отражением современной жизни, живо реагирует на это сугубо «житейское» обстоятельство. В 2008 году региональный литератур-

ный процесс пополнился прозой этой тематики благодаря выходу в свет произведений **Александра Лобанова**.

Книга прозы этого автора **«Последний бой»**, увидевшая свет в издательстве «Эском», состоит из повести и нескольких рассказов. Повесть называется «Таксист», рассказы «Выпускной», «День республики», «Приданное к свадьбе», «Рейд», «И... простите нас», «Минометчики», «Последний бой», «Снайпер», «Расстрел» - в большинстве своём уже были опубликованы в таких изданиях как литературные альманахи «Сыктывкар» и «Белый бор», а также литературном журнале российского Союза писателей «Наш современник». Однако собранные вместе эти рассказы открывают нам талант писателя с новой, более глубокой стороны, психолога жизни экстремальных положений. Его персонажи живут в условиях на грани жизни и смерти, в их судьбах все более или менее простые жизненные ситуации обострены до настоящего драматизма.

Александр Александрович Лобанов после окончания военно-медицинского факультета при Куйбышевском медицинском институте служил в Советской армии. В 1991 году, выйдя на военную пенсию, переехал с семьёй в город Рыбицу Молдавской ССР и, как оказалось, попал в «горячую точку» - во время Приднестровского конфликта пришлось вновь примерить военную форму, став начальником медслужбы отдельного мотострелкового батальона гвардии Приднестровской Молдавской Республики. События тех лет во многом и определили тематику прозы Александра Лобанова.

Начав заниматься литературным творчеством в 1995 году, на следующий год он становится членом Союза писателей Приднестровья. С 1996 года проживает в Сыктывкаре, где, работая медиком в звании подполковника в системе УФСИН России по Республике Коми, продолжает писать стихи и прозаические произведения. Книга «Последний бой» - первая книга прозы в творческой биографии Александра Лобанова.

«Последний бой» - это книга рассказов о войне в дни мира. О войне необъявленной, неизвестной и забытой – многими, но только не теми, кто оказался там, в Приднестровье, в горячие дни 1992-93 годов. Автор был среди тех, кому пришлось участвовать в том огненном разделе Молдавии, и именно поэтому его рассказы столь правдивы и полны подробностей – порой жутких, иногда трогательных. Автору невозможно не верить, а, поверив, невозможно не пережить это.

Вот как, например, в рассказе «Выпускной» описано лишь одно из событий той необъявленной войны: «Белые бальные платья... Окровавленные, изорванные крупнокалиберными и разрывными пулями. Словно срезанные белые хризантемы, усыпали площадь выпускницы первого года приднестровской независимости. Расстрелянные в упор девочки и мальчики... Удивлён-

ные, далёкие от понимания случившегося взоры устремились в бездонное небо, где, подобно стае голубей, высоко кружили их невинные души. А рядом лежали убитые матери, отцы, учителя. Красные лужи растеклись по асфальту, и в них отражалось то же небо, только уже не синего цвета. «Бэтэзры» же били и били по всему, что двигалось, дышало, ещё жило».

Вряд ли такое можно забыть, простить...

Есть в прозе Александра Лобанова и тема обыденной, не боевой службы советских, а потом и российских военных. Рассказ «Расстрел», например, из воспоминаний о космодроме «Плесецк». Он посвящён жизни ракетчиков на Плесецком космодроме, полной разных событий, порой весьма неординарных. Что говорит о тематическом разнообразии его прозаического творчества.

Вообще, писать о войне дело очень неблагоприятное, тем более о войне «гражданской», которая происходит внутри государства между некоторыми национальными слоями или категориями граждан. И как бы официально её не называли, «борьбой с терроризмом», или «принуждением к миру», или «восстановлением конституционного порядка», война всегда остаётся по своей жестокой сути войной, то есть страшным кровопролитием. Тем более что в боевых действиях всегда есть две стороны, и у каждой имеет право на существование своя правда, которую, в конце концов, можно понять и принять.

Когда читаю прозу Александра Лобанова всегда ловлю себя на мысли, что «малые» его произведения, обозначенные составителями, как рассказы, «тянут» на более высокое звание – повести. Так происходит и с особенно поразившим меня правдой жизни и знанием военного ремесла рассказом «Снайпер». В нём писатель берётся за наболевшую за последние годы в российской литературе «чеченскую тему». Однако авторский замысел рассказа лежит гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд. Присутствует в нём и любовная тема, крепко замешанная на политике. Обращает на себя внимание, с каким тонким профессионализмом выведен психологический образ простого молдавского солдата-снайпера, у которого руки не просто по локоть, по плечи в крови казаков-приднестровцев.

Суть рассказа «Снайпер» сводится к нехитрой судьбе молдавского сельского паренька Ионела Чорбу, который, как многие тысячи ему подобных в начале девяностых поддался на пропаганду скороспелых молдавских политиков-националистов, ориентированных на Запад и оплачиваемых румынскими властями, и влился в ряды спешно сформированного Кишинёвом отдельного разведывательного батальона, ориентированного на физическое истребление «левобережных сепаратистов» Приднестровской гвардии.

Но ряд обстоятельств и жизненных ситуаций, как то: обнищание сельской глубинки вместо обещанного «западного рая», встреча с русской девушкой, чуть не подвергшейся насилию со стороны распоясавшихся юных мол-

давских «националистов», в которую впоследствии главным героем рассказа и влюбляется, а также «зверский» бой с «куклой» (физическая тренировка спецназа с отработкой приёмов рукопашного боя на неподготовленных пленных русских приднестровцах) – приводят сержанта Ионела Чорбу к пониманию неверности того, что происходит в его стране с его народом. А отсюда и понимание родства с русским народом.

Вскоре Чорбу, женившийся на русской красавице Людмиле и переехавший на жительство вместе с родителями в Полярную Воркуту, становится снайпером в одном из подразделений российского спецназа и начинает применять свои профессиональные навыки снайпера, служа России, в качестве участника второй чеченской кампании. А заканчивается рассказ суперпатриотично: уже младшему лейтенанту Ионелу Чорбу убелённый сединами генерал вручает российский боевой орден.

На мой взгляд, именно такая «сказка о войне» и нужна современным политикам на постсоветском пространстве. Что называется, Лобанов своим «Снайпером» попал в самую точку. Россия для многих бывших советских республик, и так уж сложилось исторически, как была, так и остаётся «старшим экономическим и политическим братом». И невозможно сразу порвать все как человеческие, так и экономические связи, взять и по западной указке порвать. Только вместе, только рука об руку, современные страны ближнего для России зарубежья, смогут построить свои поистине независимые ни от кого государства.

«Думаю, - написала в своём отзыве на книгу Александра Лобанова «Последний бой» поэтесса, член правления Союза писателей России Надежда Мирошниченко, - что с военной прозой Александра Лобанова в русскую литературу пришло новое имя. Будучи непосредственным участником боёв в Приднестровье, Александр Лобанов не опустил до игры на ужасах межнациональной трагедии, а точно сумел передать недопустимую жестокость той сумасшедшей войны, всю безвыходность огрубления гвардейцев, безжалостную ломку православной души народа. Это не только реквием по расчленению Земли Русской, но и предупреждение: да не повторится в России безумное молчание её народа, да опомнятся её властители, да не сгинут в бессмысленной войне её воины».

Я полностью согласен с такой оценкой прозы замечательного писателя и поэта Александра Лобанова.

«**Мужские повести**» - так назвал свою первую полномесную книгу прозы известный в Республике Коми и за её пределами писатель **Сергей Журавлёв** – сын не менее известного поэта, прозаика и журналиста Василия Журавлёва-Печорского. Зачем понадобилось это упоминание об отце? Для того чтобы с полной уверенностью сказать, что у этого автора крепкие генетические писа-

тельские корни. Только вот пишут они совершенно по-разному. И не по тому, что время для их жизненного пути было отмеряно судьбой разное, а потому, что мироощущение, миропонимание, не смотря на равную, на мой взгляд, меру таланта, - разное. Об одном и том же пишут, о сильных людях, но каждый по-своему. И это есть хорошо для литературы, для литературного процесса.

В книгу, выпущенную в 2008 году в издательстве «Полиграф-Сервис» вошли три повести. Это «Вертикаль абсурда», «Тёмная путина, или пуля для нерождённого сына» (ранее публиковавшаяся в литературном альманахе «Сыктывкар») и «Хан-удар Бэса».

Сергей Васильевич Журавлёв – альпинист, писатель и журналист. Альпинизмом и скалолазанием начал заниматься в 1996 году в ростовском ДСО «Спартак» у тренера Анатолия Александровича Кремня.

В 1988 году, после окончания Ростовского гидрометеорологического техникума, вернулся в родной город Сыктывкар. Работал преподавателем в республиканской станции юных туристов. В 1985 году окончил школу инструкторов альпинизма ВЦСПС и от стажировался в АУСБ «Цей». В 1988 году выполнил норматив кандидата в мастера спорта, а уже через два года, пройдя методсбор, получил квалификацию инструктора-методиста по альпинизму второй категории. В 2008 году сдал экзамен на высшую в стране категорию первую и стал высокопрофессиональным инструктором-методистом по альпинизму.

Писатель Сергей Журавлёв работал инструктором альпинизма в «Цее», «Джан-Тугане», «Узунколе», Крымской школе инструкторов и школе «Эльбрус», а также на различных учебно-спортивных сборах в горах Дагестана, Приэльбрусья, Тянь-Шаня. Им совершено более двухсот различных восхождений.

Основная профессия Сергея Журавлёва – журналист. За время командировок он объездил всю Республику Коми. «Мужские повести» книга прозы, написанная по материалам, собранным в этих командировках, но это не очерки. Это проза, опирающаяся на знание жизни северян, их умение противопоставить сложностям быта и социальным катаклизмам своё терпение, нравственное начало. Герои повестей «Вертикаль абсурда», «Тёмная путина, или пуля для нерождённого сына» и «Хан-удар Бэса» - мужчины, выпадающие из хаоса «лихих» девяностых годов прошлого века. Каждый из них, - будь он альпинист, рыбинспектор или профессиональный боксёр, - верен мужской дружбе, семье, нравственным ценностям мира.

Автор книги «Мужские повести» С. Журавлёв – выпускник Литературного института имени Максима Горького. Он член Союза писателей России, автор пяти поэтических сборников, трёх пьес (одна из них «Медвежья родня» - представлена Коми национальным музыкально-драматическим театром), романа

«Зырянский крест», который был опубликован в журнале «Арт». Произведения С. Журавлёва переводились на коми, финский, венгерский, английский языки.

Вот что сам С. Журавлёв пишет о своих повестях: «Есть такая российская общность – северяне. Волею providения и моих родителей, я, Сергей Журавлёв, автор этой книги, вхожу в эту общность.

Мои герои – нормальные мужики, знающие и уважающие своё дело, знающие и уважающие своё Отечество, знающие и уважающие свою семью. Пожалуй, в тройственности этого знания и уважения таится сущность общности – северяне.

Я – журналист, объездивший Республику Коми не только на поездах и самолётах, но и катерах, вездеходах, моторных и гребных плавсредствах. Очень часто мне хотелось продолжить истории моих газетных героев, но законы газеты не позволяли уходить в творческие литературные изыскания мотиваций поступков, психологии действий. Однажды я сел и написал первую приключенческую повесть, используя свои записные книжки. Она понравилась друзьям и читателям. Тогда я понял, что литература менее требовательна к факту, но более требовательна к слову и характеру. «Мужские повести» - триптих о трёх мужских судьбах периода перестроечных катаклизмов. Вот только не надо искать в этой книге мемуаров или биографий. Это литература, где каждый герой живёт по своим правилам жизни.

Я и в самом деле кандидат в мастера спорта по альпинизму и инструктор-методист первой категории, но герой «Вертикали абсурда» похож на меня ровно столько, сколько я на Сильвестра Салоне или Клаудию Шиффер. Я никогда не занимался боксом, но журналистская жизнь, недолгая работа в пресс-службе Министерства физической культуры, спорта и туризма Республики Коми познакомила меня и с мастером международного класса, участником игр Доброй воли, чемпионом СССР Владимиром Балаем, и заслуженным тренером России по тазквондо Анатолием Чиканчи, и многими другими спортивными лидерами, не позволившими единоборствам скатиться до уровня «ОПГ» милицейских протоколов, то есть «организованной преступной группы». Однако мой герой повести «Хан-удар Бэса» - это не фотографический портрет кого-либо из моих знакомых. Более того, я почти уверен, что они найдут достаточное количество неточных деталей... Впрочем, и в «Тёмной путине» - первой моей повести, настоящие рыбаки нашли подобные несоответствия, подсказали, как их исправить. По-моему, мелкие детали – не главная проблема для повести, их всегда можно подшлифовать.

В «Мужских повестях» я попытался рассказать о беспокойном и странном времени переходных девяностых и сохранённом нравственном начале моих земляков. Если получилось, буду рад. Не получилось, что ж: «Не убивайте тапёра, он играет, как умеет...».

В своей статье «Проявил мужской характер» критик Валерий Туркин так написал о творчестве Сергея Журавлёва и о нём самом: «К своему 50-летию, отмеченному на этой неделе, известный журналист, поэт и альпинист Сергей Журавлёв, редактор сыктывкарской газеты «Панорама столицы», приурочил выпуск новой книжки «Мужские повести». Взятый Сергеем Васильевичем возрастной рубеж, по собственному признанию, знаковый для него, ведь именно в этом возрасте ушёл из жизни его отец, один из самых плодovitых писателей республики, Василий Журавлёв-Печорский. Самым ценным из всех подарков юбиляру и стала новая книга как подарок самому себе и поклонный отчёт перед отцом, которого сын трепетно любил».

Очень надеюсь на то, что у альпиниста и писателя Сергея Васильевича Журавлёва все вершины творческие ещё впереди.

Альманахи всегда интересны для литературного процесса тем, что они одной книгой дают возможность познакомиться сразу с целым рядом разных авторов: писателей, поэтов, критиков и литературоведов, дают целостную картину современной прозы и поэзии.

В московском издательстве «Руда и металлы» в 2008 году вышел в свет очередной ежегодный **литературный альманах геологов Республики Коми «Моим Северам».**

В сборник вошли лучшие прозаические, поэтические и мемуарные произведения геологов, журналистов, писателей и людей, неравнодушных к литературному творчеству. Основу книги составили произведения, публиковавшиеся на протяжении двенадцати лет в литературных сборниках и альманахах, издаваемых по инициативе геологов республики. Именно дух романтики и тяжёлой настоящей мужской работы, помноженный на собственный опыт дальних маршрутов в неведомые и труднодоступные края, усиленный радостью долгожданых побед и открытий, а также неизбежной во всяком труде горечью неудач и поражений, - всё это делает данную книгу интересной для самого широкого круга читателей, как далёких от повседневных будней изыскателей недр, так и тех, кто связал свою жизнь и судьбу с самой замечательной профессией на свете.

Книгу традиционно составили несколько разделов, посвящённых прозе, поэзии, мемуарам о коллегах, друзьях и близких, а также биографическим справкам об авторах.

Со своими рассказами, эссе, художественными очерками и повестями в альманахе «Моим Северам» выступили **Яков Юдович** («Оставляем сердца частицу», «Прорыв на Лену», «Конец сезона»), **Вячеслав Озеров** («Санрейс», «Лапа», «Правша»), **Борис Тарбаев** («Курумы», «Глаз сокола», «Абарагу»), **Николай Юшкин** («Тина»), **Виктор Демидов** («Сибирь с высоты человеческого роста»), **Алексей Иевлев** («Страницы, не вошедшие в отчёты»), **Иван Бе-**

лых («Каменные богатыри»), **Юрий Ткачёв** («Как я «управляю» Академией наук»), **Вольта Штейнер** («Водка для Академии наук»), **Виктор Юдин** («Перспектива»), **Юрий Юровский** («Шерше ля фам»), **Олег Можаров** («Ощущение родственной души в соседнем дереве»), **Михаил Тарбаев** («Туман»), **Владимир Полежаев** («Мои медведи»), **Анатолий Плякин** («Хирург»), а также **Евгений Юшкин** в соавторстве с Николаем Юшкиным («В стране каменных идолов»).

Около сорока авторов напечатали на страницах книги свои поэтические произведения. Особенно обращает на себя внимание творчество любителей поэзии, связанных с геологической наукой. Это Наталья Беляевой («Сказал мудрец»), Юрия Войтеховского («Вы мне приснились в нежно-голубом...»), Галины Деревцовой («Над Тимманом туманы...»), Никиты Ясинского («Щекой к земле приникну»). Вот что, например, написала в своём стихотворении Наталья Беляева:

Сказал мудрец:
«Свою телегу
Ты прицепи к звезде и следуй
По жизни в свете лучезарном».
...Моя звезда была Полярной!

Эстафетную палочку «молодёжной поэзии» от своих более старших товарищей в литературном альманахе «Моим Северам» подхватили юные поэты Екатерина Соколова («Пойти на мост и вниз глядеть...») и Фёдор Феофилактов («Осень», «Бурлит река, усталости не зная...»). В представленных стихах Ф. Феофилактова превалирует мотив «Люблю природы обновленье...», в одном из своих стихотворений он пишет:

Бурлит река усталости не зная.
Сочится свет из мокрой пустоты.
И снова,
Землю с тучами сшивая,
Стекает дождь на галечник косы.
Живой обман.
Движения не новы.
К свободе не стремится ток воды,
Седой туман,
Ножом срезая горы,
Не нарушает вечной красоты.

Представлены в книге и стихотворные подборки членов Союза писателей России, живущих в нашей республике. Это поэзия Валерия Вьюхина («О тебе», «Копья», «Начало»), Сергея Журавлёва («Хлебнув неведомого лиха...», «Мне бесы шептали»), Алексея Ивлева («Мы – не спасение России...», «По

болотам и кочкам...» и другие), Андрея Канева (Остановка трамвая, пяток голубей на карнизе...»), Александра Лобанова («Ты у калитки сидела...»), Андрея Попова («Посмотрю на снег в начале мая...», «Проедет поезд мимо Ираёля...» и другие), и москвича Владимира Силкина (Знаю, о чём поёт...», «На реке», «Поговорили, разошлись...»). Замечательный русский поэт В. Силкин – певец своей малой родины пишет:

Знаю, о чём поёт
Или вздыхает птица.
Каждой весною вьёт
Гнёзда и в них гнездится.
...Большого счастья нет –
Землю любить родную.
Я её столько лет
К этой земле ревную...

Стихи сыктывкарских поэтов Олега Рочева («Вычегда, лето, лодка...»), и Евгения Суворова («Успокойся, душа, успокойся...», «Журавли», «Васильки в горах») всегда обращают на себя внимание тонким философским лиризмом поэтической строки. Вот они проникновенные строки Е. Суворова:

Пусть шумят на душе листопады.
Всё пройдёт, успокойся. Не надо
На судьбу, обижаясь, грешить.
Надо жить, просто жить, только жить.

Большой поэтической подборкой в два десятка стихотворений порадовал читателей тонко чувствующий реалии жизни сыктывкарский поэт Николай Герасимов («Вариации на северную тему...», «Привыкаю к краям пустынным...», «Дорога на Кожим», «Шпицберген» и другие). Он кандидат геолого-минералогических наук посвятил всю свою жизнь поэзии и геологии:

Сколько лет мы с тобой Северам подарили,
Сколько троп проторили мы в этих краях.
Наши шальные будни в легенды и были
Превратились.
Но время ходить в королях
Утекает сквозь пальцы. И дышат в затылок,
Не умея сдержат ураганный азарт,
Несмышлёные мальчики, чтоб пропустили
Их на главные роли, к рулю, в авангард.

Мемуарные очерки в сборнике опубликовали Владимир Хлыбов («От коношни до...»), Николай Юшкин («Хибинские дни поэта Николая Михайловича Рубцова»), Алексей Иевлев («Африка»), Лев Махлаев («Тот самый Вилен»), Виктор Юдин («Последний маршрут»).

Составители альманаха «Моим Северам» с самого начала отошли от «узкого» подхода к подбору произведений – профессия авторов и геологическая тематика никогда не являлись самоцелью при формировании и издании новой книги. Именно поэтому на страницах литературного сборника широко представлены люди различных профессий и увлечений, разного возраста и жизненного опыта – учёные, журналисты, пилоты, туристы, профессиональные и самодеятельные литераторы, учащиеся, педагоги и спортсмены.

Правда, учитывая тематическую направленность издательского дома «Руда и металлы», а также тот факт, что основу прежних альманахов всё-таки составляли произведения геологов и о геологах, составители «Моим Северам» впервые специально постарались донести до читателей именно этот – романтический и манящий, сдобренный запахом тайги, гор и тундры, овеянный дальними маршрутами, просоленный тяжёлой мужской работой, набивший мозоли и ссадины – дух призвания и профессии изыскателя земных богатств, первопроходца неведомых далей и глубин нашей прекрасной планеты. Но это ни в коей мере не умаляет литературной ценности издания, а наоборот придаёт ему некую своеобразную изысканность и оригинальность.

За полтора десятилетия деятельности литературной студии «ЛИСТ» Национально-культурного центра Сыктывкарского педагогического колледжа имени И.А. Куратова были опубликованы пять книг: «Капля весенней капли» (1997), «Песчинки времени» (2001), «Крылья небесных высот» (2003), «Летящей мысли светлый луч» (2005) и «Бесшумный полёт золотого листа» (2007). **Литературный альманах «Капельки жизни»**, который вышел в свет в 2008 году – шестая книга из этой серии. Все они были составлены и оформлены с большой любовью по принципу, высказанному однажды Виктором Гюго: «Пусть лучше меня освищут за хорошие стихи, чем наградят аплодисментами за плохие».

Впервые в сборнике собралось так много авторов, около шестидесяти человек. В книгу «Капельки жизни» вошли произведения профессиональных писателей, членов Союза писателей России Владимира Силкина, Алексея Иевлева, Андрея Канева, Андрея Попова. Замечательные стихи и рассказы представили на суд читателей преподаватели колледжа Нина Пундикова, Ольга Рогожникова, Юрий Конаков, Анастасия Беляева, Наталья Торлопова. Отрадно, что не теряют связи с педагогическим колледжем и литературной студией недавние и давние выпускники, такие как Наталья Старцева, Виктория Мартынова и Лана Шлычкова, при прочтении их произведений чувствуется, что они уже не новички в литературе. Показали высокий уровень своего поэтического и прозаического творчества и студенты колледжа.

Обратила на себя внимание проза двух авторов, это рассказы Натальи Старцевой («Сберечь», «Он моими глазами») и Юрия Конакова («Случай в

сквере или Барьер из гамбургеров») - оба произведения, на мой взгляд, это зрелая проза состоявшихся писателей.

Рассказ Н. Старцевой «Сберечь» посвящён взаимоотношениям молодой пары, которые взяли и приручили собаку. Вскоре им пришлось расстаться, разъехаться в квартиры, находящиеся в пятиэтажках, стоящих друг напротив друга в одном дворе. Дома связывала между собой заносимая иногда снегом тропинка. На этой еле приметной дорожке посередине между двух зданий вскоре собака и умерла, замёрзнув ночью, так и не решив, кто из бывших хозяев ей ближе. «Он моими глазами» - любовная новелла, в которой рассказывается о том, как Он (художник) писал портрет, а Она (просто девушка) позировала. Когда замечательный портрет девушки был написан, они расстались. Только вот девушка, по мысли автора, оказалась ещё большим художником, она поняла этого мужчину и тоже нарисовала его портрет, только психологический.

Мир простых человеческих взаимоотношений отражает рассказ Юрия Конова «Случай в сквере или Барьер из гамбургеров». В нём описаны судьбы трёх совершенно разных женщин, ищущих своё счастье. Только с одной разницей две сотрудницы «элитной организации» оказываются злыми и ничемными стервами, а третья совершенно невысокомерной, терпеливой и доброй женщиной, пожалевшей однажды в скверике, где они любили обедать, проходившего мимо бомжа, и отдавшей ему свой гамбургер. «Подруги» ей этого случая не простили, постепенно выжили с тёплой работы. Это и послужило в её жизни решающим обстоятельством. Вскоре нашлась другая хорошая работа, а ещё и любимый человек, с которым девушка создала семью.

Стихи Нины Пундиковой («Не говори мне о любви...», «Не хочу, не могу, не желаю прощаться...», «Признаюсь: я многое потеряла...», «Кусты в саду, как белые костры...», «Умея ждать, я, наконец, дождусь...») уже давно завоевали признание не только сыктывкарских читателей, но и любителей поэзии всей республики. Её поэзия – точное отражение души её лирической героини:

Умея ждать, я, наконец, дождусь
Того, о чём давным-давно мечтала
И с замираньем сердца ожидала.
Умея ждать, я, наконец, дождусь!
Ещё немного подождать осталось,
И я пойму, что жизнь жила не зря,
Что я такой счастливой не была.
Ещё немного подождать осталось...

Светлая, лёгкая лирика Ольги Рогожниковой («Золотые поцелуи», «Весеннее солнце», «День с улыбкой») – обретение свободы её лирической героини, которая хочет вырваться из оков быта, увидеть серый город вокруг раз-

ноцветным солнечным бород, лучик весеннего солнца в разгар зимы, улыбку на строгом лице суженного:

Ранней осенью в природе
Происходят чудеса:
Золотые поцелуи
Дарят лесу небеса.
Буйство красок, вспышки цвета
Вмиг бросаются в глаза.
От такого марафета
По щеке скользит слеза...

Опубликовали свои стихи в литературном альманахе «Капельки жизни» и члены Союза писателей России Андрей Канев («Доктор», «Над вековыми горами скопилась гроза...», «Я понял только в этот новый год...»), Владимир Силкин («Две птицы», «Гаданье на листьях»), Алексей Иевлев («Наши города – во тьме...», «Равновесие – тонкая нить...», «Всего-то делов»), Андрей Попов («На Севере жил я – не ведая горя...», «Кризис»), а также известные литераторы, деятели культуры Николай Тюрнин («Рябине», «Черёмухе» - в переводе с коми языка Андрея Канева) и Анатолий Вотяков («Игра», «Отцу»), поэзия которого воспеваает трепетные взаимоотношения между мужчиной и женщиной:

Давай с тобою мы в игру сыграем,
Что я к тебе приехал издалёка.
Я по тебе скучал и обнимаю.
Условимся, была разлука долгой.
Потом потушим в зале свет, оставив
Одну свечу зажжённую, не бойся,
Ведь это лишь игра, и мы не станем
Переступать черту. И в мыслях вовсе
Я не имел намеренья обидеть
Тебя, и зла не затаил, Бог видит...

Бард и музыковед Анастасия Беляева представила на суд читателей в сборнике свою поэтическую подборку из семи стихотворений. В её творчестве музыка и слово идут рука об руку, почти все поэтические тексты положены на музыку. Лирическая героиня А. Беляевой любит и страдает вместе с ней:

Метель, метелица кружится,
Укрыта снегом вся земля,
А на душе тоска вьюжится,
И сердцу больно от огня.
Как объяснить тебе, любимый,
Что не хватает мне тебя?

И одиночество – та сила,
Что всех страшнее для меня...

Интересен читателям литературный альманах «Капельки жизни», на мой взгляд будет ещё и тем, что литературные произведения на его страницах представлены как на русском, так и на коми языках (А. Савина. Мамой менам медся муса! Т. Нестерова. Муса мамук, ёна нин тэысь гажй быри... И. Лопырева. Менам дона, муса мамукй! А. Пименова. Кыдз ме чайта...), а так же и в переводах с коми языка на русский, что говорит о тесной связи двух литератур коми и русской. В этом выпуске впервые публикуются талантливые эссе студентов на заданную тему под рубриками «Осенние капельки жизни» и «Сердце матери греет лучше солнца».

Эжва – район города Сыктывкара со своеобразной культурой и творческими жителями вновь порадовал нас выпуском очередного **литературного альманаха, седьмого по номеру, «У камелька»**. В 2008 году это уже солидное по оформлению издание вобрало под свою обложку мысли и чувства более двадцати поэтов и писателей.

И, как написала, бессменный руководитель данного проекта руководитель эжвинского литобъединения Людмила Ханаева: «На его страницах тебе встретятся уже знакомые по предыдущим выпускам имена. Это Маргарита Прилуцкая, Виктор Бурдин, Нина Николаева, Евгений Суворов, Людмила Ханаева, Олег Рочев, Людмила Чебыкина, Наталья Зонова, Анатолий Вотяков, Екатерина Филипченко, Татьяна Барышева. Раздел «Дебют» представляет людей, которые в нашем альманахе печатаются впервые: Игорь Худолей, Сергей Илейко, Алексей Зубков и Людмила Копейкина. Особенность этого выпуска в том, что на его страницах появились тексты на коми языке. Имена комиязычных авторов – Гений Горчаков и Раиса Куклина. Но не только этим стал замечателен 2008 год для эжвинского литобъединения. В течение восьмого творческого сезона вышло три авторских сборника: «Я возвращаюсь...» Анатолия Вотякова, «Поток» Нины Николаевой и «Достучаться до сердца хочу твоего...» Людмилы Ханаевой».

О поэзии и прозе «центровых» авторов литобъединения «У камелька» мною уже много написано добрых слов, поэтому хочется сегодня поговорить о творчестве участников данного альманаха мне ранее не известных. Но не могу удержаться, всё-таки приведу примеры наиболее понравившихся мне цитат:

Из стихотворной подборки Анатолия Вотякова:

Ночью вот что получилось:
Звёзды с неба отцепились
И на землю полетели,
Превратившись в белые снежинки.
По пути бродяга-ветер

- Подхватил их на рассвете,
И потом они метелью
Скрыли снегом от людей тропинки...
Из стихотворной подборки Нины Николаевой:
Не хочу быть одинокой
И дрожащей, как осина.
Не помчусь за синей птицей,
Радость я и здесь найду.
В помыслах моих высоких
Покручусь под небом синим.
Вольная, себе – царица,
Госпожа в своём саду.
- Из стихотворной подборки Людмилы Ханаевой:
Зима, как Фея нежная,
Походкой ступит лёгкою.
Загадочная, снежная
Предстанет девой кроткою.
Взмахнёт руками белыми,
Застелет травы мятные,
Начнёт ветрами смелыми
Качать деревья статные...
- Из поэтической подборки Людмилы Чебыкиной:
Я просто женщина – живая, грешная.
Душа, щемящая от грусти солнечной.
Берёза белая. Тайга безбрежная.
Зима, идущая за белой полночью.
Живу доверчиво. Делюсь победами
С землёй – измученной, но непогубленной.
На жизнь не сетую. Себя не ведаю
Ни обездоленной, ни недолюбленной.
- Из поэтической подборки Маргариты Прилуцкой:
Спасибо за прощальный лунный блеск,
Что исчезает призрачно за тучей,
За шорох леса в темени дремучей,
За неоткрытость тайны милых мест,
За этот час, расслабленный и поздний,
Когда ночная птица не кричит,
И лес молчит, но не смолкают звёзды
И льют на землю синие лучи.
- Из поэтической подборки Евгения Суворова:

Плачется, плачется белая вьюга,
Жалобно песни поёт...
Мы потеряли с тобою друг друга,
Горькое счастье моё.
Горькое счастье, слепая потеря,
Суетность в трудной судьбе...
Больше не смог никому бы доверить
Доченьку – только тебе.
Тихо мерцают заздравные свечи...
Дай Бог вам счастья и сил
Жить в этом мире шальном и беспечном,
И чтоб Господь вас хранил!

Интересную, на мой взгляд, прозу в седьмом выпуске литературного альманаха «У камелька», тонкую, лиричную, философски осмысливающую окружающую нас действительность, исполненную изысканным и простым одновременно литературным языком представили Татьяна Барышева («Только бы успеть...»), Людмила Ханаева («Беспощадный критик») и Людмила Чебыкина («Соседка») и Олег Рочев («Пятый член семьи», «Первые проблемы роста»). Все рассказы этих авторов объединяет любовь к жизни, знание её и способность поделиться с читателем нажитым опытом и индивидуальным пониманием людской психологии.

В книге представили свои поэтические произведения члены ухтинского литобъединения Инга Карабинская («Не умер», «Ответ», «Рассвет»), Семён Башкиров («Всё снова вернулось к поре...») и Дмитрий Безгодов («Не разговаривай с чужими, боль моя...»).

Поэзия Инги Карабинской произвела на меня двоякое впечатление. Некоторые её образы и строки активное неприятие литературного вкуса, а вот иные легли на душу и прижились в ней. Такие, например:

Задержи рассвет хоть на час,
Я прошу тебя, задержи.
Это время под знаком Нас,
Нас, что в памяти так свежи.
Задержи торопливый день,
Разлепляющий иней век,
Сократи его хоть на тень –
Я прошу, задержи рассвет.

В стихах Семёна Башкирова природа переплетается с философией жизни лирического героя так причудливо, что порой и не разберёшь, что же является первопричиной поэтического творчества этого ухтинского автора. Его слово выверено и зыбко, как дуновение осеннего ветерка:

Всё снова вернулось к поре
Бессилия листопада.
И ропот берёз на заре
Так ясен, и осень – рядом
Укрылась за гладью озёр,
Усыпанных стаями листьев,
И в душу направила взор
Прохладный, спокойный, чистый...

Стихи Дмитрия Безгодова были опубликованы в литературном альманахе «Сыктывкар»-2008, вошли они органичной частью и в сборник Эжвинских авторов «У камелька». Его стихи поражают одновременной безрассудностью любви и строгим сознанием прагматика, Безгодов пишет в своём стихотворении:

Не разговаривай с чужими, боль моя,
Не отягчай спасительных болезней.
Мы не умрём, покуда в сердце тесно
Молитвам о любви благодаря.
Не скарედность, но мудрость говорит –
Тепло родное чуждых не согреет.
Ты знаешь, парус праведного Грея
Встречают все, но для одной горит...

Стихи дебютантки альманаха Людмилы Копейкиной искренне удивили меня своей прозрачностью и простотой поэтического слова, за которой скрывается сложный мир человеческих взаимоотношений:

Не забывай, когда душа светла.
Пусть тайна красоты не отзовется,
Она тихонько к сердцу прикоснется
И вспыхнет яркой искрой тепла.
Не растеряй его в дороге дня
Средь суеты и придорожной пыли.
И, чтоб тебя хоть чуточку любили,
Не погаси прекрасного огня.

Литературовед Раиса Куклина сделала профессиональный разбор творчества «камельковцев», у каждого нашла в творчестве сою «изюминку». Екатерина Филипченко достаточно профессионально сделала переводы её стихов на русский язык. Отдал должное литературным пристрастиям Эжвинских авторов в своей статье «Из искры...» и поэт Алексей Иевлев. Седьмой выпуск литературного альманаха «У камелька» - получился, и это главное!

В 2008 году вышел в свет **девятый номер ежегодного литературного альманаха «Сыктывкар»**. Над его составлением потрудились редколлегия, в

которую вошли Виктор Шевцов, Альберт Бернштейн, Галина Нечаева, Виктор Демидов, Алексей Иевлев, Митрофан Курочкин, Вениамин Полещиков, Александр Ульянов, Иван Белых и Андрей Попов. Люди это всё известные, и труд их, на мой взгляд, в очередной раз оказался состоятельным. Открыла его своим посвящением русскому писателю Валентину Распутину «Уроки французского» Надежда Мирошниченко:

Уроки французского! Тёмный заснеженный вечер.
И русская девушка в дальнем сибирском краю
Голодного мальчика учит изысканной речи,
Французской фонетике вместе со словом «люблю».
Он так одинок, этот мальчик, и так простодушен.
И очень талантлив, но очень, к тому же, строптив.
И как она хочет согреть его чистую душу,
Её чистоты и доверия не замутив.

Незабываемым гимном полярной Воркуте звучит в сборнике стихотворений сыктывкарского поэта Николая Герасимова «Моим северным друзьям», его поэзия всегда на острие чувства, на острие времени и человеческого восторга жизнью:

Вёсны капризные, словно похмельный синдром,
Зимы тягучие, как восхождение к вершине.
В мёрзлую землю врастаем. Горят серебром
Россыпи звёзд на чернильной небесной холстине.
Тянем судьбы паутинку в колючей пурге,
Пишем стихи на хрустальных снегах без помарок.
На ивняковой, забытой богами ворге
Рвём для любимых охапки жарков и фиалок...

Ярко с поэтическими подборками выступили в альманахе представители Союза писателей России Надежда Мирошниченко («Уроки французского», «А нам бы с тобой по морям, по волнам...», «Финский залив»), московский поэт Владимир Силкин («Русское поле», «Осенние ветры», «Осень в Рязске»), Алексей Иевлев (Назову Вас высоко – на «Вы»...), Ты читала стихи Верлена...», «Как быстро тлеет сигарета...»), Юрий Ионов («Когда вся жизнь сошла на край...», «Поэты встарь растили сыновей...», «Гербы претенциозны и глупы...»), Игорь Вавилов («Клыбельная», «Рабочий городской район...», «Этническая музыка играет...»), Владимир Цивунин («Подкрашены губки, подвязан платок...», «Прекрасный, никому не нужный...», «Такая гроза громышает...»), Александр Суворов («Вечерняя», «В лесах судьбы ненастье...», «Птица сна»), Владимир Тимин («Звезда моя, звезда земная...», «Если вширь дорога вечна...», «Жить учил я отца – лез из кожи...»), Валерий Вьюхин («Взгляды», «Век», «Клесты»), Владимир Подлузский («Трижды причастные», «Жёлтый

охотник», «Софрино»), Андрей Попов («О чём поёт гиперборей...», «Глубинка жалеет бомжей...», «Упрямый сын мой постигает век...»), Виктор Демидов («Моя обветренная сказка», «Мгновения в горсти», «В осинах – осень»), Сергей Журавлёв («Я видел в зеркале...», «Русский путь», «Черепаша»), Андрей Канев («Чегемские водопады», «Одиночество», «Название станции как леденец за щекою...»), подборка стихов Анатолия Илларионова («Рябиновый воздух в осеннем саду...», «Лёгкий морозец осени ранней...», «Когда тревожно звёзды гаснут...») получилась в альманахе посмертной, поэт словно предчувствовал свой внезапный ранний уход из жизни:

А лето уходит на тысячу лет,
Роня последний, неласковый свет.
И чёрные птицы заплачут,
А белые птицы растают...
Но что это, что это значит –
Кто знает?

Старейший русский поэт и писатель Коми края фронтовик Александр Клейн опубликовал в «Сыктывкаре» авторизованный перевод из Гейне «Два брата», а коми писатель Николай Шукин мини-поэму «Лебеди» в переводе Алексея Карпова. Набатов-предупреждением звучат и сейчас актуальные строки Гейне:

Поколенья спят в могилах,
Век идёт за веком вслед;
Опустев, с горы уныло
Смотрит замок сотни лет.
Но внизу в долине чёрной
Бродят призраки в ночи;
Братья там, чуть грянет полночь,
Вновь берутся за мечи.

В поэзии Николая Шукина превалирует искромётный юмор, так сюжет его мини-поэмы заключается в том, что ставится под сомнение традиционная «лебединая верность». Главный герой поэмы лебедь, решил гульнуть на стороне, что у него, в принципе, и получилось, однако:

Выдержавши птичий слог,
Передам их диалог:
- Где ж летаешь ты, гуляка?
Что ты «каркал» мне до брака?!
Вдруг о верности забыл.
С кем ты время проводил?
- Виноват, прости родная.
Как случилось, сам не знаю...

Только твёрдо понял я –
Ты одна любовь моя!
И лебёдушка простила...

Традиционно сильно прозвучала в литературном альманахе «Сыктывкар» поэзия, представленная членами эжвинского литературного клуба «У камелька» Евгения Суворова («Страстная пятница, страсти Господни...», «Истомилась душа, изболелась...», «Снится, снится тихий пруд...»), Людмилы Ханаевой (отрывок из поэмы «От зимы до зимы»), Татьяны Асафьевой («Этюд»), Маргариты Прилуцкой («Я с Севером повенчана навеки...», «Ржаное поле, светлая река...» «В роще деревья голы и босы...»), Нины Николаевой («На стекле оконном...», «Наш коми край воистину богатый...», «В театре»), Екатерины Филипченко («Покалеченное время...», «Снежинок белых кутерьма...»), Игоря Худолея («Если все мы – под Богом ходим...», «Этому городу...»), а также Натальи Зоновой, которая в творчестве доносит до читателя свои философские размышления, свои утончённые, чисто по-женски милые, открытия «мира внешнего и мира внутреннего», понимание зыбкой границы между жизнью и смертью:

Окно в окладе деревянном,
Божница горечи моей...
По насту времени, неожиданно
Струится страх со дна очей.
Нет звонарей в приходе звёздном,
Прозрачен высший хор светил.
Рывок – и будет слишком поздно.
Помилуй, Боже, просвети!
Глаза всевидящие, знаю,
На зов души обращены.
Восток луной пока не занят,
И нет греха, где нет вины...

Разноплановой по тематическому и жанровому ряду показалась мне проза, представленная на этот раз в альманахе. Это и рассказ-размышление о двух мирах: этом и загробном Александра Ульянова «Лето», и изначально «городская» повесть Валентина Гринера «Синдром отмены», и «деревенская» проза Ивана Белыха в переводе с коми Алексея Иевлева «Вкусный ячменный каравай», и эссе Татьяны Барышевой и Людмилы Чебыкиной («И я прощаю тебя» - Т.Б., «Маленький принц» - Л.Ч.), а также «Охотничьи рассказы» Николая Терентьева и Александра Парначёва «Выстрел экстра-класса».

Приняли участие в книге два сыктывкарских студенческих литературных объединения Сыктывкарского госуниверситета (Е. Кепплин, В. Устюгов, М. Самарин и другие) и литературное объединение «Лист» национально-

культурного центра Сыктывкарского педагогического колледжа имени А.И. Куратова (Н. Пундикова, Л. Шлычкова, А. Беляева и другие). Их работы дали альманаху «новую литературную кровь», прибавили непосредственности и свежести.

Несомненно, удачным, на мой взгляд, оказался **шестой выпуск литературного альманаха «Белый бор»**, вышедший в свет в издательстве ООО «Амбур» в 2008 году. Книга собрала под своей обложкой произведения шестидесяти авторов. Опубликованные в сборнике стихи, рассказы, повести, переводы с коми языка подобраны так и претендуют на то, чтобы помочь, как можно более полно, читателю узнать о литературном процессе нашего северного региона. Издание осуществлено при поддержке Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Альманах традиционно разбит на несколько блоков: проза, поэзия, мозаика, из архива, рассказы и стихи молодых, переводы с коми. В отличие от предыдущих выпусков, в этом альманахе появилась новая рубрика «Гости с Урала». В ней есть возможность познакомиться с литераторами Екатеринбург, Челябинска, Тюмени. Свою прозу и поэзию в этом разделе представили Александр Кердан, Арсен Титов, Андрей Щупов, Олег Чувакин, Тамара Михеева, Нина Ягодинцева, Вадим Осипов и Андрей Расторгуев. Который и интересует, мне кажется, местных любителей литературы больше остальных, потому что ещё совсем недавно был жителем нашей республики, города Сыктывкара, и его можно считать до сих пор «нашим» автором. Его философская лирика в подборке на этот раз наполнена политическим содержанием («Возвращение из ГДР», «Потерянному» поколению 1960-х годов»), где автор искренне признаётся:

Да и вправду, наверное,
Не угодили натурой:
Настроению нынешней
Тысячи лет вопреки
Мы отравлены странною
Русскою литературой,
Где летят в небесах
На горбатых конях дураки.

Много лет уже живя за пределами Республики Коми, Расторгуев не перестаёт обращаться к «символике» своей «малой родины» («Прихотлива чело-вечья воркота...»):

Можно всё на свете напрочь поменять,
Но, пока не вещество, а существо,
Слыша звон, желаю ясно понимать,
Где впервые я наслушался его.

И откуда человечесьей колготой
Не забиты перепелы звонарей,
Мне казаться будет, что над Воркутой
Я взаправду летом видел сизарей.

Проза в нынешнем «Белом боре» представлена рассказами Модеста Авдеева («Про дядьку», «Говорящее полено», «Война миров», «Проблема», «Лавка Просперуса», «Крысолов», «Всемирная конференция Санта-Клаусов»), Елены Габовой («Зайцева Нина и Зайцева Поля»), трагикомическими жизненными историями будто бы на кулинарные темы (литературный приём) Виктора Карелина («Мамины лепёшки», «Чего я не люблю из еды», «Я за ним не поспеваю...»), «Всё имеет отношение к кулинарии», «Горе луковое», «Про пельмени»), Александра Лобанова («Расстрел»), Александра Селякова (трогательные своей глубиной житейского психологизма и одновременной простотой повествования «Письмо на небеса», «Теплее»), Сергея Рулёва (фантастика - «Звёздная паутина»), Нины Обрезковой («На семи лодках») и повестью (притчей) Екатерины Тушковой из её цикла «Восточные сладости» («Монисто для Тайши»).

Рассказ Александра Лобанова «Расстрел» мне напомнил, как бы сейчас сказали, инновации в советской литературе «перестроечного периода» конца восьмидесятых – начала девяностых годов прошлого столетия (основным «маяком» этой темы в то время выступила широко известная повесть Юрия Полякова «Сто дней до приказа»). Рассказ посвящён «дедовщине» в советской армии семидесятых годов, когда в ней ещё служили бывшие фронтовики Великой отечественной. Но благодаря мастерству слова писателя, умению его создавать правдивые психологические портреты военных людей, тема «дедовщины» не потеряла новизны в «Расстреле» и сейчас.

Действие рассказа происходит в войсковой части, обеспечивающей жизнедеятельность нашего северного космодрома в Плисецке, а сюжет основан на издевательствах сержанта Игнатова над «молодым» рядовым Гавриковым и заслуженным «наказанием» - «расстрелом» за это, мнимо произведённым командиром части полковником фронтовиком «Батей». Для красочности и сочности описываемых событий Лобановым в рассказ введён ещё один персонаж – медведь, периодически наведывающийся в свинарник полка. Охота на матёрого зверя выписана с профессиональным знанием дела. Медведь же в рассказе выступает и в качестве «лакмусовой бумажки» для понимания стального характера и истинной человечности полковника Крушинского (Бати), который сумел выстрелить из табельного пистолета над ухом военного преступника Игнатова, от чего тот обмочился, потеряв в дальнейшем всякое желание избивать «молодых», и не смог убить на охоте красавца медведя, выскочившего прямо на полковника из устроённой егерями засады.

Философская притча Екатерины Тушковой в стиле фэнтези, как мне кажется, стала прозаической вершиной шестого выпуска альманаха «Белый бор». Ранее знал её лишь, как интересную поэтессу. В «Монисто для Тайши» Тушкова проводит некий психолого-анатомический анализ таких вечных, как наш мир, человеческих понятий и ценностей как красота и молодость, любовь и предательство, одиночество и материнство. Писательница окунает читателя в мир восточной сказки. И это мне кажется не случайным, именно так ей удаётся достичь понимания своих чувств и мыслей, вложенных в уста действующих лиц Тайши, её мужа Рахима, содержателя средневекового борделя Ахима и правителя страны «добра молодца» султана Хадира.

Незаметно подступила старость к красавице Тайше, и волшебное монисто, сделавшее женщину вечно молодой не принесло ей, как бы «зависшей» между двух миров разных поколений людей, женщине - удовлетворения и покоя. Не познавшая за всю свою слишком долгую жизнь счастья материнства, она находит его в, ставшем «вечным младенцем», благодаря надетому на шею волшебному монисто, Хадире, которого назвала в честь своей первой и, как выяснилось, единственной любви – мужа Рахима – Рахимом. Так и стали они вечными неприкаемыми скитальцами во Вселенной, она – вечная уродливая старуха, и он – вечный желанный младенец.

По настоящему удивила Нина Обрезкова своей прозой в переводе Игоря Вавилова. Как мне кажется, термин «деревенская проза» (традиция в русской литературе: произведения Василия Шукшина, Валентина Распутина, Василия Белова, в коми литературе: Геннадия Юшкова, Ивана Торопова и других), как нельзя лучше характеризует её рассказ «На семи лодках». Всё полотно её размеренного повествования сюжетно держится на одном единственном, но очень значимом событии. В давно не виданное на селе половодье, затопившее половину улиц и дорогу на кладбище, скончался мужик. Как его земле предать, на кладбище доставить? Пришлось односельчанам составлять караван из семи лодок.

В повествование о подготовке похорон автором вплетены воспоминания детства главной героини. А так же рассказ о её современной неустроенной жизни. Вселенская женская тоска по надёжному мужскому плечу, мужчине рядом, похожем во всём на погибшего отца – вот главная тема рассказа «На семи лодках».

«Молодую поэзию» в сборнике представили стихотворения Дарьи Снегирёвой (поэма «Детдомовец»), Максима Самарина («Осенние птицы», «Воин и Звезда», «Плачет, плачет над землёю...») Владимира Устюгова (Бело-лунный фонарь...», «Осенняя колыбель», «Солнце остыло и скоро...», «Новый Завет в кармане...»), Алексея Зубкова («Зимой в этом городе...») и Елены Кепплин («Чубарые кони», «Жеребёнок Есенина», «Подарок», «Ребёнок и конь»), лейт-

мотивом подборки, которой, выступили многовековые взаимоотношения человека и древнейшего его помощника – лошади:

Порой, понимая, что время
Течёт, как сквозь пальцы вода,
Волшебному ржанию внемля,
Я вновь возвращаюсь сюда.
И здесь, так проворен и звонок,
В стране изумрудных полей
Встречает меня жеребёнок
Есенинских жгучих кровей...

Опубликованы в альманахе и стихотворные подборки мэтров литературы Республики Коми Н. Мирошниченко, А. Пашнева, А. Илларионова, В. Вьюхина, А. Суворова, В. Подлузского, А. Иевлева, В. Тимина, И. Вавилова, А. Шабанова, А. Попова, В. Цивунина, Е. Суворова и других. Главным мотивом стихотворной подборки Олега Чупрова традиционно стала любовь к малой родине:

Светлая, как облако, река.
Вёсла выгибаются упруго...
Родину любить издалека –
Это, брат, не велика заслуга!
Так я говорил себе... Но вот
Жизнь свою окидываю взглядом:
Если в сердце родина живёт,
Значит, я не вдалеке – а рядом!

В Ижевском издательстве ООО «Первый издательский дом» в 2008 году под общей редакцией известного историка литературы Вениамина Полещикова вышел в свет без малого семисот страничный труд, сборник статей и произведений **«Репрессированные писатели»**. **В.М. Полещиков** несколько лет трудился над этой не имеющей пока аналогов в России книгой. Сборник, посвящён известным и малоизвестным репрессированным литераторам, прошедшим через лагеря Республики Коми. Одним из них был Фёдор Тараканов, он долгое время прожил в республике, вот одно из стихотворений, написанное поэтом в застенках ГУЛАГа («У Каменки»):

Я сидел у каменки под густой сосной.
Каменка играла золотой волной.
Беззаботно мчалась резвая река,
А меня терзала чёрная тоска.
Думал я о Родине, о беде своей...
Вдруг увидел в небе стаю журавлей.
Птицы мне кричали: - Что сидишь? Лети!
Нам с тобой должно быть даже по пути.

Я ответил птицам: - Не могу, друзья,
Нелюди сломали крылья у меня.

Их объединяла борьба за жизнь и свободу, которая предполагает и свободу творчества. Многие из них так и не дождались этой самой желанной свободы и погибли в застенках сталинских лагерей. После них остались лишь скупые поэтические строки, как, например, у Степана Петрова («На кресте»):

На кресте Тебя, Русь, распяли,
И твой голос певучий затих;
Только ветры полынью печали
Прозвенели в просторах ржаных...

В исследовании «Репрессированные писатели» на них приводятся развёрнутые статьи или краткие данные, а в отдельных случаях и отрывки из прозаических сочинений, поэзия. Книга, по признанию критиков, является заслуженной данью памяти литераторам-узникам советских лагерей.

Помимо В. Полещикова, в ней представили свои статьи Игорь Жеребцов, Митрофан Курочкин, Анна Сивкова, Анатолий Попов, Андрей Канев, Валентин Гринер и другие авторы. Их статьи посвящены описанию жизни и творчества таких репрессированных писателей, как Николай Володарский, Александр Клейн, Андрей Евстюничев, Лев Разгон, Георгий Шилин, Остап Вишня, Адам Бабарека, Виктор Савин, Иван Симаков, Яков Косман и других. Приведу строки поэта Валентина Соколова из стихотворения «Побег»:

В эту ночь серебром размерцались снега,
Голубым перелитые лаком.
В эту ночь арестант оторвался в бега,
Тот, что часто смеялся и плакал.
Перед ним расступились стальные ряды,
И луна не звенела в решётках.
И остались за ним голубые следы
Отражением мертвенно чётким...

Как написала в своей книге «Воркутинские заметки каторжанки «Е-105» Елена Маркова: «В лагерных стихах противление каторжной жизни, преодоление духовной смерти, поиск умственного развития. Стихи были своеобразной летописью нашей повседневной жизни. Увы, в ней фиксировались чаще всего страшные кровавые события... Лагерные стихи – это поэтическое сопротивление в ГУЛАГе...». И с этим выводом, как мне кажется, стоит, несомненно, согласиться.

Пятый по счёту за последние годы ноябрьский **выпуск** московского **журнала** писателей России **«Наш современник»** вышел в свет в 2008-м году с произведениями авторов Республики Коми. Неизменным составителем этого литературного «блока» в журнале выступила Надежда Мирошниченко.

Проза в журнале представлена повестью Ивана Торопова «Не стреляй в медведя дважды» и рассказами Елены Габовой («Бабушка Колобкова», «Дерево»), Петра Столповского («Дятел Дядя») и Тамары Ломбиной («Лёха-зек», «Небылица»). Отдельные стихотворные подборки были опубликованы у Анатолия Илларионова («Прощальный полёт»), Андрея Попова («Я потерплю...»), Александра Суворова («И я причастен к этой вечной шири...»), отца Владимира (Пономарёва) («Терпение травы») и Владимира Подлuzского («Мужицкий рай»), который, вдумчиво и доступно раскрывает перед читателем своё восприятие родины («Мельница»):

Хлеба, хлеба, сплошные витязи,
Стоят и машут мне шеломами.
Неужто снова зёрна вызрели
Промеж деревнями бездомными?
Какие русые и русские,
Приятное оторопление.
Земля, пропитанная чувствами,
И есть великая империя...

Поэтическую мозаику журнала составили стихи Альберта Ванеева в переводах с коми Андрея Расторгуева («Родную землю чувствует и птица...», «Что нам легенда нынче?», «В душе неистребимую осталась...»), Елены Афанасьевой в переводах с коми Екатерины Соколовой и Евгения Валериана («Я проснулась от твоего шёпота...», «Как облако вобрать в себя...», «Принесённый тобой цветок завял...», «Сердце твоё...», «Знаю, цветок есть такой...»), Андрея Канева («Солдаты первого броска...», «Над вековыми горами скопилась гроза...»), Елены Кепплин («Мы ночь бессонницей продлим...»), Валерия Вьюхина («Потоки», «Странники», «Огромность»), а также Алексея Иевлева («Воркута», «Мы живём на костях...»), он пишет:

Мы живём на костях.
Мы создали на них красоту.
Наши храмы белы,
Но кирпич под извёсткой кровавит.
Как мы веруем в то,
Что Господь нас в беде не оставит!
Потому что оставил нам веру
И нашу беду.

В этот раз страницы журнала были открыты цитатой из Ивана Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!». Прочитав эти слова, начинаешь с иной, более высокой, «планкой» подходить к

чтению произведений русских авторов Республики Коми. Блестящая повесть народного писателя коми Ивана Торопова «Не стреляй в медведя дважды», написанная им на русском языке (по крайней мере, переводчик не указан) говорит о немеркнущей силе таланта этого уже немолодого писателя.

Сюжет повести до невероятности прост. Коми охотник-промысловик Ондрей с верной собакой Кашысем вышел в тайгу на свой «родовой охотничий путик» на сезонный промысел. И пока шёл до охотничьей избушки на краю вековых болот, вдруг обнаружил, что весь Широкий Бор (по коми: Паськыд Яг), где он по пути на свои угодья всегда раньше стрелял пару-тройку дичи перекусить себе и собаке, варварски кем-то вырублен. С тяжёлым сердцем предчувствия неминуемой беды охотник добрался, обогнув оставленный «бурелом», до своей избушки. Так и оказалось, что предчувствия опытного охотника не обманули. Хозяин Широкого Бора, старый одинокий медведь, прогнанный лесовиками со своих охотничьих угодий, перебрался на жительство в «лесные владения» Ондрея. Встреча на узкой охотничьей тропе оказалась неизбежной. Потому что медведь, ленясь охотиться самостоятельно и, видимо, затаив на всех людей не прощаемую обиду, стал нагло опустошать петли и самодельные капканы охотника, поедая попавшуюся дичь. Ондрей всего-то хотел пугнуть хозяина тайги, обозначить границу между их общим существованием, а получилась настоящая схватка не на жизнь, а на смерть. Старый медведь решил не уступать человеку и бросился на охотника. Первым выстрелом Ондрей его не убил, но зверь заревел от боли и, испугавшись, ушёл бы. Да нельзя отпускать такого. Второй выстрел бросил медведя в смертельную атаку, так и погиб под его лапами охотник. Не выполнил он завет своего деда: «Нельзя стрелять в медведя дважды, нельзя...»

Сюжет повествования, действительно прост. Но сколько всего нанизано на это, на первый взгляд, не мудрёное повествование. Начну с того, что сотворена повесть настоящим, добротным русским языком, с вкраплениями местных северных «русизмов» и своеобразных для русской речи коми слов и выражений. Авторская речь нетороплива и экспрессивна одновременно. Описательную часть (природа, бытописание) проглатываешь, читательским восприятием органично и не спотыкаясь на уместных в подобных случаях длиннотах. Складывается такое впечатление, что органичность авторского языка описываемым событиям – вот то главное, ради чего брался писатель за перо. Хотя это не совсем так. И вот почему.

Тема разоряемой глупым человеком природы, невозможности утраченного векового природного равновесия – вот что ставит писатель во главу угла своей повести. С такими людьми, как Ондрей, уходит из жизни северных малых народов завещанная предками природная жизнь. Весь трагизм ситуации, описываемой Иваном Тороповым в том, что творящееся с его родным коми

народом изменение ментальности – необратимо. И промысловик Ондрей оканчивается в своём роду последним охотником. Сыновья, переехав в города, оторвались от родной земли, родовых путиков. Из внуков лишь один мечтал попасть с дедом в тайгу на промысел, но по малолетству не успел перенять от деда родовых заветов. В этом и есть истинный трагизм повести Ивана Торопова «Не стреляй в медведя дважды».

Ложкой дёгтя в бочке мёда литературного блока коми авторов в журнале «Наш современник» при прочтении одного мне показался незамысловатый рассказ Петра Столповского «Дятел Дядя», который и рассказом-то сложно назвать, может, не совсем удачной зарисовкой к некоей юмореске или повествованию более широкого плана – можно. Лично у меня сложилось впечатление, что прозаическое произведение малой формы Петра Столповского «Дятел Дядя» было напечатано толи по великому «блату» в редакционном коллективе «Нашего современника», то ли потому, что выкупленную республикой площадь было необходимо абы чем забить, то ли кто-то там по дружбе решил, что имя Столповского должно присутствовать в каждом выкупаемом республикой номере «Нашего современника», пусть и публикуется абы что... Для меня – загадка.

Суть рассказа сводится к тому, что некий дачник (положительный герой) начинает на своём дачном участке строить баню. И ему в этом деле мешает некий вечно пьющий и «ледащий» сосед (отрицательный персонаж) кланчащий на выпивку, а помогает своим перестуком трудяга-дятел, названный дачником почему-то Дядей. И обрывается эта комичная история тем, что отрицательный персонаж предсказуемо становится ещё более отрицательным и делает из этого дятла чучело с целью обменять его у положительного дачника на водку. Не буду ничего более писать о сомнительной «поэтике слова» П. Столповского в «Дятле Дяде», просто направлю читателя к первоисточнику, внимательный и, может быть даже, не самый искушённый в филологии читатель сам расставит уровневые акценты и сделает правильные выводы. Одно могу сказать, «Дятел Дядя» - не уровень для российского журнала.

Рассказ Е. Габовой «Бабушка Колобкова» без преувеличения можно назвать проходным. Без которого можно было бы и обойтись в творческой биографии Габовой, выносимой на российский уровень, но который, по большому счёту, и общей картины всего полотна Коми-«Нашего современника» не портит. Сюжетная линия: одинокая бабушка Колобкова – её квартирантка журналистка Наташа, их взаимоотношения, сроднившие двух женщин молодую и пожилую, требовала тонкого глубокого психологизма повествования, а получился незамысловатый пересказ сюжетного действия.

Совсем другое дело рассказ «Дерево». В этом случае с писательницей будто бы произошла некая метаморфоза, и из заурядной творческой провин-

циалки (рассказ «Бабушка Колобкова»), она вдруг превратилась в тонко чувствующего писателя российского уровня. Рассказ исполнен в подзабытом уже нашими прозаиками эпистолярном жанре. В рассказе расписан классический любовный треугольник: он – она – он. Но как филигранно в отношении литературы это сделано стоит только позавидовать. В рассказе все описываемые события будь-то сон или поход в поликлинику происходят на грани фола, на грани психологического срыва главной героини повествования. И строится оно на символах: зелёное зимой дерево, название станции «Поздно» и т.п. В общем, стиль повествования для Габовой новый, экспериментальный и как показал рассказ «Дерево» для этой писательницы, на мой взгляд, продуктивный.

Творчество сыктывкарской писательницы Тамары Ломбиной представлено на страницах журнала двумя рассказами «Лёха-зек», написанным ею в середине девяностых годов прошлого века и «Небылица», который ранее на глаза не попадался. О первом уже писал в рецензии о прозе Ломбиной, второй же рассказ заставил меня перечитать его дважды, так «лёг на душу».

Сюжет его основан на переплетении были и небылицы в жизни конкретных людей послевоенной и нынешней России. Собрались в деревенской избе на посиделки старухи и старик телевизор посмотреть, очередной сериал, а он возьми да и сломайся. Вот Авксентий Никитич, муж одной из престарелых товарок, и стал рассказывать гостям небывальщину про любовь одного человека к женщине, которую они пронесли через всю жизнь эту любовь друг к другу, будучи повенчанными, с другими людьми. И так трогательна эта история, так профессионально она «обставлена» писателем всякого рода психологическими фишками, что слезу вышибает, когда начинаешь понимать, о ком эта история. А ещё когда начинаешь понимать, что все собравшиеся находят-ся в неведении и в том числе супруга хозяина Степановна, что эта трагическая история любви его мужа и её подруги Анфисы. Ничего не скажешь – сильная проза, настоящая.

Поминальной песней для замечательного русского поэта Анатолия Илларионова стала его стихотворная подборка, опубликованная на страницах журнала и названная «Прощальный полёт». Он родился на маленькой железнодорожной станции, всю жизнь там прожил, там и нашёл успокоение. Стихи Анатолия Илларионова неоднократно печатались в литературных альманахах «Сыктывкар» и «Белый бор», в журналах «Север» и «Крещатик». За всю жизнь им были изданы три стихотворных сборника «Одиночество», «Маленькая станция», «Осеним светом». Его главная лирическая тема любовь к малой родине и дорогой сердцу северной природе:

Лес с черничными полянами,
Тундра с совами полярными,
Под луной мечтают волки:

Хорошо бы выпить водки.
Под сосною серебристой
Да под ёлкой бархатистой,
Как живу и не тужу –
Никому не расскажу...

Пять небольших стихотворений составила поэтическая подборка «Терпение травы» о. Владимира (Пономарёва). Его стихи очень порадовали меня, я знал его ещё «простым» мирским человеком, просто Володей Пономарёвым, поэтом, с которым судьба впервые столкнула на творческом республиканском литературном семинаре русских авторов в 1987 году. Уже тогда его лира поразила меня точностью образов и ясностью поэтической мысли. Его стихи и ныне таковы, только на несколько голов выше прежних, своей выношенностью и состоятельностью:

Всё обретаю, что искал,
Оставив то, что было прежде,
Не зря я Бога призывал
И сердцем пребывал в надежде.
Я шёл тропюю чёрных лет,
Но грезились любовь и свет,
И дар небесного призванья,
Сиянье дома, сын и дочь,
И Пасхи золотая ночь,
Не знающая увяданья!

В заключение своих впечатлений о пятом тематическом выпуске журнала «Наш современник», частично посвященном литературе и литераторам Республики Коми хочется обратить внимание на литературоведческую статью в разделе «Критика» Андрея Расторгуева «Возрождение нежности», главным героем которой выступает народный поэт коми Виктор Кушманов, а вернее его поэтическое творчество. Судьба поэта Виктора Кушманова – запечатлена в его творчестве, к такому выводу приходит рецензент. И он, наверное, прав. Все мы поэты и прозаики, пишем нашу литературу с нашей жизни, какой бы она не была.

На этом мне бы и хотелось завершить своё краткое исследование прозы и поэзии русских авторов Республики Коми, увидевших свет в различных издательствах в 2008 году, коим, думается, сумел опровергнуть мрачные мысли в отношении русской литературы вообще писателя Владимира Маканина.

